

ВЕСТНИК

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

3
2015

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Москва
2015

УДК 800
ISSN 1992-6375

3.2015

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. М.А. Шолохова**

Издается с 2002 г.

Серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

**ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.**

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:

www.mggu-sh.ru
Подписной индекс
36733
в основном каталоге
Роспечати

Редакционная коллегия

А.В. Циммерлинг – гл. редактор,
Т.Ю. Журавлева – зам. гл. редактора,
М.В. Королёва – отв. секретарь,
Т.М. Воителева, С.Г. Золян, И. Кишш,
Н.Д. Котовчихина, Е.А. Лютикова,
В.А. Плунгян, И.А. Пильщиков,
Н.В. Сердобольская, К.Э. Штайн

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых журналов и изданий ВАК

Электронная версия журнала:
www.mggu-sh.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Илона Киши

- Образ культа – смысл культуры.
Заметки по поводу статей П.А. Флоренского
о Троице-Сергиевой Лавре 5

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Н.А. Адамян

- Семантические особенности интернациональной лексики
в австрийском варианте немецкого языка 19

П.В. Гращенков

- Синтаксические свойства
суффиксов русских прилагательных 28

О.А. Димитриева

- Сатуративный способ глагольного действия:
глаголы со значением питания
со словообразовательным формантом *на-...-ся* 39

А.А. Кузьмин

- К вопросу о семантических особенностях профессий
среднеанглийского периода 52

А. Либерман

- Принцип Оккама в этимологии:
англ. *qualm* и нем. *Qualm* 63

Е.А. Лютикова

- Безвершинные относительные предложения
в русском языке: эмпирические данные
и теоретические проблемы 74

О.О. Петрова

- Культурно-идеологическая семантика
в религиозном дискурсе
в толковых словарях русского языка XIX–XXI вв. 85

Е.И. Тузова

- Способы представления
будущего и прошедшего времени
в предвыборных программах
кандидатов на пост мэра Лондона и Москвы 94

МЕТОДИКА

А.Ф. Раджабова

Применение метапредметного подхода
на уроках русского языка
как условие осознанного самоопределения личности ребенка
в основной школе 104

НАШИ АВТОРЫ 110

CONTENTS 112

Илона Кишш

Образ культа – смысл культуры. Заметки по поводу статей П.А. Флоренского о Троице-Сергиевой Лавре¹

В статье раскрывается понятие культуры, развиваемое Флоренским вне оппозиции церковной и светской культуры. Средством преодоления этого противопоставления является синтез образа и смысла в процессе превращения системы образов и обрядов культа в смысловую структуру культуры. Данный сложный процесс анализируется на основе статьи П.А. Флоренского о Троице-Сергиевой Лавре как о духовном центре России.

Ключевые слова: П. Флоренский, статьи П. Флоренского о русской культуре, светская культура, церковность, визуализация культуры, «гендерное» единство, непрерывность культурной традиции, переводимость культурной традиции, Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры.

Проблема прерывности / непрерывности стояла в центре внимания Павла Флоренского с самого начала формирования его научных интересов, причем она была сформулирована сразу же в качестве универсального вопроса теории науки и миропонимания. Его кандидатское сочинение «Об особенностях кривых алгебраических», написанное в февралемарте 1904 г., было продумано в рамках большой работы под названием

¹ Во время подготовки данной статьи автор была лауреатом исследовательского конкурса Института перспективных гуманитарных исследований и технологий МГГУ им. М.А. Шолохова. Автор выражает искреннюю благодарность руководству университета и научному руководителю, профессору Н.Д. Котовчихиной.

«Прерывность как элемент мировоззрения», но ему было отведено лишь скромное место среди вводных глав в Книге 1 под названием «Об особенностях плоских кривых как местах нарушения их непрерывности». В Книге 2 автор планировал анализировать материалы, собранные из различных областей естествознания (физика, химия, биология, психология). Его цель заключалась в синтезе философских и математических идей [1, с. 8; 2, с. 29] для обоснования целостной картины человеческой цивилизации, осмысляемой в рамках единого восприятия светской культуры и церковности. Культура рассматривается Флоренским не в рамках оппозиции церковной и светской культуры, а как раз в преодолении этого противопоставления. Средством преодоления предполагается синтез образа и смысла – процесс превращения системы образов и обрядов культа в смысловую структуру культуры. В данной статье сделана попытка представить этот сложный процесс на основе статей П.А. Флоренского о Троице-Сергиевой Лавре.

Весьма примечательно, что почти в то же время, когда были завершены первые работы об универсальных предпосылках математической проблемы прерывности / непрерывности, скорее всего, в конце июня 1904 г., Флоренский написал небольшое сообщение под названием «Фаллический памятник котахевского монастыря». Оно стало одним из первых его печатных трудов, опубликованным в 1-ом выпуске 1908 г. петербургского журнала «Живая старина» [3, с. 49–50], оттиск которого он сам вклеил в свой «авторский сборник» под названием «Опыты I. 1903–1910» [Там же, с. 392]. Статья достойна внимания не только как первое научное свидетельство об остатках в Закавказье праздника плодородия «фаллофория», но и как наблюдение о синкретизме фаллизма с культом Богоматери. Древний фаллообразный памятник был обнаружен им в монастыре Котахёви Тифлисской губернии, рядом с которым стоял Котахевский храм с чудотворной иконой Божией Матери: «Бесплодные женщины, ... помолившись в храме, садятся на памятник обнаженным телом, чтобы таким образом иметь детей» [Там же, с. 50]. На сообщение молодого Флоренского обратил внимание знаменитый русский этнограф Лев Яковлевич Штернберг, ссылаясь на данное открытие в своей лекции в учебном году 1925/1926, эта ссылка была включена даже в его посмертно опубликованный сборник 1936 г. [6, с. 307]. Необходимо отметить, что сам Флоренский в это время находился уже в Соловецком лагере.

Главный тезис Флоренского в сообщении сводится к утверждению живой непрерывности культовых традиций древнего язычества и

христианства, несмотря на принципиально разные мировоззренческие предпосылки. «Произвести синтез церковности и светской культуры, ... воспринять все положительное учение Церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством и т.д.» – пишет он своей матери в марте 1904 г. о том, как ему представляется «одна из ближайших целей практической деятельности». [1, с. 8]. В начале июня 1904 г. Флоренский приезжает к своим родителям в Тифлис, так и не приняв предложения остаться как математик при кафедре своего профессора Леонида Лахтина в Московском университете. Он продолжает думать о принятии монашества, но его духовный отец, епископ Антоний, советует ему с согласия родителей поступить в Духовную Академию. Флоренский, судя по позднейшим записям, в это время жил на вершине «Цхра-Цхаро» над Бакуриями (на высоте ок. 2500 м.). Здесь особенно остро ощущается «ответчивость» сознания – пишет он, пользуясь выражением Достоевского в диалоге «Эмпирия и Эмпирия» [Там же, с. 190]. С этой точки зрения формулирует самый мучительный для себя личный вопрос: «Может ли быть последовательное мировоззрение без религиозного обоснования и опыта?»

23 августа 1904 г. он подал прошение о принятии в Духовную Академию. В этом выборе, по-видимому, сыграл роль, помимо упомянутых личных устремлений, и некий надличный момент: он остро ощущал свое призвание восстановить семейную преемственность (непрерывность) священства. Как известно, жизненный путь его деда по отцовской линии сложился как раз в противоположном направлении: не от науки к церкви, а от церкви к науке. Он окончил Костромскую духовную семинарию, был послан в Академию, но, выбрав науку, поступил в Военно-медицинскую Академию. По этому поводу П.А. Флоренский пишет в 1910 г.: «пока мы не вернемся к священству, Бог будет гнать и рассеивать все, самые лучшие попытки» [Там же, с. 3–4].

Но есть еще один момент, который ставит в новый ракурс возникновение процитированной выше статьи о симбиозе разных мировоззрений и культов и, одновременно, по-новому освещает методологический подход раннего Флоренского. Это его стремление к синтезу образа и смысла. Если он в своем призвании восстановить семейную преемственность священства продолжал отцовскую линию, то в стремлении к образному восприятию мира примкнул к материнской линии. Предрасположенность к ощущению конкретного мира и чуткость к наполненности смыслом природной красоты он унаследовал от своей матери. Так обосновывается формирующееся единство его видения на

мир путем введения принципа мужественности и женственности, взятого им из семейной традиции и восстановленного в своей непрерывности.

Это одна из тех продуктивных двойственностей, которые в результате интенсивной рефлексивной деятельности находят свое органичное место в миропонимании Флоренского. Приезжая на Кавказ летом 1904 г. со своими сомнениями и поисками, он разрабатывает новую перспективу для двойного – образного и смыслового – обоснования своего мировоззрения. Образное осмысление у него исходит из природной двойственности своего места рождения (Евлах), «где суровая и пустынная нелюдимость высот почти касается субтропической флоры ..., где преизобилующая природными богатствами и обременительная избытком роскошной жизни степь стеснена двумя снеговыми горными группами» [5, с. 279]. В двойственности природы («север и юг») он видит выражение своей собственной двойственности, а в исторической двойственности этой местности он обнаруживает напряженное сосуществование самых молодых и самых древних элементов культуры, которые возбуждают «друг друга к более крепкому самоопределению».

По мере продвижения по жизненному и творческому пути данное «крепкое самоопределение» у Флоренского становится все более и более элементарным внутренним требованием к себе, но оказывается все менее и менее осуществимым. «Мир надтреснут» – этот его вывод, сделанный в 1914 г., за несколько лет из метафизического тезиса превращается в горький экзистенциальный и исторический опыт. К 1918–1919 гг. непрерывность процесса истории окончательно нарушена, мир бесповоротно «надтреснут», и в пространственном, и духовном смысле слова. Флоренский четко понимает, что проблема прерывности / непрерывности должна быть поднята с другой позиции, но он отказывается описать ситуацию в политических терминах. Он настаивает на том, что это глубокий мировоззренческий кризис, касающийся не только России, но и всей цивилизации, и должен обсуждаться в мировоззренческих категориях, в буквальном смысле слова, обосновав новое понятие о культуре. Культура, по Флоренскому, это – видение.

В статье в дальнейшем изучается вопрос о том, как сложилось новое понятие культуры у Флоренского после перелома 1917 г., и как изменилось соотношение образа и смысла культуры по сравнению с начальным этапом его творческого пути. Две группы текстов вовлечены в анализ. Первая из них имеет описательный характер и тесно связана с его деятельностью в Комиссии по охране памятников искусства и старины

Троице-Сергиевой Лавры. Это семь документов, в основном доклады, служебные записки и весьма детальные описи Лавры и окрестности. Все они возникли в период 1918–1920 гг.: П.А. Флоренский, будучи членом комиссии, был автором или соавтором текстов и списков [3, с. 50–75]. Несмотря на их «официальный», вспомогательный характер, они представляют принципиальный интерес с точки зрения нашей темы, т.е. разработки принципов и основ новой культуры.

Вторая группа включает в себя три аналитических доклада Флоренского. В хронологическом порядке: «Храмовое действо как синтез искусств» («Сергиев Посад. 1918 октября 24/25 – ноября 6/7, в дни годовщины Октября»); «Троице-Сергиева Лавра и Россия» (1918.Х.2? / XI.10, доложен 28 ноября на 5-ом заседании комиссии; название первоначального текста: «О Лавре как unicum'e»); «Моленные иконы Преподобного Сергия» (1918 28/XII – 1919 1/I.) [4, с. 352–408]. И по времени и тематике сюда относится письмо Н.П. Киселеву (IV. 26–V.9.1919.) [Там же, с. 411–413], а по времени и по синтетическому видению – прекрасное эссе «Небесные знамения (Размышления о символике цветов, X. 20, 24.1919.)» [Там же, с. 414–418]. Эта работа задает смысловую интонацию обоим блокам текстов, развивающих новую концепцию культуры.

Исходный пункт этой концепции состоит в следующем: поскольку акт видения подчинен только созерцающему субъекту, этот акт управляем, он и является ключом к восприятию непрерывности. Эссе «Небесные знамения» начинается с описания этого акта: «Выйдем в открытое место, лучше всего при восходе солнца, или во всяком случае, когда солнце почти у горизонта, и заметим себе соотношение цветов. ... Дадим отчет себе, что собственно видим мы. – Мы видим свет и только свет, единый свет единого солнца. <...> Свет неделим, свет сплошен, – есть воистину непрерывность» [Там же, с. 414].

Образ увиденного с вершины холма Маковец, с места, которое открывается у самих стен Троице-Сергиевой Лавры, принципиально отличается от образа места рождения автора. Если с горных высот «суровой и пустынной нелюдимости» была видна «двойственность природы», выражающая внутреннюю двойственность созерцающего, то от стен Лавры виден «только свет, единый свет». Нет никакой двойственности, нет никакого раздела, есть только сплошной свет, истинная непрерывность света. Это видение обосновывается тем опытом, благодаря которому Флоренский смог преодолеть свои духовные сомнения: «Бог есть свет», в самом непосредственном смысле слова. А духовное восприятие *славы* Божией – это значит, что созерцая ее, мы зрим единый, непрерывный, неделимый свет. Между энергией освещающего света и

пассивностью освещаемого расположена некая тончайшая среда, которая придает свету цветность: это и есть «София» – на границе божественной энергии и «тварной» пассивности. Цветность – это и есть соотношение «Софии» к небесному свету.

К такому предельно простому и ясному выводу привели философа окружающее Троице-Сергиеву Лавру «открытое место» и широкий горизонт вокруг него. Это не метафора, а самый непосредственный исторический опыт: результат видения из исторического средоточия России – средоточия и в пространственном, и временном смысле слова. На этом фоне, как иконописец раскрывает лик святого из света, Флоренский сам разрабатывает новое понятие культуры, исходя из понятия света, и создает новую, зримую модель культуры («визуализирует» ее). Это для него не отвлеченное, не изолированное от непосредственного опыта понятие, а – в силу определения света – сама «Божья энергия» и «Божья деятельность». Соответственно, культура, которая из света раскрывается, и есть в самом непосредственном смысле «культура света»: светская культура. Не храмовая, не религиозная, не христианская культура – она определена не в оппозиции с чем-то другим, а сама по себе. Эта культура может раскрываться перед каждым, кто, выйдя в открытое место при восходе солнца, пытается дать себе отчет, что же, собственно, видит перед собой.

Флоренский, исходя из этого видения, раскрывает целостную модель культуры: культуры как возможности для всех, для каждого. Единственное, но необходимое предусловия для восприятия, т.е. существования этой культуры, обозначается им в сохранении единства Лавры. В этом единстве, по определению Флоренского, проявляется духовная и культурная непрерывность русской истории. Вся эта сложная и во всех деталях даже и не раскрытая концепция, на первый взгляд, может показаться неким «прикрытием» практической цели, преследуемой автором и другими членами комиссии по охране Лавры, чтобы сохранить храмы и монастырь, академию и все другие исторические институты, составляющие Лавру, вместе с ее бесценным сокровищем и с «персоналом». Все они приложили все усилия к тому, чтобы не дать разрушить уникальную архитектуру, не дать разогнать священников и монахов, не дать растратить вековые ценности. Это, конечно, подразумевалось, в этом и заключалась непосредственная цель. Но из целостного смысла приведенных текстов однозначно следует, что в этом заложена теоретическая основа для создания новой модели культуры. И это не утопия, а весьма практическая рекомендация: музей – как модель видения непрерывности, как модель активного восприятия исторической преемственности культур.

Вот к чему стремился Флоренский вместе с другими членами комиссии, в их числе с ее секретарем, графом Олсуфьевым. Сделаем попытку реконструировать эту концепцию на основе программных текстов, представленных перед комиссией и другими официальными органами.

Если цель эссе «Небесные знамения» состоит в раскрытии понятия непрерывности света как важнейшего предусловия видения, то в программной статье «Троице-Сергиева Лавра и Россия» анализируется непрерывность русской культуры как главнейший объект видения, активного восприятия. Эта непрерывность как историческое достояние от Преподобного Сергия Радонежского автоматически не передается, без духовного усилия современниками не наследуется. Непрерывность исторической традиции определяется Флоренским как императив: не как данность, а как за-данность, которая должна восполняться всеми последующими поколениями.

Историческая непрерывность, проявляющаяся в уникальности Лавры как «визуальном портрете» России, характеризуется временными и пространственными признаками: «Здесь ощутительнее, чем где-либо, пульс русской истории, ... здесь Россия ощущается как целое», т.е. не как раздробленное, а собранное территориально воедино, обладающее «средоточием», «точкой равновесия» именно в лице «Троице-Сергиевой Лавры». Эта непрерывность восходит, по анализу Флоренского, с одной стороны, к периоду Преподобного Сергия, к возникновению Московской Руси, которое «совпадает с одной из величайших культурных катастроф», т.е. с концом Византии. С другой стороны, данная непрерывность восходит к периоду возникновения Киевской Руси, ко времени «первообразования народа как сплетения самых тканей народности» [4, с. 357].

Во временной и пространственной непрерывности Киевской и Московской Руси проявляется также и культурная непрерывность. Она, поясняет автор, включает в себя два принципа культуры («они же предельные символы догматики»), а именно: принцип «переводимости» и принцип «воплощаемости». Первый принцип связан с Софией Премудростью, с мастерством, знанием, умением быть ангелом-посредником, ангелом-переводчиком между божьим и земным миром. Не случайно все иконы как таковые называются «переводами» прообраза, переданного иконописцу своим ангелом-посредником. Второй принцип связан с Пресвятой Троицей: с той идеей, что триединая Божья суть воспринимается как абсолютная ценность. Это и есть предельное предусловие культуры: «если нет абсолютной ценности, то нечего воплощать, невозможно самое

понятие культуры». Флоренский подчеркивает, что «если жизнь, как среда ... неспособна принять в себя, воплотить в себе творческую форму и, следовательно, снова останется она сама по себе, вне культуры, и следовательно – снова уничтожается понятие культуры» [4, с. 357].

Следующий ключевой момент концепции Флоренского о непрерывности как предусловии культуры заключается в ее органичном «гендерном» единстве. Он утверждает, что в русской культуре осуществляется непрерывное единство женственного и мужественного принципов: «Женственная восприимчивость жизни в Киевской Руси находит себе догматический и художественный символ Софии Премудрости, Художницы Небесной. Мужественное оформление жизни в Руси Московско-Петербургской выкристаллизовывается в догматический и художественный символ Пресвятой Троицы. Родоначальники двух основных пластов русской истории – Киевского и Московского, вместе с тем, суть величайшие провозвестники этих двух основных идей русского духа» [Там же, с. 358].

Данный тезис о «гендерном» единстве идеи русской культуры связывается, с одной стороны, с деятельностью Кирилла: «Избрав себе в невесты из сонма прочих дев, [он] бережно и благоговейно пронес этот символ через всю свою жизнь. Этот символ и сделался первой сущностью младенческой Руси, имевшей воспринять от царственных щедрот Византийской культуры». Кириллом же, добавляет Флоренский, был выкован «из мягкой массы языка некультурного... самый язык нашей древнейшей письменности, как, вместе с ним, и наша древнейшая литература, пронизанная и формально и содержательно благороднейшим из языков – эллинским». Другая сторона этого единства проявляется в эпохе второго первооснователя русской культуры, Преподобного Сергия: когда «вот, за доверчивым прятием эллинства и за формированием извне женственной восприимчивости русского народа, приходит пора мужественного самосознания и духовного самоопределения, создание государственности, устойчивого быта» [Там же, с. 359].

«Мужественная» историческая перемена произошла с сохранением способности к «женственной восприимчивости» и способности «воплощать в себе Горний Первообраз». Поэтому смогла перейти от Византии культурная миссия к Руси: так «из русских болот возникло русское государство». Символом новой культурной задачи стало видение Троицы. Преподобный Сергий строит Троичный храм, видя в нем «призыв к единству земли Русской», «прототип собирания Руси в духовном единстве». В этом смысле Андрей Рублёв, духовный внук Сергия, написав икону «Троица», был «не самостоятельным творцом,

а лишь гениальным осуществителем творческого замысла и основной композиции, данных Преподобным Сергием». Так, помимо «Софии Премудрой», «Троица» – второй символ русского духа: «под знаком его развертывается дальнейшая русская история».

Идея троичности вводит в русскую культуру еще один аспект непрерывности. Троица, которая называется Живоначальной, т.е. «началом, истоком и родником жизни», как принцип единства противопоставлена «смертоносной раздельности», благодаря чему Лавра стала центром культурного объединения Руси, центром «колонизации и территориальной, и хозяйственной, и художественной, и просветительной, и, наконец, моральной». Аспект морального объединения получает особое значение при рассмотрении культурных возможностей, которые вытекают из «полифонического» характера Лавры: «мне представляется Лавра, в будущем, русскими Афинами, живым музеем России, в котором ... в мирном сотрудничестве и благожелательном соперничестве учреждений и лиц, совместно осуществляются те высокие предназначения – дать целостную культуру, воссоздать целостный дух античности, явить новую Элладу, которые ждут творческого подвига от Русского народа».

Программная статья об уникальных возможностях Троице-Сергиевой Лавры как визуальной модели основополагающих принципов для сохранения непрерывности русской культуры получает дальнейшее развитие в двух направлениях в работах Флоренского: в статье о моленных иконах Преподобного Сергия, с одной стороны, в статье о храмовых действиях – с другой. Обе статьи были написаны почти одновременно с предыдущей и были представлены перед комиссией по охране Лавры.

Сохранилось две моленные иконы Преподобного Сергия, которые, по предположению Флоренского, были подобраны и переданы ему весьма сознательно. Это само по себе веский аргумент в подтверждение глубокой непрерывности и связности всех его жизненных событий. Сергей получил иконы, скорее всего, от своих родителей, а у них самих они оказались уже как семейное наследство: «Если икона Троицы – это то, что Преподобный Сергей творчески внес в русскую историю, то его “моленные иконы” получены им от вселенского сознания через своих предков и лично». Как Троица Рублёва, так и обе эти келейные иконы дошли до нас в превосходной сохранности, и, предположительно, были написаны в одной и той же мастерской в XIII–XIV вв. Первая – это «Пресвятая Богородица – Одигитрия», а вторая – икона Николая Чудотворца. Сразу бросается в глаза неразрывная органичность

подбора двух икон по «сюжету»: женственность иконы Богородицы и мужественность иконы Николая Чудотворца. Эти два свойства как бы повторяют исторически неразрывный путь русской культуры от женственной восприимчивости к мужественному самосознанию, столь наглядно описанный Флоренским в статье о Лавре.

Весьма интересно сопоставляется античный дух иконы Одигитрии с иконой Николая Чудотворца: при той же самой фактуре, при поразительном сходстве, последняя «глубоко чужда античности». Флоренский сравнивает ее с музыкой Бетховена «как выражением чистой человечности». Особенно убедительно поддерживает эту мысль сопоставление их глаз. Огромные глаза Богородицы созерцают, но не смотрят на зрителя. Ее вид утомлен от духовного созерцания зла. Вид младенца на ее руках не младенческий, скорее, старческий, и как раз он смотрит на зрителя. Вид у Николая Чудотворца совсем другой: концентрирован, напряжен, сжат, собран около одного центра – около «духовного зрения». «Перебегающим движением глаз» он как бы надзирает весь мир. «Одигитрия дает небесные дары, а Николай следит за их сохранностью. Одигитрия – мудрость небесная, а Святитель Николай Чудотворец – ум земной» [4, с. 403].

Из этого сопоставления следует, что эти две иконы относятся друг к другу как тезис и антитезис: первая указывает на путь воплощения, вторая – на путь одухотворения. Мирная надежда и сила ума, божия благодать и человеческий подвиг духа: так определяются Флоренским парные идеи, основные элементы первообраза, которые раскрывались для Преподобного Сергия перед этими иконами. Эти же идеи были унаследованы от византийской культуры и переданы миру русским народом.

Этим заключением Флоренский возвращается к мысли, развитой в статье «Троице-Сергиева Лавра и Россия», но сразу же выходит за ее рамки. Через моленную икону Одигитрия передается «нить культурного предания» от Византии к Руси, но она же, благодаря своей глубокой античности, будучи «каноническим типом бессмертной и безмужней Девы-Афины», создает органичную преемственность и непрерывную культурную связь между Элладой и Русью. В силу этой связи, Лавра может осуществить модель новых Афин, и Россия, имея двойную связанность и с Элладой, и с Византией, обладая одновременно внутренней цельностью, может восполнить свое культурное призвание как выразитель исторической и духовной непрерывности.

Лавра как модель новых Афин представляется в статье «Храмовое действо как синтез искусств». Она обычно называется [7, с. 22–29] главнейшим программным манифестом Флоренского. Цель этой модели заключается в передаче «культурного предания», а наиболее продуктивным способом передачи считается «верховный синтез искусств, о котором столько мечтает новейшая эстетика». Лавра представляется автору как «опытная станция и лаборатория для изучения существеннейших проблем современной эстетики» [4, с. 371]. Это определение подтверждает упомянутый тезис о том, что новая культура рассматривается Флоренским не в оппозиции церковной и светской культуры, а как раз в преодолении этого противопоставления. Храмовое действо может служить моделью, образцом для этого акта как «полносодержательного» воплощения всех функций, которые сами по себе, вне этого органического единства, не имеют никакой реальности – «как не есть эстетическая реальность краска, соскобленная с картины, или совместно звучащие звуки всей симфонии». Так понимается им акт «нового творческого синтеза».

Исходя из этого определения, освещается основное, внутреннее противоречие между «музеем» как традиционным учреждением для представления художественных произведений, с одной стороны, и принципиальным условием для функционирования самого художественного произведения – с другой: «задача Музея есть именно отрыв художественного произведения» от своего конкретного контекста, но это приводит к уничтожению художественного предмета как живого организма. «Скажем образно: Музей законченную картину подменяет абрисом ее». Культура, оторванная от своих условий бытия, «перестает восприниматься» и так перестает существовать: «музейфикация», по мнению Флоренского, к такому последствию может привести. Поэтому, поясняет автор на примере Лавры, единственный выход: предоставить живые условия для существования искусства, т.е. сохранить принципы ее живого единства. И поскольку живое единство может быть достигнуто лишь верховным синтезом искусств, необходимо предоставить условия именно для такого синтеза.

Самый существенный элемент этой концепции заключается в том, что синтез должен быть осуществлен не только при создании этого художественного произведения, живые условия должны быть соблюдены не только на творческой стороне, но и в акте восприятия. Даже, как выясняется из анализа, условия синтетического восприятия могут оказаться еще более принципиальными, чем намерения художника

создать синтез, ведь художественный акт отождествляется именно как синтез лишь в силу синтетического восприятия. «Эстетическое недомыслие и недочувствие», говорится в тексте, может привести к гибели искусства. Эта концепция с утверждением симметричности функций создающего и воспринимающего акта предвосхищает самые важные предпосылки современной эстетики и художественной мысли XX в.

Храмовое действо служит не случайной метафорой, не просто аналогией для такого рода «Gesamtkunstwerk»: между ними наблюдается скорее всего, отношение «структурное тождество». Таким же образом, как Лавра является не просто символом или метафорой России: их связь обосновывается тоже структурным и духовным тождеством, и Лавра в этой идентичной связи является духовным средоточием России. Храмовое действо, которое столь наглядно и пластично описывается Флоренским – от искусства огня и дыма до пластики движений священнослужителей и особой осанки монахов, – на первый взгляд, служит лишь целям адекватного восприятия иконы, и функционирует как «художественная среда, в которой, и только в которой, икона имеет свой подлинный художественный смысл и может созерцаться в своей подлинной художественности». На самом деле, икона занимает в этом единстве такой же статус, как Лавра по отношению к России – она является духовным средоточием. «Тут *всё* подчинено единой цели, верховному эффекту кафарсиса этой музыкальной драмы, и потому *всё*, соподчиненное тут друг другу, не существует или по крайней мере ложно существует взятое порознь» [4, с. 379].

Из этого тезиса особенно ясно, что структурное тождество храмового действия и современного синтетического искусства основано на единстве «пульсирующей деятельности» художника и «пульсирующей восприимчивости» аудитории, которое вне специфического пространства, предоставляющего все предусловия для синтеза, не может осуществляться. Лавра, подчеркивает автор, может предоставить эти предусловия только в живой преемственности со своей оригинальной функцией, а не как музей «для мертвых вещей». Цель создания «живого музея» с сохранением целостности храмового действия в Лавре как в «целостном художественно-историческом и единственном в своем роде мировом памятнике» – это и есть, на взгляд Флоренского, «всестороннее жизненное усвоение человеческого творчества, и притом всенародное». Это и есть высшая задача искусств, их «предельный синтез», «с такою неуемною

каждою искомым покойным Скрябиным»¹ [4, с. 382].

1 июня 1918 г. Павел Флоренский записывает главу об освящении реальности для цикла лекций «Философия культа». Он рассматривает вопрос о том, почему не освящается культом сразу вся реальность. Как ни парадоксально, считает автор, полное и равномерное освящение реальности привело бы как раз к обратному результату, к отщеплению жизни от таинств, которые, на самом деле, должны функционировать некой «лестницей» для постепенного восхождения, до постепенного синтетического охватывания созерцанием освященных пространств мира. Он приводит весьма наглядный пример о том, как можно достичь такого рода синтетического восприятия. Он ссылается на некий метрополитен, который был проектирован для мировой выставки. Он был конструирован из плоских платформ разных размеров, расположенных концентрическими кругами друг над другом, которые вращались с разной скоростью. Посетитель не мог поменять направления маршрута между плоскостями и не мог сойти с метрополитена своевольно без риска. Зато во время продвижения он мог найти подходящую перспективу для синтетического видения, чтобы охватить все пространство одним взглядом. То, что он не смог охватить из привычных, неподвижных точек зрения, стало возможным благодаря системе соотношений между вращающимися плоскостями и взглядом продвигающегося созерцающего субъекта.

В этом примере полностью обнаруживается суть представлений Флоренского о «живом музее», миссия которого, по его определению, состоит в предоставлении возможностей синтетического видения для созерцающего субъекта. Самое примечательное в представленной

¹ Это, казалось бы, случайный пример: на самом деле, эксперименты Александра Скрябина для создания «Gesamtkunstwerk» выражают суть рассуждений Флоренского. Автор, по всей вероятности, ссылается здесь на произведение Скрябина под названием «Прометей» (Поэма огня, Op. 60, 1908–1910; первое исполнение в Советском Союзе состоялось в Казани, в 1962 г. – для этой премьеры была построена специальная «световая клавиатура»). На основе «поэмы» в 1965 г. был снят фильм (режиссер Булат Галеев), в котором синтетизируется игра фортепиано, оркестра (органа), хора и – света. Эта своеобразная «световая симфония» является не просто переосмыслением мифа о Прометее. Она осмысливается как модель самого «прометеевского» акта создания культуры как таковой: как неизвестный культурный опыт может быть превращен в новую синтетическую художественную структуру, и, одновременно, проявить преемственность с культурой предыдущих эпох? В этом вопросе ставится общая для Флоренского, Скрябина и многих других теоретиков и художников XX в. проблема. Ее ключевой элемент связан с возможностью синтетического видения как предусловием адекватного восприятия современной синтетической культуры.

конструкции то, что она четко визуализирует весьма абстрактный и трудно осязаемый процесс «восхождения» к точке синтетического видения путем моделирования продвижения в сложной пространственной системе. Флоренский отмечает, что путем восприятия и понятия пространства становится возможным понимание мира и отсюда выводит свое определение культуры: «культура – это деятельность в целях организации пространства», с одной стороны, и в целях восприятия пространства – с другой.

В этой дефиниции полностью повторяется и подтверждается смысл деятельности Преподобного Сергия Радонежского, сформулированный в статье «Троице-Сергиева Лавра и Россия»: в организации пространства Лавры как средоточия Руси он раскрыл модель русской культуры и духовности, основными принципами которой стали императив создания органического единства и исторической непрерывности. Этот образ, созданный Преподобным Сергием в кризисный момент русской истории, стал смыслом культуры на ряд веков вперед. В кризисный момент 1920-х гг. воссоздать единство и непрерывность практическим путем было невозможно. Поэтому Флоренский ставит в основу своей теоретической модели культуры императив создания «синтетического видения» пространств, синтетическое понимание и организация пространств – как новый смысл новой культуры.

Проницательные открытия Флоренского были восприняты и осознаны в своей глубине только в последние десятилетия. Но его тезис о «миропонимании как пространствопонимании» стало эвиденцией современной культуры и современной теорий о культуре, даже и без ссылки на его автора.

Библиографический список

1. Игумен Андроник (А.С. Трубачев). Жизнь и судьба // Флоренский П.А., свящ. Соч. в 4 т. Т. 1 / Сост. и общ. ред игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. М., 1994. С. 3–36.
2. Игумен Андроник (А.С. Трубачев). Обо мне не печальтесь... Жизнеописание священника Павла Флоренского. М., 2007.
3. Флоренский П.А., свящ. Собр. соч. Ст. и исследования по истории и философии искусства и археологии / Сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева); Ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). М., 2000.
4. Флоренский П.А., свящ. Соч. В 4 т. Т. 2 / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева. М., 1996.
5. Флоренский П.А., свящ. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней; Генеалогические исследования; Из соловецких писем; Завещание / [Предисл. и коммент. игумена Андроника (А.С. Трубачева)]. М., 1992.
6. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, ст., лекции / Под ред. и с предисл. Я.П. Алькора. Ленинград, 1936.
7. Галинская И.Л. Павел Флоренский об идее «живого музея» // Новая литература по культурологии: Дайджест. 1995. № 3.

Н.А. Адамян

Семантические особенности интернациональной лексики в австрийском варианте немецкого языка

Статья посвящена выявлению особенностей семантики интернациональной лексики в австрийском варианте немецкого языка в сравнении с собственно немецким национальным стандартом. Освещаются вопросы, вызванные с бурным распространением интернациональной лексики в современном языкознании. Автором рассматриваются основные расхождения в семантике интернациональных слов при помощи полисемии и моносемии в собственно немецком и австрийском варианте современного немецкого языка. Отдельно анализируются интернационализмы, обладающие стилистическими дифференциациями в двух сопоставляемых узусах.

Ключевые слова: интернациональная лексика, национальные варианты языка, семантические особенности, полисемия, моносемия, стилистические особенности, австрийский вариант немецкого языка.

На сегодняшний день проблема изучения интернациональной лексики является одной из наиболее актуальных в лингвистике. Изучение интернационального корпуса лексики в различных языках продиктовано его важной ролью в речевой коммуникации, а также в постоянно расширяющихся границах его употребления. За последние десятилетия словарный состав немецкого языка значительно обогатился за счет интернациональной лексики. В силу того, что динамика распространения интернационализмов и их словообразовательная активность возрастает с каждым

днем, повышается и интерес со стороны исследователей к данной проблематике.

Интернационализмы представляет чрезвычайно разнородный по происхождению и составу слой лексики. Между тем, ученые выделяют два основных источника происхождения интернациональной лексики и интернациональных словообразовательных морфем: 1) греко-латинский фонд корней, словообразовательных аффиксов и готовых слов, заимствуемых целиком по причине того, что именно латинский и греческий языки являлись научными в эпоху Средневековья [9, с. 102]; 2) современные национальные языки. В разные исторические эпохи существенный вклад в фонд интернациональной лексики был сделан разными народами. «Если первоначально интернационализмы возникали на основе латинского или греческого языков, то затем “дающим” становился язык страны, опережающей в определенной области: социальной, научно-технической, культурной» [1, с. 51]. За последние двадцать лет больше всего интернационализмов пришло из английского языка, что обусловлено развитием информационных технологий, в частности, Интернета.

Г. Август полагает, что широкое распространение интернационализмы получили в результате исторически сложившихся межъязыковых контактов [7, с. 80]. В европейских странах на базе латинского и греческого языков происходит постоянный внутренний обмен значениями, а, следовательно, и языковой картины мира. Т.к. этот процесс находит свое отражение в духовных, культурных и научных сферах человеческой жизни, это препятствует полной изоляции каких-либо отдельных языковых культур.

Современные лингвисты отмечают, что между интернационализмами одного происхождения, существующими в разных языках, могут встречаться определенные расхождения (семантические, стилистические, узусальные), связанные как с природой принимающего языка, так и с внешними, экстралингвистическими, условиями взаимодействия народов и культур.

Поскольку немецкий язык является полинациональным (плюрицентрическим) и обслуживает сразу несколько государств, в каждом из его вариантов, в собственно немецком, австрийском и швейцарском, прослеживаются специфические черты.

В лингвистике последних трех десятилетий национальное своеобразие вариантов современного немецкого языка стало объектом целого ряда специальных исследований, а особенностям иноязычной лексики в австрийском варианте немецкого языка начинает посвящаться все больше научных работ. Исследования в данной области проводятся как отече-

ственными, так и зарубежными лингвистами: У. Аммоном, М. Кляйном, Я. Эбнером, А.И. Домашневым, Л.Б. Копчук, Г.И. Зибровой и др. Объясняется это рядом факторов: во-первых, немецкоязычное языковое сообщество имеет давнюю традицию в исследовании подобного рода лексики, во-вторых, словарный состав национальных вариантов немецкого языка постоянно расширяется благодаря словам иноязычного происхождения (в основном, интернациональной лексики) и, наконец, в-третьих, феномен интернационализмов состоит в том, что они способны «адаптироваться» к системе воспринимающего языка и приобретать национально-культурную специфику, что отражается в семантике австрицизмов.

Австрийское национальное своеобразие немецкого литературного языка фиксируется различными лексикографическими справочниками. Рассматриваемые в статье примеры отобраны из следующих словарей: «Das Österreichische Deutsch» и «Variantenwörterbuch des Deutschen». В них содержатся данные о лексических австрицизмах, заимствованной лексике, семантических особенностях слов в литературном языке Австрии.

По свидетельству ученых-лингвистов, на своеобразие австрийского варианта немецкого языка повлияли два основных источника: диалекты (напр., венский) и различные национальные языки (итальянский, французский, словенский, венгерский и др.). Период многонационального прошлого Австрии, ее самостоятельные контакты с другими государствами способствовали тому, что в литературном языке мы находим определенный пласт иноязычной лексики, которая в немецкой речи за границами Австрии не употребляется [2, с. 76, 77].

Множество тематических заимствований, ставших интернациональными, относится к национальной кухне Австрии. Изучение терминологии австрийской кухни привлекает как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Отдельную группу слов образуют интернационализмы славянского происхождения. Например, пришедшее из чешского языка в австрийский вариант немецкого языка слово *Powidl* (чешск. *povidl(o)*) распространилось во многие национальные языки, в том числе, на итальянский, а в русский оно пришло из польского. В австрийском узусе данный интернационализм имеет широкое употребление, в то время как в Германии используют свой лексико-семантический вариант, ср. австр. *Powidel* – собств. нем. *Fruchtmarmelade/Pflaumenmus* (повидло). Австрийское *Powidl* и немецкое *Pflaumenmus* различаются рецептами приготовления, в результате чего *повидло* в Германии и Австрии получается не сходным по вкусу и консистенции. Интересно, что от существительного *Powidl* появился глагол *powidalen* со значением «говорить по-чешски или с чешским акцентом», а также интернационализм *Powidl* используется в

немецком языке Австрии в обороте *Es ist mir alles Powidl* со значением «мне все равно».

В ряде случаев употребление некоторых интернациональных слов может определяться ситуацией речи. Так, существительное *Filet* (*филе*), пришедшее из французского (*filet*), в Австрии используют в основном в кулинарной среде/гастрономии (в письменной и устной речи), в то время как при покупке *филе* австриец в диалоге с продавцом употребит австрийски маркированный вариант *Lungenbraten*, не характерный для немецкого языка Германии. В собственно немецком варианте существительное *Filet* используют как в кулинарных рецептах, так и носителями языка при покупке мяса в магазине.

Рассмотрим интернационализмы, различающиеся семантически и стилистически в австрийском и собственно немецком узусах. Семантические расхождения могут быть двух типов: 1) полные; 2) частичные. Те интернационализмы, которые полностью расходятся в значениях в австрийском и собственно немецком вариантах, можно отнести к категории «ложных друзей переводчика». Частичные расхождения интернационализмов могут отражать процессы семантического изменения слов как путем полисемии (расширение значения в национальных вариантах немецкого языка), так и моносемии (сужение значения), а также демонстрировать стилистические особенности между двумя узусами.

Интернационализмы, полностью расходящиеся в значениях в австрийском и собственно немецком вариантах. *Ср.*: *Kommissariat* – 1. *Полицейское ведомство / полицейский участок* (в австр. только это значение). 2. В Германии под этим лексико-семантическим вариантом понимается только «уголовный розыск» (*Kriminalpolizei*). А в некоторых других языках, в частности, во французском, *commissariat* означает «отделение полиции конкретного округа». Австрийскому *Kommissariat* в собственно немецком варианте соответствует *Wachzimmer*.

Пары интернациональных слов типа собств. нем. *Kommissar* / австр., швейц. *Kommissär* имеют расхождения не только в плане выражения, но и в плане содержания. На территории Германии интернационализм *Kommissar* обозначает «звание работника полиции» (синонимично нем. *Inspektor*), в то время как в Австрии аналогичного звания под термином *Kommissar* не существует. Этимологически *Kommissar* восходит к латинскому *commissarius* (уполномоченный).

Говоря о расширении значения интернационализмов в австрийском варианте немецкого языка, мы имеем в виду многозначные интернационализмы (их основное значение совпадает, но в австрийском варианте

немецкого литературного языка развивается еще одно, дополнительное значение).

Так, в немецком языке Австрии важную роль в образовании глаголов играет интернациональный суффикс *-ieren*. В некоторых случаях интернациональные глаголы с суффиксом *-ieren* имеют не одно, а несколько значений в австрийском варианте немецкого языка. Так, глагол *adaptieren* употребляется в немецком языке Австрии не только в значении «адаптировать», «приспосабливать», но и «перестраивать, ремонтировать». Кроме интернациональных глаголов, также и существительные, и прилагательные, наряду с общим для немецкого языка Австрии и Германии значением, развивают нехарактерные для немецкого употребления дополнительные значения (таблица 1).

Таблица 1

Интернационализм	Значение в собственно немецком варианте	Дополнительное значение в австрийском варианте немецком языке
<i>Billet, n</i> (фр.)	Билет	Маленькое письменное поздравление
<i>Boxer, m</i> (англ.)	Боксер (спорт.) Боксер (разновидность породы бульдога)	Удар кулаком
<i>Büffet, n</i> (фр.)	Буфет (тип мебели)	Небольшой ресторан
<i>Dotation, f</i> (лат.)	Дотация, дар	Приданое жены
<i>Estrade, f</i> (фр.)	Эстрада, помост	Публика (зрители)
<i>Exekution, f</i> (лат.)	Казнь, экзекуция	Опись имущества, арест на имущество
<i>Exekutor, m</i> (лат.)	Палач	Судебный исполнитель
<i>exekutieren</i> (лат.)	Выносить приговор	Описывать имущество, налагать арест на имущество
<i>Garnitur, f</i> (фр.)	Обшивка, отделка	Металлические части, входящие в оборудование печи или котлоагрегата
<i>Kurator, m</i> (лат.)	Опекун	Доверенное лицо
<i>Losung, f</i> (нем.)	Лозунг	Дневная выручка
<i>Parkett, n</i> (фр.)	Паркет, партер	Место для танцев
<i>Passagier, m</i> (итал.)	Пассажир на корабле, самолете и т.п. (тот, кто путешествует)	Житель комнаты в отеле

Тесные связи Австрии с Римской империей, перестройка государственного аппарата после получения независимости привели к тому, что значи-

тельная часть австрийски отмеченных латинизмов (*Kommissar, Exekution*) составляют лексические и семантические австрицизмы, в основном, из области официально-делового языка. Интернационализмы итальянского и славянского происхождения характерны для языка Австрии, т.к. у немцев не было таких тесных контактов с этими нациями. Романские языки имели в Австрии в XVII в. высокий социальный престиж, что не могло не сказаться на распространении интернациональной лексики и расширении ее семантического объема. Следует также отметить, что, несмотря на важную роль англоамериканской лексики в наши дни, национальные варианты немецкого языка обнаруживают крайне незначительные расхождения в ее семантике, ограничиваясь лишь некоторыми терминами из области спорта, в основном футбола (ср. напр., австр. *Goal* – собств. нем. *Tor*; австр. *Goalkeeper* – собств. нем. *Tormann*). Замещение данных интернационализмов на автохтонные лексемы в собственно немецком варианте объясняется пуристическими течениями, происходящими во второй половине XX в.

Особо следует выделить венскую лексику, формирование которой тесным образом связано с культурно-историческими традициями столицы Австрии, особенностями жизненного уклада венцев, их мировосприятия и образа мыслей [2, с. 77]. Интернациональная лексика в Вене также может иметь большее количество значений, чем в немецком языке Германии. Так, например, слово *Klavier* (пианино, фортепиано), помимо его основного значения, имеет еще одно – вставная челюсть или зубной протез. Однако следует уточнить, что такого рода примеры иллюстрируют особенности употребления интернационализмов только в сфере устного общения.

Проиллюстрированные примеры показывают, что интернационализмы в немецком языке Австрии в ряде случаев имеют более широкий спектр значений, нежели в собственно немецком варианте. Это объясняется тем, что многозначные лексические единицы одного языка зачастую заимствуются только в одном из значений в другой язык. Со временем они нередко заимствуются вторично в другом значении. Слово может быть также многократно заимствовано в его различных значениях. По причине того, что процесс заимствования и освоения продолжается иногда в течение длительного периода времени, то в некоторых случаях слово в языке-источнике за это время также претерпевает существенные изменения в своей семантике. Наличие сходных по внешней форме и различных по значению слов в двух сопоставляемых узусах является результатом длительного и сложного процесса.

Горюя о сужении значения интернационализма в австрийском варианте немецкого языка, мы имеем в виду моносемантические интернационализмы в австрийском варианте немецкого языка, имеющие в немецком языке Германии более широкий спектр значений.

Kurieren (лат. *curare*) – лечить от каких-либо заболеваний (в австр. только это значение) В собственно немецком варианте есть еще одно значение, использующееся в переносном смысле, – оберегать, ограждать – *jmdn. von seinen Illusionen kurieren*.

Lüster (от фр. *lustre*, этимологически восходящее к лат. *lustrare* освещать): 1. люстрин (ткань) – в австр. только это значение; 2. люстра; 3. глазурь на фарфоре, керамике. При оформлении гласных на австрийский вариант повлиял итальянский язык, в то время как на немецкий стандарт – французский. В результате австрийское *Luster* в значении «люстра» графически оформляется без умлаута.

Terminieren – назначать срок (в австр. только это значение), в то время как в Германии этот лексико-семантический вариант используется также в значении «оговаривать время (временные рамки)», напр., на определенное число – *terminieren auf den 10. Januar*.

В собственно немецком варианте есть интернационализмы, отмеченные признаком архаичности или полностью утраченные, но сохранившиеся в активном употреблении в Австрии, напр. австр. *Kupee* (собств. нем. *Abteil* – купе); австр. *Kanditen* (собств. нем. *Zuckerwaren* – кондитерские изделия). Вытеснение интернационализмов и замена их на национальные дублеты объясняется пуристическими течениями, которые были направлены на чистку немецкого языка от иноязычных заимствований [3, с. 197]. Для австрийского варианта немецкого литературного языка не были характерны пуристические движения, именно поэтому в нем встречается такое большое количество интернациональной лексики, которая не только не архаизируется с течением времени, но и продолжает приобретать все новые значения. Так, например, устаревшее в собственно немецком стандарте обозначение *Gendarm* (жандарм) является в Австрии официальным наименованием для сельских полицейских [4, с. 79]. Употребление интернационального существительного *Kuvert* (*конверт*) характерно как для письменной, так и для устной сферы общения в Австрии, в то время как для немцев нормой является его национальный дублет – *Briefumschlag*. В немецком узусе *Kuvert* уже практически не используется и считается устаревшим, в то время как образованный от него субстантивированный глагол *kouvertieren* (класть в конверт) используется и по сей день. По своей этимологии *Kuvert* восходит к французскому *couvert*. Такое же написание, как и во французском, имеет существ-

вительное *Couvert* (скатерть для стола в ресторане), которое характерно как для немецкого, так и для австрийского варианта немецкого литературного языка.

В немецком языке Германии есть также такие слова, которые раньше не употреблялись в Австрии, но в последнее время все больше утверждаются в австрийском литературном стандарте, напр., *Karussel*, *Pastor* и др.

Некоторые интернационализмы в Австрии могут отличаться оттенками значений. Так, например, в Австрии существительное *Magister* (лат. *magister*) может быть использовано при обращении перед именем или при обращении к аптекарю. Австрийцами используется также усеченная форма *Mag.*, не характерная для немецкого узуса. В Европе слово *Magister* употреблялось еще со времен Древнего Рима и всегда обозначало *начальник* или *наставник*. Вариации данного интернационализма в различных государствах обусловлены исторически.

Нередко интернационализмы могут быть использованы в связи с необходимостью создания стилистически нейтральных слов, т.е. эвфемизмов, употребляемых вместо синонимичной языковой единицы, которая представляется говорящему неприличной, грубой или нетактичной. Так, интернациональное слово *Vanille* (фр. *vanilla*, исп. *vainilla* – ваниль) употребляется в Австрии в том случае, если от человека неприятно пахнет (например, чесноком). Интернационализм *Vanille* в австрийском стандарте также входит в состав композитов, напр. *Vanilleroastbraten* (*Rostbraten, der mit Knoblauch zubereitet wird* – ростбиф с чесноком). Еще П. Браун в 1970-е гг. указывал на данное свойство интернационализмов, которое позволяет говорящим варьировать свою речь в зависимости от условий общения, при необходимости скрывать свои намерения, а также избегать коммуникативных конфликтов, которые могут происходить при слишком прямолинейной номинации определенных предметов, действий и свойств [8, с. 152].

Предлагаемый анализ показывает, что явление семантической дифференциации интернациональной лексики в Австрии и Германии обусловлено определенными историко-культурными процессами. В ряде случаев одни и те же интернационализмы в Австрии и Германии могут иметь расхождения в объеме семантической структуры слова, отличаться оттенками значений, а также сферой употребления. Конкретный исторический характер языковых контактов накладывает определенный отпечаток на тематический состав, функциональную сферу и степень актуальной принадлежности интернационализмов к системе австрийского стандарта [5, с. 26]. В австрийском варианте отмечается большая тенденция к использованию интернациональных слов и заимствований в целом, что влияет и

на расширение семантики этих слов, а также для австрийского стандарта более характерна и словообразовательная ассимиляция. Так, в австрийском варианте широко используется интернациональный суффикс *-ieren*, играющий важную роль в создании новых глаголов, не характерных для немецкого языка Германии (напр., австр. *psychiatrieren*). И, наконец, нельзя не отметить особую идиоматическую структуру австрийского стандарта, характеризующуюся вхождением интернационализмов в состав австрийских композитов (напр., *Vanillerostraten* – ростбиф с чесноком), в которых происходит семантический сдвиг.

Библиографический список

1. Гильченко Н.Л. Практикум по переводу с немецкого на русский. СПб., 2006.
2. Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л., 1983.
3. Жлуктенко Ю.А. Варианты полинациональных литературных языков. Киев, 1981.
4. Копчук Л.Б. Национальная и региональная вариативность лексики и фразеологии современного немецкого языка: Монография. СПб., 1997.
5. Косолапов А.С. Иноязычная лексика в австрийском варианте современного немецкого литературного языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1975.
6. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008.
7. August G. Sprachnorm und Sprachwandel. Wiesbaden, 1977.
8. Braun P. Fremdwort-Diskussion. (Fremdwörter als Internationalismen – Ein Beitrag zur interlinguistischen Behandlung von Fremdwortfragen). München, 1979.
9. Braun P., Schaedler B., Volmert J. Internationalismen – Studien zur interlingualen Lexikologie und Lexikographie. Tübingen, 1990.
10. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 2012.
11. Sedlaczek R. Das Österreichische Deutsch. Wie wir uns von unserem grossen Nachbarn unterscheiden. Ein illustriertes Handbuch. Wien, 2004.
12. Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol. Ulrich, Berlin – NY, 2004.

П.В. Гращенков

Синтаксические свойства суффиксов русских прилагательных

Работа посвящена образованию русских прилагательных. Проведено сравнение свойств суффиксов -н- и -ск- как наиболее продуктивных аффиксов, использующихся при деривации прилагательных. На основании сочетаемостных свойств деривационных суффиксов предлагается рассматривать их как элементы синтаксического процесса.

Ключевые слова: русский язык, прилагательные, синтаксис, словообразование, суффиксация.

1. Синтаксическая деривация и деривационная морфология

При соединении отдельных единиц синтаксической структуры каждый раз необходимо выбирать элемент определенного класса: объединять прилагательные с существительными для образования именных групп, наречия с глаголами для образования групп глагола и т.д. Принадлежность некоторого элемента к определенному классу, как представляется, играет ключевую роль для синтаксической деривации.

Среди русских адъективных лексем есть некоторое количество непроизводных: большой, малый, плохой, хороший и т.д. Наряду с непроизводными прилагательными в русском существует большое количество таких, которые образованы от имен, глаголов и других частей речи. Русский язык маркирует переход лексических единиц из класса существительных и глаголов в адъективный класс при помощи специальных показателей.¹ В отсутствие таких показателей образование полной формы прилагательного невозможно, ср.:

- (1)
 а. \surd труд-н-ый, \surd год-н-ый
 б. *труд-ый, *год-ый

Неполный список продуктивных суффиксов прилагательных выглядит следующим образом (для первых двух также признается множество вариантов или морфов): -н-, -ск-, а также: -ан-, -анн-, -абельн-, -ированн-, -ов-, -ианск-, -аст-, -ат-, -чат-, -оват-, -овит-, -ист-, -лив-, -ав- (отыменное образование прилагательных); -льн-, -тельн-, -абельн-, -ов-, -ск-, -к-, -ом-/им-, -ист-, -чат-, -уч-/ач-, -лив-/чив-, -л-, -ён-/н-, -т-, -ённ-/нн- (образование прилагательных от глаголов) [1, §§ 610–682].

¹ Ср., однако, *свиной* и *вороной*, – замечание анонимного рецензента.

С точки зрения маркирования перехода из одного лексического класса в другой существуют следующие логические возможности: i) переход из одного класса в другой всегда маркирован, ii) переход не маркирован никогда, iii) рекатегоризация может маркироваться, а может и не маркироваться. Кратко остановимся на каждом из вариантов.

Анализ i) принят, например, в распределенной морфологии (Distributed Morphology) [7]. Согласно данному анализу, адъективная основа оказывается маркирована показателем (нулевым или фонологически выраженным) с соответствующими признаками в процессе деривации. Возможное правило для порождения именной группы с прилагательным выглядело бы следующим образом (а – вершина, приписывающая адъективную категорию):

$$(2) NP \rightarrow [_{aP}[\sqrt{a}] + N$$

Существует вариация подхода i), согласно которой допустимость атрибутивного употребления обеспечивается тематическим показателем *-oj*, ответственным за возможность получения признака падежа у прилагательных полной формы [5]. По мнению этих авторов, структура полной формы русских прилагательных следующая:

$$(3) STEM + oj + AGR$$

Здесь AGR – получаемые прилагательным падежные окончания (тождественные при данном анализе таковым у существительных), а STEM – основа, включающая маркеры адъективации.

Анализ ii) предложен в статье Н. Borer [3]. В этом случае основа может не маркироваться признаком, связанным с прилагательным, – для успешной синтаксической деривации достаточно, чтобы она не была маркирована другим частеречным признаком. Соответствующий такому подходу алгоритм можно представить как:

$$(4) NP \rightarrow [_{xP}[\sqrt{x}] + N \quad |x \neq N, V, Adv, \dots$$

В случае прилагательных $x = a$ или не определен, и тогда проекция «адъективной оболочки» aP отсутствует.

Анализ iii) представлен в традиционных грамматиках или функционально-типологической литературе. Так, в монографии W. Croft для каждого из основных лексических классов предлагается существование прототипических элементов категории, чье употребление в соответствующей функции (адъективной в нашем случае) немаркировано [4]. Элементы других классов могут переходить в данную категорию, но при этом они должны получать соответствующие показатели. При таком подходе производные прилагательные используют для перехода в адъективную категорию специальные рекатегоризирующие маркеры, а корень таких лексем, как *большой, малый, плохой, хороший*, уже в словаре

представлен как принадлежащий к адъективной категории и не требует дополнительного маркирования.

Решение iii) плохо своей неуниверсальностью. Оно предполагает существование двух (сравнимых по мощности) источников адъективных единиц: «рожденные прилагательными» и «ставшие прилагательными». Такое наличие двух стратегий неэкономно. Ввиду того, что отличий между непроизводными и (многими) производными прилагательными не обнаруживается, такой подход, как нам кажется, не должен рассматриваться в первую очередь.

Другие подходы также имеют свои слабые стороны. Анализ i) неудачен, например, тем, что предполагает существование омонимичных нулевых рекатегоризаторов [3]. Действительно, кроме непроизводных прилагательных есть еще и непроизводные единицы других частей речи – для всех этих случаев надо допускать нулевые маркеры смены категории, что обесценивает идею нулевых единиц.

Анализ ii) проигрывает подходу i) тем, что предполагает некоторое усложнение правил деривации. Вместо схемы 2 необходимо правило 4, налагающее дополнительные ограничения, на первый взгляд, не следующие из структуры словоформы.

Все три подхода, однако, так или иначе обращаются к идее рекатегоризирующих показателей. Ниже мы рассмотрим свойства русских прилагательных, образованных при помощи перечисленных выше суффиксов, и попытаемся установить их свойства. Основное внимание будет уделено свойствам суффиксов *-н-* и *-ск-* как наиболее регулярных и продуктивных.

2. Функции суффиксов *-н-* и *-ск-* по Академической грамматике-80

Академическая грамматика-80 так определяет случаи образования прилагательных с суффиксом *-н-* от существительных: «Прилагательные с суффиксом, представленным морфом *-н₁...*, обозначают признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом: *хлебный, водный, лесной, морковный, тепличный, инженерный, ведомственный, туберкулезный, стоимостный, глубинный, радостный, массажный, трансляционный*» [1, § 617]. Для случаев образования прилагательных при помощи *-н-* от глаголов дается следующее определение: «Прилагательные с суффиксом, представленным морфом *-н₁-* ...имеют значение "характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом"», в качестве примеров здесь приводятся *больной, склонный, слышный, видный, резной, лепной* и т.д. [1, § 646].

Суффикс *-ск-* также участвует в образовании прилагательных и от имен, и от глаголов. Для отыменной функции находим: «Прилагательные с суффиксом, представленным морфами *-ск-... -еск-, -ическ-, -овск-* и рядом других морфов, оканчивающихся на *-ск-...*, имеют общее значение "относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом": *отцовский, преподавательский, плотницкий, морской, университетский, крейсерский, арифметический*» [1, § 630]. Определение *-ск-* как отглагольного рекатегоризатора следующее: «Прилагательные с суф. *-ск-/-еск-/-тельск-* имеют значение "относящийся к действию лица, названному мотивирующим словом": *колдовать – колдовской, издеваться – издевательский... бродяжнический, жульнический... изывательский, надувательский...*» [1, § 630].

Как можно видеть, семантическое описание как в случае *-н-*, так и в случае *-ск-* оперирует одними и теми же терминами: «относящийся к», «характеризующийся отношением» и т.д. Однако, как нам представляется, основные расхождения в свойствах *-н-* и *-ск-* – несемантической природы.

Начнем сравнение данных суффиксов с еще одной цитаты из Грамматики: «Своеобразие продуктивного морфа *-ичн-* состоит в том, что все слова с этим морфом ... являются словообразовательными синонимами прилагательных с морфом *-ическ...*: *символический – символичный, демократический – демократичный*. В отличие от слов на *-ический*, они не только способны выражать качественные значения, но и обладают морфологическими средствами такого выражения: возможностью образования кратких форм, компаратива, отвлеченных существительных» [1, §619]. Перечисленные здесь факты позволяют поставить следующие вопросы.

Во-первых, не вполне понятно, почему заимствованные основы, принадлежащие к адъективному классу в языке-источнике, требуют дополнительного маркирования в русском: *categoric + -н/-ск – категоричный / категорический, democratic + -н/-ск – демократичный / демократический*. Приведем примеры других заимствованных адъективных основ, также требующих оформления русскими суффиксами прилагательных: *-al: normal + -н- – нормальный; neutral + -н- – нейтральный; -ois: courtoise + -н- – куртуазный; bourgeois + -н- – буржуазный* и т.д.

Во-вторых, чем объясняются различия в свойствах образований на *-н-* и *-ск-*? Наиболее важным представляется вопрос о том, продиктованы ли они (лишь) семантическими соображениями или имеют синтаксическую природу?

Ниже мы обсудим свойства, различающие дериваты с *-н-* и *-ск-* на материале прилагательных типа следующих:

(5)

- a. *человечный, представительный, специфичный, идиотичный, романтический, драматичный, фантастичный, ...*
- b. *человеческий, представительский, специфический, идиотический, романтический, драматический, фантастический, ...*

3. Свойства русских суффиксов прилагательных (на материале *-н-* и *-ск-*)

3.1. Рекатегоризация и обстоятельственная функция

Образование единиц с наречными функциями представляется наиболее неоднозначным. С одной стороны, прилагательные, маркированные суффиксом *-н-*, легко могут употребляться в функции обстоятельства, в то время как дериваты с *-ск-* в данной функции менее приемлемы:

(6)

- a. $\sqrt{\text{человечно}}$, $\sqrt{\text{представительно}}$, $\sqrt{\text{специфично}}$, $\sqrt{\text{идиотично}}$, $\sqrt{\text{романтично}}$, $\sqrt{\text{драматично}}$, $^{??}\sqrt{\text{фантастично}}$, ...
- b. $^*\text{человечески/о}$, $^*\text{представительски/о}$, $^*\text{специфически/о}$, $^*\text{идиотически/о}$, $^*/^{??}\text{романтически/о}$, $^*/^{??}\text{драматически/о}$, $^*\text{фантастически/о}$, ...

Приведем некоторые примеры.

(7)

a. *Президент Янукович выглядит более идиотично, чем Ющенко* (Интернет).

b. *Будивельник в центральном матче недели драматично проиграл* (Интернет).

(7')

a. **Президент Янукович выглядит более идиотически, чем Ющенко.*

b. *^{??}Будивельник в центральном матче недели драматически проиграл.*

Отметим, что несмотря на то, что образования с *-ск-* регулярно встречаются в функции модификатора группы прилагательного:

(8)

a. *Эти два хоккеиста фантастически хороши...* (Интернет).

b. *А глотатель жемчуга – что-то сюрреалистически среднее между искателем жемчуга и глотателем шпaga* (Интернет).

Не вдаваясь в дискуссию относительно различий между модификаторами глагола и прилагательного, скажем лишь, что большинство исследователей считают данные единицы элементами различной природы [2].

С другой стороны, оба рецензента указали автору на существование некоторого количества образований с суффиксом *-ск-*, способных употребляться в функции модификатора группы глагола.

(7^и)

- a. *«Толпар» фантастически выиграл у бердского «Кристалла». Подобного не помнят даже знатоки.*
- b. *Здесь трагически/?трагично оборвалась жизнь Сергея Есенина (Надпись на памятной доске здания гостиницы «Англетер»).*
- c. *Пользуется авторитетом среди заключенных... Систематически/?систематично перевыполняет трудовые задания... (Сергей Довлатов. Наши (1983))*

Из приведенных рецензентами примеров случай 7^иa возможно, соответствует структуре, в которой *фантастически* модифицирует элидированное наречие (*неожиданно, красиво,...*). Остальные два примера, безусловно, представляют собой полноценные наречия. При этом приведенные с вопросительным знаком варианты с суффиксом *-н-*, если и не являются полностью грамматичными в данных предложениях, тем не менее, представляют собой полноценные наречия.

Один из рецензентов также указывает на «возможные в роли обстоятельств наречия *эпизодически, периодически, героически, гомерически, эмпирически, юридически* (каждое из которых имеет по крайней мере регулярно образуемый вариант с суффиксом *-н-*), а также *творчески, молодецки, зверски, мастерски, всячески* (где вариант с *-н-* затруднен или невозможен по морфонологическим причинам)».

Корректное обобщение об образовании наречий от основ с суффиксами *-н-* и *-ск-* могло бы звучать так: наречия регулярно образуются от адъективных основ с суффиксом *-н-* и спорадически – от основ с *-ск-*.

3.2. Краткая форма

Краткая форма также доступна для образований с *-н-* и недоступна для дериватов с *-ск-*:

(9)

- a. $\sqrt{\text{человечен}}$, $\sqrt{\text{представителен}}$, $\sqrt{\text{специфичен}}$, $\sqrt{\text{идиотичен}}$,
 $\sqrt{\text{романтичен}}$, $\sqrt{\text{драматичен}}$, $\sqrt{\text{фантастичен}}$, ...
- b. **человеческ*, **представительск*, **специфическ*, **идиотическ*,
**романтическ*, **драматическ*, **фантастическ*, ...

(10) *Мужчина романтичен, так как одной из его жизненных задач является завоевание женщины (Интернет).*

(10') **Мужчина романтическ, так как одной из его жизненных задач является завоевание женщины.*

3.3. Компаратив

Компаратив устроен аналогично наречиям и краткой форме:

(11)

- a. $\sqrt{\text{человечнее}}$, $\sqrt{\text{представительнее}}$, $\sqrt{\text{специфичнее}}$, $\sqrt{\text{идиотичнее}}$, $\sqrt{\text{романтичнее}}$, $\sqrt{\text{драматичнее}}$, $\sqrt{\text{фантастичнее}}$, ...
- b. **человеческое*, **представительское*, **специфическое*, **идиотическое*, **романтическое*, **драматическое*, **фантастическое*, ...

(12) *Бизнес в России немного специфичнее, чем на западе или в США, Азии (Интернет).*

(12') **Бизнес в России немного специфическое, чем на западе или в США, Азии.*

Интересно, что причины, по которым запрещены сравнительные формы с *-ск-*, не семантические. Действительно, аналитическая сравнительная степень образуется от таких единиц достаточно свободно:

(13)

- a. *Речь модераторов приобрела более человеческий вид!* (Интернет).
- b. *Более представительский и универсальный GL-класс и кроссовер GLA поможет укротить дорожное покрытие одним нажатием педали* (Интернет).
- c. *Лучше употребить более специфический, чем менее специфический термин* (Интернет).
- d. *Еще более идиотический случай в Соединенных Штатах Америки ...* (Интернет).

Можно предположить, таким образом, что неграмматичность сочетания *-ск-* с показателем компаратива не следует из семантики, а связана с сочетаемостными свойствами самих суффиксов. Те же ограничения релевантны и для некоторых других деривационных показателей, ср.: **завидущее*, **устаревшее* и т.д.

3.4. Абстрактные имена

На образование абстрактных существительных накладываются в целом те же ограничения, что и на образование наречий, кратких форм и компаративов:

(14)

- a. $\sqrt{\text{человечность}}$, $\sqrt{\text{представительность}}$, $\sqrt{\text{специфичность}}$, $\sqrt{\text{идиотичность}}$, $\sqrt{\text{романтичность}}$, $\sqrt{\text{драматичность}}$, $\sqrt{\text{фантастичность}}$, ...
- b. **человеческость*, **представительскость*, **специфическость*, **идиотическость*, **романтическость*, **драматическость*, **фантастическость*, ...

(15) *Несмотря на фантастичность, ряд изображений животных сделан с глубоким знанием черт и повадок зверей...* (Интернет).

(15') **Несмотря на фантастическость, ряд изображений животных сделан с глубоким знанием черт и повадок зверей,...*

Из этой закономерности, однако, наблюдается ряд исключений:

(16) *светскость, детскость, зверскость, неброскость, антисоветскость,...*

Одним из рецензентов также приведен следующий пример:

(16') *Дочка Машика была «романтическая особа» и всячески эту самую «романтическость натуры» подчеркивала.*

Несмотря на грамматичность некоторых отадъективных абстрактных имен, можно утверждать, что для суффикса *-н-* процесс образования именных дериватов с *-ость* абсолютно продуктивен, в то время как для суффикса *-ск-* – как минимум непродуктивен, а возможно – ограничен.

3.5. Сочетаемость с отадъективными суффиксами

В АГ-80 приводятся следующие суффиксы, присоединяющиеся к прилагательными и модифицирующие степень проявления признака, добавляющие субъективную оценку говорящего и т.д.: *-оват-*, *-оньк-*, *-охоньк-/ошеньк-*, *-усеньк-*, *-уц-*, *-енн-*, *-ейш/-ш-*, *-ист-* [1, §§ 666–673]. Далеко не все они одинаково охотно сочетаются с любым прилагательным на *-н-*, однако наиболее регулярные из них, *-оньк-* и *-ейш-*, образуют соответствующие формы без видимых затруднений. Сочетание *-оньк-/ейш-* с *-ск-* неграмматично:

(17)

а. $\sqrt{\text{человеченький}}$, $\sqrt{\text{представительненький}}$, $\sqrt{\text{специфичненький}}$,
 $\sqrt{\text{идиотичненький}}$, $\sqrt{\text{романтичненький}}$, $\sqrt{\text{драматичненький}}$,
 $\sqrt{\text{фантастичненький}}$,...

б. **человеческенький*, **представительскенький*, **специфическенький*,
**идиотическенький*, **романтическенький*, **драматическенький*,
**фантастическенький*,...

(18) *У меня по этому вопросу родился немного фантастичненький вариант (Интернет)..*

(18') **У меня по этому вопросу родился немного фантастическенький вариант.*

(19)

а. $\sqrt{\text{человечнейший}}$, $\sqrt{\text{представительнейший}}$, $\sqrt{\text{специфичнейший}}$,
 $\sqrt{\text{идиотичнейший}}$, $\sqrt{\text{романтичнейший}}$, $\sqrt{\text{драматичнейший}}$,
 $\sqrt{\text{фантастичнейший}}$,...

б. **человеческейший*, **представительскейший*, **специфическейший*,
**идиотическейший*, **романтическейший*, **драматическейший*,
**фантастическейший*,...

- (20) *И этот-то специфичнейший размер, размер с такой «репутацией», оказывается в различных модификациях вполне равноправным... (Интернет).*
- (21') **И этот-то специфический размер, размер с такой «репутацией», оказывается в различных модификациях вполне равноправным...*

4. Суффиксы как самостоятельные единицы с селективными свойствами

Итак, суммируем полученные результаты. При переходе в класс прилагательных именные и глагольные корни в русском языке обязательно маркируются особыми показателями, такими как *-н-*, *-ск-* и другие. Употребление в атрибутивной функции (= построение полной формы) без этих суффиксов невозможно. Необходимо оформление теми же самыми суффиксами и заимствованных прилагательных, также не употребляющихся без маркеров рекатегоризации.

Возможность атрибутивного употребления при этом связана не с самими суффиксами. Это следует, например, из существования большого подкласса непроемных прилагательных. За способность употребляться атрибутивно может отвечать (тематический) суффикс *-oj-* [5]; либо же она обеспечивается некоторыми другими механизмами [3].

Далее, функции различных адъективных суффиксов оказываются не одинаковы. Так, благодаря суффиксу *-ск-* исходный корень приобретает возможность только лишь атрибутивного употребления. В то же время, суффикс *-н-* делает допустимым употребление новообразованной единицы в функции наречия, в краткой форме, в компаративе, а также позволяет образовывать абстрактные существительные и новые прилагательные с оценочными суффиксами.

Различное распределение синтаксических функций между разными суффиксами, например, рассмотренный случай *-ск-* vs *-н-* (с последним, например, объединяются такие суффиксы, как *-ли-в-*, *-ат-* и проч.), также говорит о том, что у них нет общей функции – переводить лексемы в класс прилагательного. Точнее, определить отношение между их функциями как частичное пересечение: и *-н-*, и *-ск-* позволяют образовывать атрибутивные формы прилагательного, но на этом сходство в их употреблении заканчивается.

Как представляется, важным результатом можно считать следующий:

- (22) Селективные свойства аффиксов

Аффиксы при образовании новой основы налагают ограничения на ее последующую сочетаемость с другими аффиксами и участие в тех или иных синтаксических контекстах.

5. Типы основ, оформляемых суффиксами прилагательных

Как мы видели, *-н-* и *-ск-* (как и другие суффиксы прилагательных) могут оформлять именные (пример 23а) и глагольные (пример 23б) основы:

(23)

- а. *лесной, морковный, трудный, радостный, ...; плотницкий, морской, университетский, конский, ...*
- б. *склонный, покорный, слышный, скучный, ...; колдовской, бродяжнический, жульнический, ...* [1, §§610–682]

Кроме этого, суффиксы прилагательных могут присоединяться к заимствованным основам, которые, скорее всего, с точки зрения русской грамматической системы, не располагают никаким частеречным признаком:¹

(24) *нормальный, нейтральный, куртуазный, буржуазный, категорический, демократический, ...*

Однако есть еще один открытый класс единиц, к которым регулярно присоединяются *-н-* и *-ск-* – синтаксические образования, состоящие из существительного и прилагательного, существительного и числительного, существительного и кванторного слова, существительного и предлога [8] и т.д.:

(25)

- а. *южноафриканский, высокогорный, легкоатлетический*
- б. *двухколесный, трехэтажный, пятикомнатный*
- с. *всероссийский, всепогодный, каждодневный*
- д. *придорожный, околофутбольный, заморский, послеобеденный*

¹ По замечанию рецензента, «существование заимствованных прилагательных типа *беж, ню, нетто, мини*, пусть и употребляющиеся в постпозиции к существительному, пусть и немногочисленны в русском языке и не меняют кардинально общую картину исследования, как кажется, требуют, по крайней мере, беглого упоминания». Возможно, подобное заключение покажется излишне категоричным, однако на данный момент мнение автора по данному вопросу таково. Поиск приведенных выше основ в Национальном корпусе русского языка показал, что они либо не встречаются вовсе, либо встречаются в функции существительного. Беглый поиск примеров в Интернете дает следующий результат: приименное употребление возможно лишь в случаях *апельсины цвета беж, юбка мини* и т.д. Данный контекст автор склонен рассматривать как аппозитивный, аналогично *цвет глициния* и *юбка-карандаш* и т.д.

Очевидно, что основы, к которым присоединяется в этом случае суффикс прилагательного, также не принадлежат к тому или иному лексическому классу.

6. Выводы: свойства суффиксов прилагательных в русском языке

Итак, на примере *-н-* и *-ск-* мы наблюдали, что русские суффиксы прилагательных реализуют следующие функции:

а) оформление основы разной частеречной принадлежности, а также основы, лишённые признаков какой-либо лексической категории (заимствования, синтаксические комплексы);

б) предоставление возможности полученным при помощи них основам образовывать атрибутивные формы (*-н-*, *-ск-*);

с) суффиксы позволяют полученным при их помощи основам образовывать наречия, краткие формы, компаратив, абстрактные имена и оценочные прилагательные (*-н-*).

Можно предположить, что деривация результирующей словоформы происходит в несколько этапов [6]. Сначала при помощи суффикса прилагательного «стирается» лишняя информация о прежнем лексическом классе и добавляется информация о принадлежности к новому. При этом роль самих суффиксов *-н-*, *-ск-* оказывается различна: *-н-* можно назвать полноценным адъективизатором – он переводит исходную основу в новую категорию со всеми доступными для этой категории функциями. В то же время *-ск-* является лишь атрибутивизатором – он приписывает основе признаки, необходимые для употребления в функции определения, не делая новообразованную основу полноценным прилагательным. Ещё одним важным свойством является селективная способность суффиксов: надстраиваемый на следующем этапе суффикс «знает», к какому суффиксу предыдущего этапа он (не) может присоединяться.

Библиографический список

1. Русская грамматика / Под ред. Шведовой Н.Ю. Т. 2. Синтаксис. М., 1980.
2. Bhat Sh.D.N. The Adjectival Category: Criteria for differentiation and identification. Studies in Language Companion Series. Amsterdam–Philadelphia, 1994.
3. Borer H. The Category of Roots // The Syntax of Roots and the Roots of Syntax. Oxford Studies in Theoretical Linguistics 51 / A. Alexiadou, H. Borer, and F. Schäfer (eds.). Oxford, 2014. P. 91–121.
4. Croft W. Syntactic Categories and Grammatical Relations. University of Chicago Press. 1991.
5. Halle M., Matushansky O. The morphophonology of Russian adjectival inflection // Linguistic Inquiry. 2006. V. 37. № 3. P. 351–404.

6. Kiparsky P. Word-formation and the lexicon // Proceedings of the 1982 Mid-America Linguistics Conference / F. Ingemann (ed.). Lawrence, Kansas. 1982. P. 3–32.
7. Marantz A. No Escape From Syntax: Don't Try Morphological Analysis in the Privacy of Your Own Lexicon // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics, 4. Philadelphia, Pennsylvania. 1997. P. 201–225.
8. Matushansky O. Some issues in Russian adjective formation. TalkatTIN-dag 2010. February 6, 2010, Utrecht.

О.А. Димитриева

Сатуративный способ глагольного действия: глаголы со значением питания со словообразовательным формантом *на-...-ся*

Статья посвящена анализу взаимодействия грамматической и лексической семантики глаголов сатуративного (сатуративного) способа действия и их контекстуального окружения. Подробно рассматриваются глаголы со значением употребления спиртного – такие, как *напиться, нализаться, набраться* и т.п.

Ключевые слова: способ глагольного действия, контекст, языковая картина мира, лингвокультурология.

При анализе и описании картины мира какого-либо языка особое внимание, как правило, уделяется лексике, в особенности фразеологии и паремиологии [6; 7; 12]. С другой стороны, при изучении национальной картины мира часто отмечается особая роль грамматики и грамматических категорий [3], выделяются семантические доминанты языковой картины мира [8]. Г.А. Золотова отмечает, что целью грамматического анализа является осознание «результата совместных усилий семантики, морфологии, синтаксиса» [5, с. 108].

Цель данной работы – анализ лексической и грамматической семантики глаголов с формантом *на-...-ся*. В Грамматике-80 указанные глаголы относятся к интенсивно-результативному способу глагольного действия: «преф. *на-* с постфиксом *-ся* придает значение полного удовлетворения или пресыщенности действием» [10, с. 602]. М.А. Шелякин относит их к группе глаголов терминативно-продолжительного и терминативно-

интенсивного способа действия и называет их сативным (сатуративным) способом действия, который «указывает на предельно-количественную оценку продолжительности (с возможным оттенком интенсивности) действия с точки зрения активности субъекта в осуществлении действия или состояния» [13, с. 80]. В данной статье рассматриваются следующие глаголы сативного способа действия в значении чрезмерного употребления алкоголя: *напиться, нажраться, нагрузиться, нализаться, налакаться, набраться*. В анализируемых высказываниях с данными глаголами акцентируется внимание на 1) описании контекстуального окружения и особенностей словоупотребления; 2) определении аспектуальной ситуации и обусловленности ее глаголом указанного способа действия; 3) отражении стереотипов процесса питья, культурных особенностей. Примеры взяты на основе сплошной выборки из Национального корпуса русского языка (в основном, это художественные тексты и публицистика XX–XXI вв. основного подкорпуса).

Как отмечает Ю.С. Маслов, возможность образования видовой пары напрямую зависит от стилистической маркированности глагола [13, с. 73]. Так, если наиболее нейтральный глагол из этого списка *напиться* образует пару *напиваться*, то глаголы *нализаться, наклюкаться, наквациться, налакаться, набраться, надрызгаться, назюзюкаться* не имеют такой возможности (хотя для некоторых пары образуются: *нализываться* (3 примера), *набираться* (в основном значении)). Следует отметить, что и употребление в аспектуальной ситуации повторяющегося действия осложнено той же причиной: данные глаголы в основном употребляются в ситуации единичного (неповторяющегося) действия.

Остановимся подробнее на глаголе *напиться* (412 примеров) и его контекстуальном окружении. Данный глагол в основном используется в ситуации единичного (неповторяющегося) действия – конкретно-фактический тип употребления совершенного вида (323 примера – 78% от общего числа). Количество выпитого спиртного влечет за собой изменения в психическом состоянии, что, как правило, указывается с помощью обстоятельства меры и степени, выраженного формой существительного с предлогом *до* 1. Умственные изменения – *до помешательства, до дуриков, до умопомрачения, до безумия: В высотном здании на площади Восстания жилец одной из квартир одиннадцатого этажа, напившись до безумия, начал терроризировать соседей* (Зана Плавинская. Отражение)¹. 2. Потеря памяти и понимания ситуации – *до беспамьятства, до изумления: Этот законодатель местного разлива взял да и напился до состояния стойкого изумления* (Преступная власть Коврова // «Криминальная

¹ Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка.

хроника», 2003.07.24). 3. Получение видений – *до голой мышки, до чертиков* и др.: *В магазине ей вдруг пришла мысль, что она недостаточно пьяна, ей, дескать, в этот вечер хотелось напиться до чертиков и надо бы купить чего-нибудь* (Гала Рудых. Такой устойчивый мир); *Наверное, в эту секунду кожомьяка был уверен, что напился уже до голой мышки...* (Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все).

Помимо психических изменений, отмечаются перемены в поведении человека: 1) *до положения риз, до полного свинства* и т.п.: *И тут произошло самое неожиданное – как-то незаметно «нарколог» напился до «положения риз», начал кричать на весь ресторан и приставать к женщинам* (Лев Дурнов. Жизнь врача); также это значение передают сравнительные обороты с компаративным компонентом *как: как свинья, как поросенок, как бобики, как цуцки, как сапожник: В каждом углу по курсанту лежало. Напились, как цуцки* (Андрей Геласимов. Чужая бабушка); *Короче, наелись, напились, как бобики...* (Михаил Тарковский. Кондромо).

Традиционными для данного глагола являются сочетания с наречиями типа *жутко, мертвецки, здорово, сильно, изрядно* и т.п., которые обозначают избыточность: *И чтобы заглушить его, я в этот вечер здорово напился в одиночку* (Судьба-злодейка // Истории из жизни. 2004). Степень опьянения выражается придаточными со значением степени и образа действия *до такой степени, что...; ...так, что: Во время двухдневного (30–31 октября) визита эскадры кораблей Североатлантического союза (11 кораблей из Норвегии, Великобритании, Германии, Нидерландов, Бельгии и стран Балтии) многие напились до такой степени, что остались лежать на земле* (Происшествия // Зарубежное военное обозрение. 2004.11.29); *Хотелось бы обратить внимание на то, что милицейская машина регулярно проезжает по набережной, но забирают только тех, кто уже лежит, напившись так, что не в состоянии передвигаться* (Галина Брунерс. Письмо в номер).

В примерах с глаголом *напиться* в сочетании с названиями безалкогольных напитков (часто в родительном партиципном) есть некая удовлетворенность, довольство, полнота, т.к. выражается цель действия – утоление жажды, а в сочетании с названиями алкогольных напитков проводится скорее оценивание степени опьянения: *Напившись чаю, я оставил Петровича беседовать с советниками полка...* (Картинки странной войны // Солдат удачи. 2003.12.03). В наречиях, сочетающихся с данным глаголом в значении чрезмерного потребления алкоголя, акцентируется потеря целостности, некая разделенность на части, ломкость и хрупкость человека, как вещи: *в хлам, в лоскуты, вдрызг, вдребезги, в пух,*

в дым и т.п.: *Мы вернулись в гостиницу, достали все бутылки, которые у нас оставались, и напились вдрызг* (Владимир Арро. Дом прибежища); *В ходе этих разговоров, сильно напившись, пьянея все больше, чуть ли не в лоскуты, они переходили к теме взаимного уважения* (Василий Аксенов. Новый сладостный стиль).

«Тема взаимного уважения» – одна из актуальных тем при посиделках со спиртным, вопрос «Ты меня уважаешь?» является убедительным доводом к поглощению налитого. Как справедливо отмечает Ю.С. Степанов, «русскому человеку требуется выпивание коллективное», объединяющее участников процесса [11, с. 332], и вслед за А.Л. Топорковым отмечает, что человек, уклоняющийся от «выпивания коллективного», становится «социальным изгоем» [Там же, с. 333].

В высказываниях с глаголом *напиться* довольно часто используется такой оборот речи, как плеоназм, – для усиления смысла сказанного: *Или он просто напился пьян и побил Тамару* (Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени); *Татьяна взывала к матери, потому что считала, что именно мать во всем виновата, напилась пьяная и все подожгла* (Л. Петрушевская. Город света).

Место потребления алкоголя, точка в пространстве – все это неважно, иногда настолько, что используется неопределенное местоимение *где-то*: *Короче, они ушли вместе с Андреем и потом, видимо, где-то напились* (Андрей Геласимов. Год обмана). Ср. например, описание (в некоторых случаях довольно тщательное) в примерах с глаголом прерывисто-смягчительного способа действия – *попивать* [4].

Объект питья в таких случаях, как правило, не эксплицируется (из 412 случаев присутствует в 16, 4%): неважно что пить, важен результат – итог. В случаях, когда для говорящего становится актуальным объект, то это необходимо для выделения аномалии (*напиться одеколону, денатурату*) или важности для рассказчика (*напиться коньяка, портвейна*): *Крестьянин Харитон, напившись денатурату, стоял перед бабами с растегнутыми итанами и произносил нехорошие слова* (Д. Хармс. Начало очень хорошего летнего дня (симфония)); *...а из романтических воспоминаний у него сохранилось почему-то только одно – о том, как он в первый раз напился портвейном «777» и какая после этого случилась драка с 8-м «Б»* (Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости)

Данное действие может быть включено в ряд последовательных событий: *В среду у Вити собрались гости, все приличные мужики с женами, разошлись часу во втором, посидели хорошо, особо и не напились, долго прощались, толклись под морозными звездами на крыльце* (Михаил Тарков-

ский. Жизнь и книга). Выражение *хорошо посидеть* означает для русского человека душевную беседу, немного алкоголя и хорошее прощание.

Данный глагол может использоваться в ситуации повторяющегося действия – наглядно-примерный тип употребления совершенного вида (89 примеров). 1. Глагол употреблен в составе придаточного времени (с союзами *как, когда*) – контекстуально-неполного с субъектом в главной части. В.С. Храковский отмечает, что «значение множественности может выражаться и синтаксическими средствами за пределами простого предложения. Имеется в виду полипредикативные кратно-соотносительные конструкции (КСК)...» [14, с. 22]: *Экой разбойник! – сказал второй казак, как напьется чихиря, так и пошел крошить все, что ни попало* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени). 2. Глагол сочетается с местоимением 2 л. в обобщенном значении: *В цивилизованном мире тот факт, что ты напился до скотского состояния, уже – если ты не лег спать, а пошел на преступление – являетсяотягчающим твою вину обстоятельством* (Эдуард Тополь. Что было бы с Андроповым, если бы он это увидел!). 3. При глаголе обозначен субъект действия – сущ. в ед. ч. со значением «представитель класса»: *Мужик напьется, с барином дерется, проспится – свиньи боится* (Михаил Шишкин. Венерин волос); *Вот редчайший случай: в последнее время родилась у нас пословица – «Утром выпил – весь день свободен»; ведь это целая повесть о русском человеке, который может действительно напиться с утра пораньше и который действительно свободен, как никто в мире, в чем, собственно, и беда* (Вячеслав Пьецух. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа). 4. При глаголе обозначен субъект действия – сущ. во мн. ч. в обобщенном смысле: *Да вот хоть черкесы, продолжал он, – как напьются бузы на свадьбе или похоронах, так и пошла рубка* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Как видно из примеров, состояние способствует проявлению тех или иных сторон человека (как правило, отрицательных), в результате, как следствие, совершаются те или иные поступки, причем самое безобидное – уклонение от своих обязанностей, а негативное – совершение преступления. А.В. Бондарко отмечает, что план содержания текста имеет коннотативные значения, которые являются «источником аффективного компонента смысла»; на этом компоненте базируется стилистический анализ текста, в котором проявляется национальное своеобразие языка [2]. Так, возвращаясь к приведенным выше примерам, следует отметить тот факт, что результат действия, намерения говорящего, его взгляд и оценка со стороны в большинстве случаев связаны с элементом осуждения, зачастую эксплицитованным. В некоторых примерах с глаголом

напиться оценивается стиль жизни человека, причем не являющийся образцом для подражания: *Коля вполне доволен своими действиями по жизни: общага – металлический завод – напиться – поспать* (Комментарии к фильму «Все будет хорошо»); *Только ничего бы этого не было, если бы не паскудные традиции нашего застолья. Когда надо обязательно напиться. Когда надо обязательно потерять человеческую свою суть, когда надо обязательно так перебууровать свою психику, чтобы с ее dna поднялось самое темное, грязное, опасное* (Кровавое застолье // Криминальная хроника. 2003.06.10).

Итак, в примерах с глаголом *напиться* в конкретно-фактическом типе употребления говорящий оценивает и свои действия (это могут быть внутренние желания), поэтому не всегда осуждает, а часто оправдывает себя: *Напьюсь же я перед полетом, не от радости, а от страха* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба); *Слушай, будешь наседать – напьюсь!* (Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен). В примерах с глаголом в наглядно-примерном типе употребления дана оценка говорящим чужих поступков, как правило, с позиции осуждения.

Глагол *нализаться* (138 примеров) в ситуации конкретного единичного действия (конкретно-фактический тип употребления (126 примеров, 91%)) часто используется в «канонической речевой ситуации» (по выражению Е.В. Падучевой [9]), в прямой речи (59 примеров, 43%), где один из участников (говорящий) выступает носителем оценки происходящего.

Н.Д. Арутюнова выделяет в предложении идентифицирующие и предикатные слова, которые выполняют разные функции. Так, слово в идентифицирующей функции используется для того, чтобы назвать предмет, выделить его, а в предикатной функции – «чтобы дать о референте некоторую информацию или выразить к нему свое отношение (для того, чтобы обозначить или обозвать)» [1, с. 343]. Среди прочего ею выделяется функциональное наименование лица на основе его жизненного «амплуа» (водопроводчик, профессор и т.п.), а также имя лица, построенное на окказиональном опознавательном признаке (преступник, т.к. совершил преступление) [Там же, с. 345]. В высказываниях с глаголом *нализаться* часто присутствует обращение к другому участнику речевого акта, в котором дается имя лицу на основе «окказионального опознавательного признака» (либо по неприятному внешнему виду – *образина*, либо по поведенческому аспекту – *разбойник*). Такое обращение выражает эмоциональную оценку говорящего: *Налижется в клубе, а потом и шумит, образина!* (А.П. Чехов. Невидимые миру слезы); *Жена, известно, бабье дело, станет бранить: «Нализался, скажет, разбойник, для своих именин, пропил все до последней копейки...»* (И.Т. Кокорев. Сибирка).

Иногда говорящий выражает в обращении свое сочувствие: – *Ну, налился же ты, брат, – лаконически заметил Иван Макарыч* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы / Запутанное дело) или ироничное отношение: – *Ах, молодец, как он налился... сам на себя не похож!* (А.Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея).

Глагол *наливаться* сочетается с наречием *опять* (12 примеров). В таких высказываниях говорящий выступает в двух ипостасях: с одной стороны, он оценивает текущее состояние собеседника (или свое), с другой – является свидетелем повторяемости у него (у себя) действия, выраженного глаголом: *Пошел к Шрейдерсу обедать, с досады чуть опять не налился* (Т.Г. Шевченко. Дневник); *Пришли Гаврила и Степан. – Опять налился!* – сказала Катерина (Ф.М. Решетников. Между людьми).

Говорящий задает вопрос, касающийся месторасположения действия (8 примеров), обозначаемого глаголом *наливаться*, но, как правило, этот вопрос носит риторический характер и скорее выражает негативное отношение: – *Он в кабинке уснул... – Где ж вы налились? – Водку из ОРСа взяли да засели* (Борис Можаяев. Лесная дорога); – *Ты где это налился?* (А.П. Чехов. Невидимые миру слезы).

Что касается времени осуществления действия, выраженного глаголом *наливаться*, то время определяется приемом еды (завтрак, обед, ужин) (14 примеров, 10%): *После завтрака он пошел к себе в номер проспаться; затем пришел к обеду и на обеде совсем уже налился* (С.Ю. Витте. Воспоминания); *... к концу ужина так налился, что при сановитых дамах и их дочерях начал произносить слова, более естественные торговой бане и площади, чем салону предводителя образованнейшего сословия в обществе* (А.И. Герцен. Былое и думы). Наибольшее осуждение со стороны говорящего проявляется в тех случаях, когда кто-либо *налился* уже с утра. Как отмечает А.Д. Шмелев, концептуализация времени суток в западной и русской культуре проявляется в понятии утра: для носителя западных представлений утро – это первая часть рабочего дня, противопоставленная послеобеденной части, для русского человека «утро противопоставляется вечеру как период перед началом рабочего дня периоду после окончания рабочего дня» [15, с. 21], т.е. в понятии русского человека рабочий день еще не начался, а уже *налился*: *Бред! Да он никогда по мелочи пачкаться не будет! Будто мало ему платят! Смотри, Кулаков с утра налился, того и гляди кому-нибудь по рогам заедет* (Андрей Житков. Супермаркет); *Под суд хочешь? С утра налился?..* (Саша Черный. Солдатские сказки).

В высказываниях с глаголом *нализаться* субъективная модальность передается с помощью междометий, частиц, модальных слов и модально-характеризующей связки и инфинитива.

В Грамматике-80 выделяется группа междометий «со специализированными семантическими функциями» [10, с. 733], основная часть которых выражает отрицательные эмоции (презрение, насмешку, отвращение, досаду и т.п.). Рассмотрим примеры, в которых используется междометие со специализированной семантической функцией *эк* (*эка*): – *Эка нализался, скот любезный! Как его теперича домой сволочишь?* (В.В. Крестовский. Петербургские трущобы). Парадоксально обращение в этом примере: с одной стороны, классическое – *любезный* (в норме сочетающееся со словами *друг, человек* и т.п.), с другой – по оценке состояния – *скот*.

В следующих примерах модальные частицы выражают оценку – реакцию говорящего: «*Ишь нализались*», – *не преминули упрекнуть бабы* (А.Н. Энгельгардт. Письма из деревни); – *Вот нализалась! – Баба, что ль?* (К.А. Федин. Анна Тимофеевна). Частицы акцентируют внимание на действии, выделяют его, в то же время выражают неприятное удивление.

Модальные слова с семантикой предположения, гипотетичности в высказываниях с глаголом *нализаться* вводят фигуру наблюдателя, который оценивает состояние субъекта действия, обозначенного глаголом: – *Да ведь так мы с тобой налижемся, пожалуй* (Н.Г. Гарин-Михайловский. Студенты).

В высказываниях с формой инфинитива глагола *нализаться* зачастую используется модально-характеризующая связка *успеть* (18 примеров, 13%): *На лестнице сорокакопеечной трибуны пьяный, тот самый, что успел нализаться с утра, вопит...* (Анатолий Гладилин. Большой беговой день); *Этот прохвост уже успел нализаться, как свинья* (Юрий Герман. Дорогой мой человек). Здесь выражается негативная реакция говорящего и его отношение к текущему событию.

Как и глагол *напиться*, глагол *нализаться* употребляется в ряду однородных сказуемых, где указывается на следствие, последующее событие (как правило, негативный результат); в составе придаточного со значением меры и степени; со сравнительными оборотами (*как Селифан, как стелька, как сапожник (как сапожница)*); с обстоятельством меры и степени (*до положения риз, до чертиков*).

Глагол *набраться* (80 примеров) во многих случаях схож с глаголами *напиться, нализаться* (употребление с показателями меры и степени, со связкой *успеть*, оценочными обращениями и вопросительным наречием *где* и т.п.). Но в значении глагола *брать (набраться)* есть конечный порог наполнения, ограниченный возможностями субъекта действия (ср.

с глаголом *перебрать* (о спиртном)). Человек – мерило этого количества, а также избыточности. Предел, крайняя грань количества вмещаемой жидкости в человека определяется по «его голове»: *по горло, по уши, по брови* (перечисление идет в сторону увеличения количества): *В доме Аллы Тимонин набрался под завязку* (Андрей Троицкий. Удар из прошлого); *Как он, подлый, царствие ему небесное, набравшись по уши, под электричку попер, я ему, конечно, не сказала* (Екатерина Маркова. Тайная вечеря); *И рядышком, навзничь – набравшийся до бровей амбал, от которого такой перегарный дух, что даже перешибет минтайную гарь* (Андрей Измайлов. Трюкач). Как видно из примеров, количество влечет за собой неприятные последствия.

Человек является «сосудом», который заполняется как физически (едой, пищей), так и духовно (эмоциями, чувствами). Т.к. глагол *нагрузиться* имеет значение «наполниться каким-либо грузом», то важным становится объект – сущ. в форме тв. п. – это может быть как название напитка, так и его сорт (9 примеров): *спиртным, пивом, неплохим вином, коньяком, «Балтикой», Клико под звездочкой* и т.п.: *Чувствовалось, что оба нагрузились пивом от души* (Елизавета Козырева. Дамская охота).

Глагол *набраться* сочетается в т.ч. и с абстрактными понятиями, например, *набраться здоровья, набраться храбрости*, а глагол *нагрузиться* в основном с конкретными существительными – *нагрузиться товарами, нагрузиться продуктами*, поэтому для первого становится возможным указание на степень опьянения, его границы (*до* + сущ. в род. падеже), а для второго эта валентность остается незаполненной, «нагружается» только столько, сколько вмещается.

Глагол *нагрузиться* (46 примеров) употребляется часто в форме деепричастия (11) и причастия (8) как обозначение добавочного действия (общее число составляет 37%), указывающего на состояние: *Они уже успели по очереди поиграть в бильярд, потолкаться у бара, потанцевать, а теперь сидели, изрядно нагрузившись, и продолжали напиваться по инерции, чтобы уж по полной программе* (Анна Берсенева. Полет над разлукой). Как видно из примера, у человека есть внутренняя, часто не осознаваемая, программа осуществления действия, к реализации которой он стремится.

Глагол *накачаться* (29 примеров) схож с глаголом *нагрузиться* по семантике, т.к. имеет значение «наполниться чем-то, чаще всего жидким» (ср. *накачать воду* и т.п.), следовательно, для говорящего также будет важен объект действия (из 10 примеров 4 с негативной оценкой): *спиртным, спиртом, сивухой, водкой, пойлом* и т.д.: *Известен вопиющий случай, когда уже после окончания боев в Берлине десятки солдат и офи-*

церов «накачались» подобным пойлом, празднуя Победу (Илья Бояшов. Танкист, или «Белый тигр»).

Глагол *налакаться* (22 примера) в силу своего значения, предполагающего объект поглощения, также сочетается с сущ. в род. падеже со значением объекта (5 примеров, 23%): *портвейна, водки да всяких вин* и т.п.: *Я пью тебя как из целительного источника, – (мы наладились тогда какого-то невозможного пойла, и меня, конечно, изводили изжога и жажда!)* (Марина Вишневецкая. Цветок маренго); *Тут Руслан вспомнил: вечером его подконвойный, с тетей Стюрой на пару, наладился этой прозрачной мерзости, от которой свалился замертво* (Георгий Владимов. Верный Руслан). Из примеров видно, что поглощаемая жидкость может быть не очень хорошего качества (5 примеров с прямым объектом, 4 с негативной оценкой). Итак, если говорить о качестве объекта, то глагол *нагрузиться* предполагает более качественный или нейтральный, безоценочный, объект, а глаголы *накачаться* и *налакаться* часто подразумевают некачественный, негативно оцениваемый объект.

Глаголы этой группы (за исключением глагола *напиться*) редко употребляются в первом лице настоящего-будущего времени, т.е. говорящий не является «предсказателем», способным оценить степень собственного опьянения (выбрать заранее – *накваситься* (нет примеров), *нализаться* (1 л. мн. ч. – 2 примера), *надрызгаться*, *накачаться* (1 л. ед. ч. – 1 пример), *набраться* (1 л. мн. ч. – 1 пример), *налимониться* (нет примеров), *наклюкаться* (нет примеров) или *натрескаться* (нет примеров)). Глагол *нажраться* (79 примеров) употребляется в 1-м л. (13 примеров, 16%) и указывает на желание говорящего: *Он вдруг взял меня за лацкан пиджака и прошептал: – Водка! Нажрусь щас назло вам!..* (Алексей Иванов. Географ глобус пропил). То же самое касается и формы повелительного наклонения, чаще используется форма, обозначающая побуждение к совместному действию: *Гош снова зевнул. – Давай нажремся! – вдруг предложил он. – У меня завалялись батарейки, так что можно организовать музыку. Водки море, закуска тоже есть* (Олег Дивов. Молодые и сильные выживут). Говоря о модальности в высказываниях с глаголом *нажраться*, следует отметить тот факт, что если для многих глаголов данной группы частотна сочетаемость с модально-характеризующей связкой *успеть*, то для данного глагола свойственно употребление со связкой со значением желания, возможности или в составе инфинитивного предложения с таким же значением (для сравнения: из 89 примеров 17 в форме инфинитива, 1 – со связкой *успеть*): *Ей немедленно захотелось нажраться до положения риз* (Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона / Человек по имени Беда).

В некоторых высказываниях с глаголом *нажраться* указывается на объект, оцениваемый негативно (*водка, водяра, портвяга, бормотуха, винице* и др.): *Нажравшись бормотухи, шофер, вывозивший с берега дрова, уснул за рулем, вылетел на тротуар и сбил двух школьников, возвращавшихся с утренника* (Виктор Астафьев. Царь-рыба). В высказываниях с глаголом *нажраться* нет столь многочисленных наречий меры и степени со значением количества, как у других глаголов данной группы (типа *порядком, прилично, крепко* и т.п.). Видимо, это связано с семантикой слова *жрать*, которое изначально предполагает чрезмерность, избыточность. Но степень опьянения выражается с помощью «до + сущ. в род. падеже»: *до беспамятства, до невменяемости* и т.п.: *А что случилось дальше? Я нажрался до беспамятства?* (Андрей Троицкий. Удар из прошлого).

Итак, на основе наблюдения за употреблением глаголов сатуративного способа действия *на-...-ся* с семантикой «степени употребления алкоголя» можно сделать следующие выводы. Они имеют ряд общих черт: 1) употребляются в большинстве своем в ситуации конкретного единичного действия (конкретно-фактическом типе), хотя ситуация повторяющегося действия не исключена (например, *напиться* из 412 примеров 293 употреблены в ситуации конкретного единичного действия); 2) употребляются в канонической речевой ситуации с различными модально-характеризующими элементами: модальными словами, частицами, междометиями, выражающими реакцию говорящего на текущее состояние собеседника; используется прямой вопрос *где* и модально-характеризующая связка *успеть*; 3) применяются оценочные обращения с противоположными оценками: с одной стороны – ругательное, пренебрежительное (*старая ведьма, дьявол*), а с другой стороны – сочувствующее, сопереживающее (*родимый, горемычный*); 4) используются адverbиальные словосочетания разных планов: построенных по форме «в + сущ. в В. п.» – *в хлам, в зюзю, в лоскуты*; «до + сущ. в Р. п.» – *до чертиков, до невменяемости, до положения риз* и т.п., все они говорят о психическом и физическом изменении человека и несут в себе негативную семантику; 5) используются традиционные наречия меры и степени: *порядком, прилично* и т.п., обозначающие избыточное количество; 6) появляются в составе сложного предложения с придаточной частью со значением меры и степени *так, что; так..., что; до того, что; до такой степени, что*; 7) имеются сравнительные обороты: *как свинья, как сапожник, как бобики, как цуцки* и т.п.; 8) объясняется причина состояния (противоположные эмоции) *от радости, с горя, от усталости*; 9) выражается негативное отношение со стороны говорящего, если действие совершено субъектом *с утра (пораньше), во*

время приема еды, т.е. должны быть соблюдены приличия; 10) результат, последствие обычно указывается в следующем за ним глаголе, обозначающем состояние *напился и лежит*; 11) встречаются высказывания, в которых используется целый ряд однотипных глаголов *на-...-ся* для усиления, нагнетания эффекта: *...и в результате Ирка наедине с народным средством безотказным нахрюкалась опять, вновь набралась, нарезалась, надралась, а утром в таком очнулась ужасе и страхе...* (Сергей Солоух. Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева).

Глаголы *на-...-ся* также имеют значимые различия. Глагол *напиться* в стилистическом плане наиболее нейтральный, поэтому для яркого выделения, усиления эмоциональной реакции сочетается с многочисленными адвербиальными выражениями и сравнительными оборотами. Глаголы *налакаться, назюзиться, назюжукаться, налимониться, надраться* и др. яркие, разговорные, поэтому адвербиальных сочетаний и сравнительных оборотов (на основе жизненного опыта – легко представить в буквальном смысле *пить, напиться, как свинья*, но трудно **налимониться, как свинья*) не так много.

В группе глаголов *налакаться, накачаться, набратся, нагрузиться, нажраться* часто важен объект действия, но он негативно окрашен за счет использования разговорных пренебрежительных суффиксов *-ух-, -яр-, -яг-* (*бормотуха, водяра, портвяга*) или подбора синонимического ряда с негативной коннотацией (*прозрачная мерзость, пойло, всякая дрянь, кислота* и т.п.), за исключением, пожалуй, глагола *нагрузиться*, который по своему значению *грузить* предполагает нейтральный объект (поэтому *нагрузиться коньяком, пивом* и т.п.). Глагол *набраться* предполагает предел, мерилом которого является сам человек, отсюда выражения – *набраться по уши, под завязку, по брови*.

Некоторые глаголы типа *нализаться, налимониться, назюжукаться, назюзиться* чаще используются в канонической речевой ситуации (с модально-характеризующими элементами), а другие (*напиться, налакаться, нагрузиться, накачаться*) – в нарративном режиме текста. Ясно, что есть глаголы, которые сочетаются с элементами, присущими как канонической речевой ситуации, так и нарративному режиму (*надраться, надрызгаться*).

Что касается стереотипов процесса питания и культурных особенностей, отраженных в высказываниях с рассматриваемыми глаголами, то, на наш взгляд, отмечаемые лингвистами такие характерные черты русского народа, как удаль, чрезмерность, привычка доходить во всем до крайностей [16], находят здесь яркое подтверждение.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
2. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 4–13.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языка. М., 1999.
4. Дмитриева О.А. Взаимодействие словообразовательной модели и контекста (на примере глаголов со словообразовательным формантом *по-...-ыва-*) // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича. Петрозаводск, 2013. С. 106–110.
5. Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 107–113.
6. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 4-е изд., испр. М., 2013.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
8. Падучева Е. В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave* / Eds R. Benacchio, F. Fici, L. Gebert. Firenze, 1996. С. 163–165.
9. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
10. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
11. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. М., 1997.
12. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
13. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. 2-е изд. М., 2001.
14. Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. Л., 1989. С. 5–53.
15. Шмелев А.Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? // Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М., 2005. С. 17–24.
16. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М., 2005.

А.А. Кузьмин

К вопросу о семантических особенностях профессий среднеанглийского периода

В статье рассмотрены семантические особенности лексико-семантического поля «наименование профессий» в среднеанглийский период. Автором произведены выборка лексических единиц и анализ значений слов, имеющих отношение к видам деятельности. На основе проведенного исследования предлагается выделить несколько тематических групп, каждая из которых дает описание представителей разных наименований профессий. Статья позволяет получить системное представление о существовавших специалистах разных областей в среднеанглийский период. Полученные данные могут служить дополнительным источником сведений о Британии XI–XV вв.

Ключевые слова: среднеанглийский язык, среднеанглийская лексика, среднеанглийская лексика со значением «профессия», лексико-семантическое поле «наименования профессий», профессии в Британии XI–XV вв.

Согласно периодизации отечественных лингвистов И.П. Ивановой, Л.П. Чахоян, В.Д. Аракина, Б.А. Ильиша, среднеанглийский период занимает временной промежуток с XI по XV вв., т.е. начиная с правления Вильгельма Завоевателя и заканчивая изобретением книгопечатания в 1475 г. Иногда данную эпоху называют переходным периодом в истории языка.

Источником среднеанглийских профессий в нашем исследовании послужили произведения периода Средних веков, лексикографические источники и корпуса. Первым шагом на пути получения необходимого нам списка была выборка наименований профессий из среднеанглийских произведений, а именно из произведений Джеффри Чосера («Кентерберийские рассказы» – «Tales of Caunterbury») [9], Уильяма Ленгланда («Видение о Петре-пахаре» – «Visio Willelmi de Piers Plowman») [10], анонимного Гавайского поэта («Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь» – «Sir Gawain and þe Grene Кпузт») [8]. Лексические единицы, называющие профессии, были проверены по электронному словарю перевода среднеанглийской лексики на современный английский язык и наоборот [4], по этимологическому словарю [5] и двуязычным англо-русским словарям [2]. В результате был получен список, состоящий из 1556 единиц.

Для выявления специфики лексико-семантического поля «наименования профессий» в среднеанглийском языке нам необходимо выделить основные группы наименований среднеанглийских профессий и их тематическую отнесенность. Среди всех лексем, называющих среднеанглийские профессии, можно выделить ряд тематических групп.

Все наименования среднеанглийских профессий (1556) оказалось возможным разделить на 8 тематических групп.

Наименования военных должностей и званий – *Military* (военные) – 138 единиц.

Наименования ремесленных специальностей – *Craftsmen* (ремесленники) – 502 единицы.

Наименования занятий, связанных с интеллектуальной деятельностью и культурой, – *Professions of intellectual activity and arts* (профессии, связанные с умственной деятельностью и искусствами) – 179 единиц.

Наименования духовных званий и церковных должностей – *Clergy* (духовенство) – 101 единица.

Наименования занятий, связанных с сельским хозяйством, – *Peasants* (Крестьянство) – 90 единиц.

Наименования занятий, связанных с несением службы в пользу государства или хозяина, – *Clerks* (Служащие) – 275 единиц.

Наименования занятий, связанных с торговлей, – *Traders, merchants* (торговцы, купцы) – 158 единиц.

Наименования занятий, связанных с деньгами – *Moneylenders* (ростовщики) – 12 единиц.

Как мы видим, разнообразие наименований лиц по профессиям объясняется вовлечением специалистов во все сферы жизни. Охарактеризуем каждую тематическую группу.

I. Тематическая группа *Military* (военные)

Тематическая группа *Military* включает наименования военных профессий, должностей и званий и является одной из многочисленных в исследуемом лексико-семантическом поле – 138 единиц.

Наша выборка выявила 95 единиц наименований военных профессий, из них 19 синонимов с широким общим значением «воин» в среднеанглийском языке: *man of dēfense, bataillewright, bataillōur, cæppe, dreng, drihtman, fightere, hāthel, hēleth, hērekempe, rink, shētend, werreiōur, wightling, meġġe, baratour on bent, āthel, frēke, gōme*.

Несколько других пар синонимичных лексем имеют семы (нередко заключающиеся в морфемных составляющих слова), дифференцирующие значение слова «воин»: *chevalier* (a warrior of ancient times – воин

древних времен), *walkempe* (mighty warrior – могущественный воин, *ǣthel* (a noble warrior – благородный воин), *god gōme, proud gōme* (a valiant warrior – доблестный воин).

Средневековые войска состояли из групп численностью 20 (*twentiſōme*), 100 (*hundredsōme*) или 1000 (*thōusandsōme*) единиц. Командование средневековыми воинами осуществляли военачальники, представленные в среднеанглийском языке 21 лексемой. Названия военных командных должностей различались в зависимости от количества подчиненных солдат или видоизменения лексемы *capitain* для наименования командиров в сухопутных войсках и в военно-морском флоте и *amirāl* – только для военно-морского флота.

Кроме родовых понятий «воин», «боец», среднеанглийские произведения и корпус «The Middle English Compendium» [4] университета Мичиган дают большое количество видовых понятий, представляющих собой гипонимические наименования военных профессий в составе различных видов войск: рыцари, пехота, кавалерия, флот, наемники.

На территории Британских островов достаточно разветвленной системой наименований военных профессий являлись наименования *воинов-моряков* – 17 единиц. Из них 6 гиперонимических терминов с общим значением «моряк»: *marinēr, rouere, seiler, ship-man, shōutere, yēman*.

Пехота представлена 16 наименованиями профессий: *archēr, shētere* (archer, shooter – стрелок, лучник), *bouer* (bower, watchman – стрелок, лучник), *arblastēr, archēr, balestriar* (crossbow man – арбалетчик), *archēr* (longbow man – стрелок из большого лука) и т.д.

Наименования профессии *воина-кавалериста* представлены 7 терминами, являющимися синонимами: *ġenatōur* (soldier riding a Spanish horse – солдат, скачущий на испанской лошади), *hors-man* (mounted warrior – воин-кавалерист), *launce* (lancer – воин-кавалерист с копьем) и т.д.

Данные корпусов и художественных произведений показывают, что в средневековой Британии имелось два ранга *рыцарей*: полный рыцарь *baneret* и молодой рыцарь, прислуживающий господину, *bachelēr*.

Значение “рыцарь” выражено 4 лексемами: *knīght* (knight – рыцарь), *knigh of armes* (armed knight – вооруженный рыцарь), *ǣthel* (noble warrior, such as a knight – благородный воин, рыцарь), *chevalēr* (knight – рыцарь).

В организации средневековой армии *наемные войска* играли важную, хотя и менее заметную роль. В связи с развитием инженерного дела, появлением осадных орудий, началом использованием пороха в военных действиях страна нуждалась в военных специалистах-наемниках. Нами были найдены следующие лексические единицы: *ġinnōur* (one who oper-

ates siege engines – тот, кто управляет осадными орудиями), *gönnner* (canpioneer – артиллерист, канонир).

II. Тематическая группа *Craftsmen*

Тематическая группа *Craftsmen* (ремесленники) включает наименования военных профессий, должностей и званий и является одной из самых многочисленных в лексико-семантическом поле «наименования видов деятельности в средневековый период» – 502 единицы, полученные в результате выборки из вышеупомянутых словарей, корпусов и художественных текстов.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что в Англии XII–XV вв. успешно развивались многие ремесла, которые можно объединить в несколько отраслей: текстильное производство (*mōtlēmakere, hērewright, cōverftūewefer*), в особенности изготовление и обработка шерстяных тканей (*worstedmakere, feltere, wolwīndere, wollegreithere, kerseiman*), металлообработка и металлургия (*tinkere, metalmakere, fōrgeresse*), изготовление продуктов питания (*dougher, saltmakere, wāferer*), строительство (*botwrighte, bildere, tīde-man*), кожевенное производство (*letherman, böuġe, shēthere*), гончарное дело (*glodier, crokkere, scutelmakere*), украшения (*minesmith, brīdelsmith, bagge-man*).

Нами было выделено 502 единицы тематической группы *Craftsmen* (ремесленники) путем выборки из исторических корпусов и лексикографических источников. Анализ наименований, относящихся к производственному роду деятельности, дал понять, что в средневековье в Англии существовала узкая специализация представителей ремесел в зависимости от направления деятельности. Средневековые города возникали как центры торговли, но скоро превратились в места, где также производилось множество товаров. Продажа и производство товаров регулировалось гильдиями. Все ремесленники имели свои гильдии – от сапожников до каменотесов. Иерархия ремесленников представляла собой «лестницу» от новичка до мастера.

III. Тематическая группа *Professions of intellectual activity and arts* (профессии, связанные с умственной деятельностью и искусствами)

Тематическая группа *Professions of intellectual activity and arts* является одной из самых многочисленных в лексико-семантическом поле «наименования видов деятельности в средневековый период» – 179 единиц, полученных в результате выборки из словарей, корпусов и художественных текстов.

В данной тематической группе мы выделили 8 подгрупп: *музыканты, научные деятели, ораторы и литераторы, представители закона, преподаватели, художники, шуты и медицинские работники.*

1. Наиболее многочисленной тематической подгруппой является подгруппа *музыканты*. Данные профессии весьма широко представлены в среднеанглийском языке – 31 лексическая единица, что указывает на развитие разных видов музыки в средневековой Британии.

Среди наименований музыкантов родовыми лексемами являются *mūsiker* и *mūsicien* (musician – музыкант).

2. Среди лексики, называющей среднеанглийские интеллектуальные виды деятельности, можно выделить наименования *деятелей науки* – 18 единиц. Лексема *man of scole* (scholar – ученый) являлась родовым термином для обозначения ученого человека в самом широком смысле. Другими представителями ученых были: *texte scrivein* (professional scribe – профессиональный писец), *texte writer, wrītere* (scribe, copyist – писец, переписчик), *calculer, calkelātōur, ġēmetrīen* (mathematician – математик), *ġēmetrīen* (architect – зодчий), *eñġinōur* (engineer – конструктор), *philosophre* (philosopher – философ), *astroloġēr* (astrologer – астролог).

3. Искусство литературы, поэзии и риторики представлено рядом лексем (21 единица), называющих *ораторов и литераторов*: *rēthorīke, rethoricien* (expert in the art of rhetoric; a professional orator – эксперт в искусстве риторики; профессиональный оратор), *interpretōur, scrībe* (translator – переводчик), *reġistere* (record keeper, recorder – архивариус, хранитель записей).

4. Тематическая подгруппа «*Представители закона*» представлена 26 лексемами. Лексемы данной группы указывают на то, что на территории Британских островов к концу XV в. было вполне развито законодательство. Наша выборка выявила 26 единиц наименований юридических профессий, из них 6 синонимов с широким общим значением «правовед, юрист» в среднеанглийском языке: *lauiere, lauistere, lēġiste, plētōur, vōcāi, a man of laue*.

5. Одной из тематических подгрупп является подгруппа «*Учительство*» – 10 единиц.

Значение «учитель» в нашей выборке выражено 7 лексемами: *pēdagōge, norishere, monestere, instructōur, lērnere, lērere, lārēw*.

Лица, связанные с преподаванием, имели следующие названия: *tūtōur* (instructor of a youth in a private household, a tutor – наставник молодежи в частном поместье, гувернер), *tēcheresse, doctrīce* (female teacher – женщина-учитель).

6. Подгруппа «Художники» представлена в нашем исследовании 13 лексемами.

Иллюстрированные рукописи – важный источник информации о средневековом изобразительном искусстве. С раннего средневековья большинство манускриптов с изображениями на религиозную тему производили в монастырях хронографы или писцы. К XIII в. ситуация стала изменяться – обществу стали требоваться профессиональные иллюстраторы для приобщения более широких слоев населения к книгам.

Профессии, называющие деятелей изобразительного искусства в средневековой Британии: *lūminōure* (illuminator of manuscripts – иллюстратор рукописей), *broudiōur* (embroiderer – вышивальщик), *imāġōure* (artist – художник).

7. Мы выделили тематическую подгруппу «Шуты» как одну из многочисленных в средневековых сферах занятости населения (29 единиц).

Средневековый шут имел несколько синонимичных наименований: *fōl*, *jāpere*, *bōurdōur*, *harlot*, *jocular*, *pleiere*, *ribaudoūre*. К другим представителям средневековых развлечений относятся: *bōurdōur*, *carpare*, *dīsōur*, *trufler*, *tāle-tellere* (story-teller – рассказчик), *saillōur* (acrobat – акробат), *tumbere* (acrobatic dancer – танцор-акробат).

8. Одной из наиболее представленных является подгруппа «Медицинские работники» – 26 лексем. Антисанитария в средневековых городах часто приводила к распространению болезней. Несмотря на то, что госпитали стали появляться при монастырях именно в Средневековье, фактически этих учреждений было очень мало. Наиболее распространенными методами лечения являлись молитва, использование трав и кровопускание.

Родовым термином является *lēche* (physician or surgeon – лекарь или хирург). В области медицины мы выделили разделение на два вида деятельности – лечение и производство лекарств.

В целом у представителей образованных слоев населения средневековой Британии имеются следующие отношения синонимии: surgeon – *surġer*, *wōunder*, *lēche*, *cirurġien*; lawyer – *lauiere*, *lauistere*, *lēġiste*, *plētōur*, *vōcāi*, *a man of laue*; teacher – *pēdagōġe*, *norishere*, *monestere*, *instructōur*, *lērnerne*; judge – *dōmere*, *dōmestere*, *jūġe*, *jūġer*, *dēmes-man*.

Таким образом, тематическая подгруппа “*Professions of intellectual activity and arts*” (профессии, связанные с умственной деятельностью и искусствами) неоднородна и содержит 8 тематических подгрупп, которые развиваются количественно и качественно. Лексика, называющая профессии, связанные с интеллектуальной деятельностью и искусством, весьма многочисленна. Она демонстрирует разнообразие интеллектуальной жизни жителей Британских островов в данный период. На основании

данных лексем можно делать вывод и о том, как проводили досуг и развлекались англичане в Средние века, какие виды искусства присутствовали в их жизни.

Как и в древнеанглийский период, церковь имела две различные иерархии духовенства: мирскую (*seculēre*), постоянно контактирующую с простыми прихожанами, и монашескую (*monasticāl*), предпочитающую исключить любые контакты с людьми за пределами монастыря [3]. В виде Иерархию представителей церкви можно представить в виде схемы (рис. 1, 2).

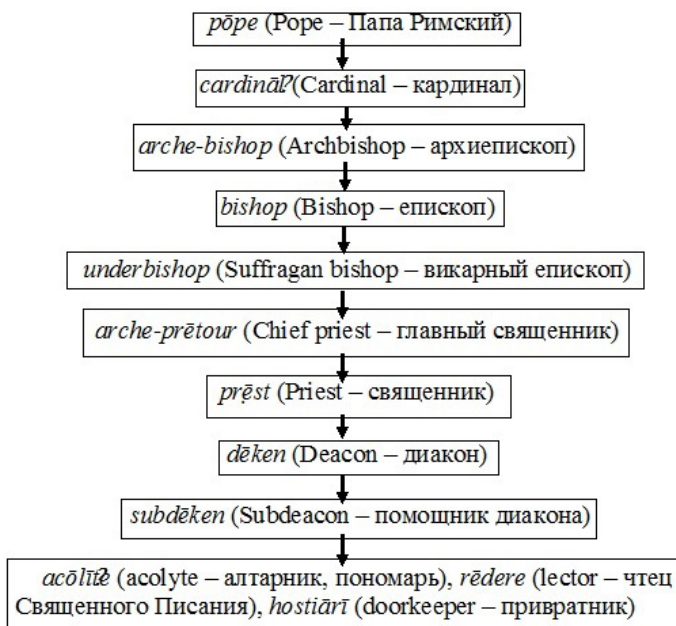

Рис. 1. *Seculēre* (мирское духовенство)

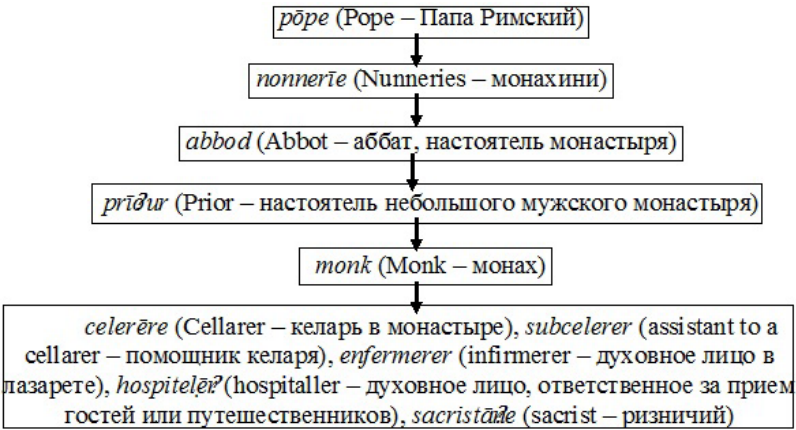

Рис. 2. Monasticāl (монашеское духовенство)

IV. Тематическая группа Clergy (духовенство)

Тематическая группа Clergy (духовенство) включает наименования представителей Церкви и является одной из самых многочисленных в лексико-семантическом поле “наименования видов деятельности в средневековый период” – 101 единицу.

Представитель любой из иерархий обладал стриженной головой, все мужчины имели выбритое место на макушке как знак принадлежности к католическому духовенству [7].

V. Тематическая группа Peasants (крестьяне)

Тематическая группа Peasants включает наименования крепостных и является довольно многочисленной – 90 единиц, полученных в результате выборки из словарей, корпусов и художественных текстов.

Земледельческие профессии представлены 11 синонимичными лексемами со значением «фермер, земледелец»: *erthling*, *bōnde-man*, *fēldere*, *gaineier*, *plauter*, *plōugh-man*, *tillere*, *til-man*, *tōun-man*, *erthe tillere*, *yēman*.

Профессия виноградаря представлена четырьмя номинирующими лексемами: *vinter*, *vintner*, *vinturer*, *vīnemakere*. Другими среднеанглийскими профессиями, связанными с выращиванием урожая, являются *gardiner*, *mukker*, *sprēder*, *leigh-tōunward*, *orchardward* (садовод). Женщина, занимающаяся садоводством, – *garth woman*. У богатых людей, вероятно, был специальный работник по сараю или голубятне – *cōtemaker*.

Наиболее представленной и дифференцированной в данной тематической группе является подгруппа лексем со значением «пастух». Родовым

терминами являются лексемы *hērde, drīvere, hērde-man, hērder, hoggere, pastūrer*. Деятельность пастуха была специализирована по видам животных.

Таким образом, крестьяне составляли большую группу в средневековом европейском обществе. Их труд производил еду и другие товары, в которых нуждались другие слои населения. Крестьянство составляло основной доход знати из-за уплаты арендной платы и многочисленных налогов. Анализ наименований, относящихся к представителям данной группы, дал понять, что в средневековье селяне совершали основную часть физической работы, большая часть которой была связана с уходом за животными и земледелием.

VI. Тематическая группа “Clerks” (служащие)

Тематическая группа «Служащие» является одной из самых многочисленных в лексико-семантическом поле “наименования видов деятельности в средневековый период” – 275 единиц.

В общем массиве среднеанглийской лексики, называющей профессии, имеются лексемы, которые указывают на деятельность по несению государственной службы или службы на хозяина. Эти лексемы семантически выделяются в группу «Служащие», которые насчитывают 275 единицы. Среди них можно выделить несколько тематических подгрупп: 1) представители власти и закона, чиновники (164 единицы); 2) охранники, стража (33 единицы); 3) слуги (78 единиц).

Рассмотрим каждую тематическую подгруппу.

1. *Наименования представителей власти и госслужащих* довольно многочисленны.

Служащие при королевском дворе: cart tākere (officer in charge of commandeering carts or wagons for the king – служащий, ответственный за набор повозок или тележек для короля), *tākere* (officer who appropriates goods or obtains supplies for the king – служащий, назначающий или получающий товары для короля).

К другим *высокопоставленным должностям* при короле относились: *chaumberē, chaumberlein, dortōurer* (Chamberlain – управляющий королевским двором), *chauncelē* – (Chancellor – канцлер).

Должности служащих в городах: pōrt-rēve (chief officer of a town – главное должностное лицо города).

Сравнительно многочисленны наименования *профессий по оглашению и разъяснению законов и указов* – 15 единиц: *heraud* (herald – официальный объявитель законов, глашатай).

В среднеанглийском языке нами было выявлено 13 лексем, которые называли представителей власти, занимающихся сбором налогов (*сбор-*

щики налогов, пошлин, податей): *caccherel, gavelere, guillōur, ūblicān, rente-gaderere, tollere, toloser, fermōur, tolgaderere* (tax-collector – сборщик налогов).

Экзекуторы, палачи: *tormentōur, quellere, pincher, crūciar* (torturer – мучитель, палач), *hēdere, hang-man* (headsman/hangman – палач).

2. Охранники, стража.

В среднеанглийском языке было выявлено 33 наименования профессий по охране имущества, власти, знатных людей. Родовыми лексемами являются *wardein* – страж, защитник, хранитель и *gardein* – тот, кому поручена охрана. Другие лексические единицы, относящиеся к подгруппе «охранники, стража»: *wāke-man* (one who remains awake or abroad at night; a town guard or night), *wiŕtere, yĕmer* (keeper, custodian – смотритель, хранитель).

3. Слуги.

Рассмотрим состав типичного английского поместья Средневековой Британии. В большинстве своем оно включало в себя несколько домов крестьян, окружающих дом владельца поместья. Лорд (*lōrd*) являлся собственником земли, полученной от короля. В свою очередь, хозяин поместья предоставлял надел крестьянам в обмен на сельскохозяйственную работу и военную службу. В моменты отсутствия дома лорда его роль брал на себя стюарт (*steuard*), самое высшее по званию должностное лицо поместья. Бейлиф (*bailiff*), судебный пристав, назначался лордом из числа свободных крестьян для управления сельскохозяйственной работой на территории имения. Последним должностным лицом поместья был главный судья (*rĕve*) – служащий, избираемый всегда из крепостных крестьян для организации и надзора за процессом трудовой деятельности на территории владения феодала. Ему приходилось также посещать помещный суд и вести финансовые отчеты [6].

VII. Тематическая группа Merchants (торговцы)

Тематическая группа *Merchants* включает наименования представителей коммерции – 158 единиц, полученных в результате выборки из словарей, корпусов и художественных текстов.

Наша выборка выявила 158 единиц, из них 4 синонима с широким общим значением «торговец» в среднеанглийском языке: *chafferer, chap-man, sellere, mercer, mōngere*.

Несколько других лексем имеют семы, уточняющие значение слова «торговец»: *retailōur* (retail merchant or dealer – розничный торговец), *marchaunt* (wholesale businessman – оптовый торговец), *peddere, bĕrster*,

traventour, curler, hukker (petty merchant, peddler – мелкий, уличный торговец).

Таким образом, торговля в Средневековье на Британских островах, как и во всей Европе, играла важную роль в жизни людей и государства, в формировании городов. Анализ наименований, относящихся к представителям коммерции, дал понять, что в этот период торговцы превращались в авторитетных и влиятельных людей.

VIII. Тематическая группа “Moneylenders” (ростовщики)

Группа *Moneylenders* включает 12 наименований профессий и представлена менялами, ростовщиками, чеканщиками, средневековыми «коллекторами».

Ряд лексем указывают на то, что в среде ремесленников и крестьян всегда существовали люди, которые ничего не производят и не предоставляют какие-либо услуги своим согражданам; они живут тем, что они дают деньги займы либо разменивают их: *minter, moneter, moneie-mākere* (moneylender – ростовщик), *chaunġeōur, collibiste, moneier, numulārīe, numelārien* (money-changer – разменщик денег, ростовщик), *minter, moneie-mākere* (moneyer – чеканщик), *tākere of distresse* (one who seizes goods or chattels as satisfaction for arrearage – тот, кто конфискует товары или движимое имущество в качестве неустойки за просрочку платежа), *lombard* (lombard banker – финансист ломбарда).

Выводы

Особенности лексико-семантического поля «Наименование профессий» позволяют дополнить систему знаний о средневековой Британии. Феодальная система XI–XV вв. представляла собой пирамиду, на вершине которой был король и двор, а в основании – крестьяне-невольники. Преобладающее число жителей в городах занималось ремесленничеством. Новинки научно-технического прогресса и спрос на новые материалы и услуги явились причиной формирования гильдий мастерских с узкими специализациями. Торговцы занимают значимое место в социальной жизни городов из-за расширения рынков и потребности в необычных ранее товарах. Церковь в средние века, как и ранее, представляет собой иерархию светского или монастырского типа. Храмы и соборы также являются местом получения образования – вначале только теологического, позже в изучение добавляются и научные предметы. Армия в основном представляет собой разрозненные отряды, содержащиеся лордами, но обладающие уже разнообразным оружием. Открытие университетов позволило появиться специалистам в медицине, праве и искусстве. Боль-

шое число жителей средневековых городов и замков состояли на государственной службе или на службе у хозяина (представители власти и закона, чиновники, охранники, слуги). Также надо обратить внимание на то, что в средневековье была развита сфера развлечений, на что указывает многочисленность лексем из тематической подгруппы «шуты».

Библиографический список

1. Чахоян Л.П., Иванова И.П., Беляева Т.М. История английского языка. СПб., 1990.
2. Яндекс. Перевод. URL: <https://translate.yandex.ru/> (дата обращения: 20.04.2015).
3. British Library. Learning Medieval Realms. Church. URL: <http://www.bl.uk/learning/histcitizen/medieval/thechurch/church.html> (дата обращения: 20.04.2015).
4. Middle English Compendium. Middle English Dictionary. URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/> (дата обращения: 20.04.2015).
5. Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения: 20.04.2015).
6. Pounds N. The Medieval city. London, 2005.
7. Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения: 20.04.2015).
8. Pounds N. The Medieval city. London, , 2005.
9. Religious Hierarchy in Medieval Times. URL: <http://www.hierarchystructure.com/religious-hierarchy-in-medieval-times/> (дата обращения: 30.03.2015).
10. Sir Gawain and the Green Knight. URL: <http://www.poetryintranslation.com/PITBR/English/GawainAndTheGreenKnight.htm/> (дата обращения: 20.04.2015).

А. Либерман

Принцип Оккама в этимологии: англ. *qualm* и нем. *Qualm*

Этимологам часто приходится иметь дело с несколькими, как кажется, одинаково вероятными гипотезами. В этих случаях словари предпочитают сохранять нейтралитет и предлагают специалистам самим делать выбор. Но иногда одно из логически приемлемых решений содержит необязательный («лишний») ход и на этом основании должно быть отвергнуто (принцип Оккама). Именно так обстоит дело с этимологией слова *qualm*, первоначально значив-

шего 'густой дым; тошнота'. Оно было заимствовано в ранненовоанглийский из нижненемецкого; там оно было заимствовано с севера и значило примерно то же, что в английском. Есть все основания полагать, что существительное *qualm* родственно глаголу *quellan* 'бить струей, вырваться облаком'; -m – древний суффикс. Но у немецкого слова *Qualm* имелся почти полный синоним *twalm* (из *dwalm*), родственный глаголу *dwellan*, а в немецком языке /kw/ (/kv/) иногда восходит к /dw/ (/tv/). Возникает вопрос, действительно ли *qualm* родственно глаголу *quellan* или начальная группа /kw/ возникла в нем из /tv/. Второе решение предполагает необязательный (добавочный) ход и, скорее всего, должно быть отвергнуто в соответствии с принципом Оккама.

Ключевые слова: английский язык, немецкий язык, этимология, происхождение, реконструкция, лексикография.

The first etymological dictionaries of modern European languages were written about four centuries ago. Everything in the study of etymology has changed since the early fifteen-sixties, the greatest change being perhaps the scholars' attitude toward their subject. It would not have occurred to Helvigi¹ or Minsheu², the first lexicographers who risked compiling etymological dictionaries of German and English, to list a word and supply it with the verdict "Origin unknown." Even Ménage³, who was incomparably better informed about the history of the Romance languages than Helvigi¹ and Minsheu² were about German and English, preferred the most fanciful derivations to the admission that he had no idea of his words' prehistory. (Helvigi¹ and Minsheu², especially Helvigi¹, enjoyed relatively little popularity in their days, while Ménage's fame spread far and wide, and in the eyes of posterity his adventurous guesses partly eclipsed his serious achievements.)

The boldness of the pioneers of modern lexicography stemmed from their inexperience and the absence of tradition. They had no fear of making mistakes and inviting the criticism that, with regard to etymology, tended to become more and more virulent as time went on. Soon the number of authorities increased, and one could occasionally make do with offering a safe alternative or simply listing the predecessors' hypotheses instead of venturing a new one. Thus, Stephen Skinner⁴, the author of the second etymological dictionary of English, sometimes chose to be noncommittal by simply adding his tentative opinion to

¹ Andreae Helvigi¹. *Origines dictionvm germanicarvm.... Hanoviae: Impensis Conradi Eifridi, 1611* (I had access only to the 1620 edition or reprint).

² Minsheu J. [a. k. a. Minshæus]. *Ductor in linguas. The Guide into the Tongues.... London, 1617.*

³ Gilles Ménage [a. k. a. Menagius]. *Dictionnaire étymologique ou les origines de la langue Française.... Paris, 1694.*

⁴ Skinner S. *Etymologicon Linguae Anglicanae. Londini: Typis T. Roycroft, 1671.*

the few others of which he was aware. The same tendency comes to the fore in an excellent but, naturally, outdated work by Junius¹, an incredible erudite and the founder of Germanic philology, while Gottfried Leibnitz, who did not write an etymological dictionary but was greatly interested in the origin of words, did not shirk polemic. Later authors, such as Henry Todd (the editor of Samuel Johnson's dictionary), Charles Richardson, and Joseph E. Worcester, all three distinguished actors in the field of English lexicography², often restricted themselves to a list of previous suggestions, without pushing their own ideas (in most cases, they had none).

Before the discovery of sound laws, when philologists sought the etymons of English and German in Hebrew and Greek, it was not particularly difficult to find in old texts some more or less plausible look-alikes that matched modern words. Additionally, there have always been self-taught people who thought that the source of all languages or the language that interested them was not Hebrew or Greek but rather Dutch or Irish. They too had little trouble finding promising etymons, but their activities pushed them to the fringe of philology or even had nothing to do with scholarship and need not interest us. A search for a limited number of roots that allegedly produced all the words of all languages belongs with other endeavors by delusional individuals. Etymology has attracted lunatics at all times; strangely, many of them were medical doctors. By way of apology, it should be said that for centuries all people whom we might call linguists and historical linguists were self-taught.

Once etymology left its infancy (and that happened only thanks to Jacob Grimm and his followers), linguists, for some time still largely self-taught, began to look for cognates rather than look-alikes. Some words, it turned out, had questionable related forms (that is, such as failed to meet all the phonetic and semantic requirements) or seemingly none at all. Both inspirational and untenable guesses multiplied, while disagreement and rancor became the norm. Also, in stark contrast to their seventeenth- and eighteenth-century predecessors, scholars began to feel fearful that they missed some important publications in their area. More and more often notes opened with a disclaimer of the type: "My idea is so simple that I cannot imagine that it has not occurred to someone before me."

Those shows of modesty were, as I now know, not gratuitous. In 2008 I brought out a massive bibliography of English etymology, a byproduct or the

¹ Francisci Junii Francisci filii. Etymologicum Anglicanum... edidit Edwardus Lye. Oxonii: E Theatro Sheldoniano, 1743.

² Johnson S. A Dictionary of the English Language. 2nd ed., by H. J. Todd. London, 1827; Richardson C. A New Dictionary of the English Language, Combining Explanation with Etymology. London, 1837 (I had access to the 1858 edition); Worcester J.E. A Dictionary of the English Language.... Philadelphia, 1860.

basis of my etymological dictionary¹ and discovered that certain hypotheses had indeed been put forward multiple times and that some good guesses lay buried unnoticed in long-forgotten fugitive periodicals, chance foot- and endnotes, and in the papers whose titles could not attract the attention of the most assiduous investigators, though in the Grimms' Germany and perhaps a decade or two later active philologists seem to have read and remembered everything written by their colleagues. Sigmund Feist himself, a veritable miracle of omniscience and the author of an unsurpassed Gothic etymological dictionary², missed a few books that could have stood him in good stead.

Two possibilities for escaping the impasse offered themselves. A responsible scholar could offer a catalog of conjectures, classify them (some were obviously wrong, some carried little conviction, and some held out enough promise to be examined in detail) and in the end remain noncommittal. Or all the suggestions failed to such an extent that the only honorable way out would be to concede defeat and write: "Origin unknown." To be sure, there was a third option: not to include a word in a dictionary and thus cover up one's ignorance. But that option does not apply to all situations. In dealing with the corpora of dead languages, such as Hittite, Sanskrit, Classical Greek, Latin, Gothic, and even Old Icelandic (the latter is not "dead" in the same sense as are Old English [OE] or Old High German [OHG]), the lexicographer is not expected to miss a single item, however obscure. Most people will agree that no etymology is better than a wrong one. Yet the unassailable verdict "origin unknown" brings little joy.

Not only such general dictionaries as Webster's International³ but also special ones, like ODEE⁴, often resort to the formula "origin unknown." This formula disguises several situations. There are indeed words that come in from the cold and refuse to reveal their past. Such is a good deal of slang. For example, it has taken an amazing amount of effort to discover the origin of *shyster* and of the phrase *hot dog*⁵. Reading dialectal dictionaries and glossaries sometimes leaves the impression that one is dealing with a foreign

¹ Liberman A., with the assistance of J. Lawrence Mitchell. *An Analytic Dictionary of English Etymology: An Introduction*. Minneapolis, London, 2008; Liberman A., with the assistance of Ari Hoptman and Nathan E. Carlson. *A Bibliography of English Etymology*. Minneapolis, London, 2010.

² Feist S. *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache*. 3rd ed. Leiden, 1939.

³ Webster's New International Dictionary of the English Language. Three editions were published in Springfield, MA by G. & C. Merriam Company in 1909, 1934, and 1961. This tradition is now being continued online.

⁴ The Oxford Dictionary of English Etymology / C.T. Onions, ed., with the assistance of G.W.S. Friedrichsen and R.W. Burchfield. Oxford, 1966.

⁵ See the books by Gerald L. Cohen. *Origin of the Term Shyster and Origin of the Word Shyster: Supplementary Information*. *Forum Anglicum*. V. 12, 13. Frankfurt am Main, 1982, 1983, and Cohen G.L. *Origin of the Term "Hot Dog"*. Rolla, MO, 2004.

language. The etymology of many vernacular words has never been probed. Not surprisingly, it remains unknown. Yet quite often, the origin of the word is less impenetrable than the compilers and editors of dictionaries make it appear.

I can once again refer to my bibliography. My team of paid assistants (mainly undergraduates) and volunteers looked through thousands of pages of popular journals and specialized English periodicals in search of articles, footnotes, and chance observations on the origin of English words, along with their certain and alleged cognates. A few more qualified people searched German, Dutch, and Scandinavian periodicals for similar clues, but most books (miscellanies and *Festschriften*) and journals in languages other than English, especially in the Romance and Slavic languages, I had to screen myself. As a result, we amassed a huge database; the work continues, and the database grows at the rate of about five to six hundred items a year. It turned out that many riddles have been solved but the solutions remain undiscovered by those who wrote etymological entries for established dictionaries. It means that the origin of some words is unknown to lexicographers, which is not quite the same as just unknown! Finally, one encounters cases that fall under the denomination of an embarrassment of riches: several good possibilities present themselves, and it is unclear which of them should be preferred. The present note is devoted to one of such cases. It concerns the Modern English word *qualm* and its German analog *Qualm*.

The earliest citation of *qualm* in the *OED* is dated to 1530. In the sixteenth century and some time later, *qualm* meant ‘a sudden fit, impulse, or pang of sickening, misgiving, despair; a fit or sudden access of some quality, principle, etc., a sudden feeling or fit of faintness or sickness’. The first sense is still alive. Nowadays, the plural occurs more often, as in *qualms of conscience*, *I had no qualms about...*, and the like; only figurative senses are extant. As we will see, the so-called ultimate, or distant, etymology of *qualm* poses no problems because its Germanic root is easy to detect, but, when a word belonging to the native stock surfaces so late (in this case we have no Old English or Middle English form), the suspicion is strong that we are dealing with a borrowing from another language, and indeed, *qualm* seems to have reached English from Low German. The arguments for the word’s belonging to the native stock will be given later.

The German cognate (or source) sounds also as *Qualm* (the capital letter is a mere concession to German orthography) and means ‘(a thick) smoke, vapor’, but its first recorded sense was ‘daze, stupefaction’. Surprisingly, on German soil we find ourselves in the same situation as before, for *Qualm* too appeared in texts only in the sixteenth century. It is still used mainly in northern and central German, while the southern word for “smoke” is *Rauch*, which is much better

known to students of German and from books than *Qualm*. Apparently, the same conclusion must hold for it as for its English “twin.” German researchers (the relevant material can be found in any edition of Kluge’s dictionary¹) state unanimously that their word came to Hochdeutsch from the north, that is, from Low German. “(Thick) smoke” and “sickness, nausea” are not incompatible: the first can cause the second. “Stupefaction” must be a later sense, and it is close to “a sudden pang of sickness” found in English.

We have no way of deciding what gave the northern German noun such popularity in the early fifteen-sixties, but its diffusion is remarkable. Perhaps it was a word popularized by endless wars, so that *qualm* ‘thick vapor’ became part of international military usage. By 1599 at the latest, the word had stopped being a novelty in Dutch, for it appeared in Kilian’s dictionary² (possibly again borrowed from Low German³), and in the form *kvalm* it made its way to Swedish, Danish, and Norwegian. Scandinavian etymologists are unanimous in their belief that the word’s source is Low German (I will dispense with references to the standard etymological dictionaries of the continental Scandinavian languages). Couldn’t ‘daze caused by a cloud of thick smoke’ originate in dealing with some early firearms? Such conjectures are bound to remain guesswork. We can only feel certain about one piece of the puzzle: *qualm* (*Qualm*) existed in Low German before it turned up in texts (this is true of any word known from written tradition) and for a long time stayed there unnoticed by the speakers of other languages. Some analog might perhaps be the tragedy at Ypres. The word *gas* acquired its ominous meaning in connection with the first use of mustard gas (“yprite”). After April 1915 no one could remain ignorant of the new connotations of *gas*. Be that as it may, there must have been something special in the dense vapor called *qualm* and its dazing effects to attract the attention of so many speakers in the neighboring lands.

The information on the semantic history of Low German *Qualm* is meager, but Holthausen, a native speaker of the Soest dialect (Westphalia) recorded *qualm* ‘a great quantity’ (for example, of birds). He briefly discussed that form in a journal⁴ (the entry in his etymological dictionary of Old English⁵ is much poorer). He recorded the dialectal verb *quellern* ‘to gush (out, forth)’, a

¹ Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Between 1883 and 2012 twenty-five editions appeared.

² Cornelius Kilianus [a. k. a. Corneille Kiel]. Etymologicum teutonicæ linguæ.... Antwerpiae: Ex Officina Plantiniana, apud Joannem Moretum, 1599.

³ See this word in Jan de Vries. Nederlands etymologisch woordenboek / Ed. by F. de Tollenaere. Leiden, 1987.

⁴ Holthausen F. “Anglica.” // Germanisch-Romanische Monatsschrift. 1951. № 32. S. 235.

⁵ Holthausen F. Altenglisches etymologisches Wörterbuch. 3rd ed. Heidelberg, 1974 (at *cwiella*)

likely cognate of OE *collen* ‘swollen’, known only as the first element of two compounds. The vowel *u* in *quull-er-n* represents the zero grade of the root one finds in German *quell-en* ‘to pour forth, stream’, with its full grade (the modern noun *Quelle* means ‘spring, source’). It does not look like a too daring hypothesis to reconstruct the initial meaning of this family as ‘a mass of water or vapor (smoke) rising to the surface’. This is how the sense of dialectal *qualm* ‘a great quantity’, with its reference to a flock of birds in the air, probably came into being.

Qualm, as noted above (with the promise to return to its chronology), was an old word. The proof is supplied by German *Qual* ‘torment, pain, agony’, the same word as *Qualm* but without the suffix *-m*. This suffix goes back to antiquity¹ and stopped being productive even in Middle, if not Old High German. OE *cwellan* ‘to kill’, a congener but not the etymon of *kill*, continued into the modern language, though with a weakened meaning (*quell* ‘to extinguish’). OE *cwealm* ~ *cwelm*, derived from the same root, meant ‘pain, pestilence’. Obviously, even before Low German *Qualm* became an almost migratory word, the derivatives of the root *qual-* had at least sometimes unpleasant associations.

The question about the origin of *qualm* (or rather of its German etymon) seems to have been settled once and for all. This is the impression one gets, for example, from such a dependable source as *The Century Dictionary (CD)*², with its detailed and careful etymologies. The entry lists OE *cwealm* ‘death, slaughter, murder, destruction, plague, pestilence’ (Middle English ‘pestilence, death’), Old Saxon *qualm* ‘death, destruction’, as well as similar words in Old and Middle High German, and adds after the equal sign (=) German, Swedish, Dutch, and Danish homophones with the senses ‘suffocating vapor, smoke, steam, nausea’. This creates the impression that Engl. *qualm* is a trivial reflex of OE *cwealm* and that ‘vapor, smoke’ is an unproblematic continuation of ‘murder, destruction, etc.’ One can also gather that the Scandinavian words are self-explanatory cognates of the English and German words. In stark contrast to *CD*, *ODEE* (see note 3, p. 66), which usually offers a digest of the *OED*, says: “*qualm*... feeling of faintness or sickness XVI; strong scruple of conscience. Of obscure origin; phonetically corresponding forms either have inappropriate meanings or cannot be historically connected: OE *cwe(a)lm* pestilence (rel[at]ed to QUELL), M[id]dle L[ow] G[erman] *quell*m, G[erman] *qualm* (Du[tch] *kwalm* ‘thick vapour or smoke’.” (XVI refers to the century; German nouns are not capitalized in this dictionary; QUELL is a reference

¹ Kluge F. *Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte*. Halle (Saale), 1926. Sec. 152.

² *The Century Dictionary*.... / W.D. Whitney, ed.; Rev. ed. by Benjamin E. Smith. NY, 1911.

word: a special entry is devoted to it.) Thus, “of obscure” rather than “of unknown origin.” Etymological dictionaries have developed numerous phrases like “of obscure (unclear, uncertain, disputable)” origin and “remotely allied.” One is not quite sure what to make of them.

Yet the difficulty with *qualm* does not consist only in the fact that the oldest and the modern senses do not match. Apparently, at some time, perhaps around the turn of the sixteenth century, plague, destruction, and nausea became associated with smoke (or some kind of smoke) so closely that the original senses fell into desuetude and the new ones took over. However we may look at the history of *Qualm* in Low German, despite the rupture, the ancient and the new forms represent the same word. This is not an unusual phenomenon. In our memory, *gay* and *queer* stopped meaning “merry” and “odd.” (Who would now say like Barrie in *Peter Pen* that children are gay, innocent, and heartless?) Yet neither should be characterized as a word of obscure etymology only on that account. The complications lie elsewhere. Alongside German *Qualm* (admittedly, from Low German) and Old Saxon *qualm*, we find its near doublet: OHG *twalm* “suffocating smoke; stupefaction.” We have seen that OE *cwealm* has a solid etymology, regardless of whether OE *collen* ‘swollen’ is related to it (it probably is). But the same can be said about *twalm*!

Although *twalm* did not continue into Middle High German and lacks reflexes in the modern language, it has secure cognates in Old English and Old Saxon: *dwalma* ‘chaos’ and *dwalm* ‘error’ respectively. In this context, ‘stupefaction’ and ‘stupidity’ figure prominently in Old English and German, as evidenced by OE *dol* ‘foolish’, *dwol* ‘heretical’, *dwolian* ‘go astray’, *dwolman* ‘one who is in error; heretic’, and several compounds like *dwolgod* ‘false god, idol’. Modern Engl. *dull* is a borrowing of the cognate Middle Low German *dul*. All those words, along with German *toll* ‘mad, crazy’, are related to the verb *dwel*, from *dwellan* ‘to go astray, lead astray, deceive’. How *dwel* ‘to live’ (cf. the noun *dwelling*) and ‘stay in one place’ (cf. “Let us not dwell on this point”) are connected with ‘go astray; deceive’ is a problem that need not delay us here¹.

The relation of *dwalm* to *dwellan* makes the bond between *qualm* ~ *Qualm* and *cwellan* even more credible, but etymologists naturally wonder how to deal with the pair *qualm* / *twalm*, two almost interchangeable synonyms sounding strikingly alike. One more circumstance increases the confusion: in some Middle High German dialects, the group /tw/ became /kw/, with a few words having /kw/ from /tw/ present in the German Standard. Such are, for example, *quer* ‘across’ and the name of the milk product *Quark*, a borrowing of Slavic

¹ See my dictionary (note 2, p. 65). P. 60–61.

*tvorog*¹. (This change is typologically not uncommon. In English dialects, the interchange between /tw/ and /kw/ has also been recorded: cf. *kwenty* ‘twenty’, *twill* ‘quill’, and so forth².) The question, naturally, arises whether German *Qualm* is not a word like *Quark*, with /tw/ going back to /kw/. That is why German scholars sit on the fence when it comes to explaining the etymology of *Qualm*.

We have two choices: either *kwalm* is a dialectal variant of *twalm* or both words existed in the old language as independent entities. I suggest that we should prefer the second alternative, though my conclusion cannot be arrived at by purely logical means, that is, by weeding out wrong propositions. This is the picture as I see it. From the root *cwell-* (or *kwell-*) ‘gush forth’ the noun *cwalm* (*kwalm*, *qualm*) was derived. Its initial meaning must have been approximately ‘a mass of fluid or vaporous substance rising (forcefully) to the surface’. Later, for the reasons beyond our scope of observation (though a surmise along the lines of *Wörter und Sachen* can probably be allowed), this noun acquired strong negative connotations, such as ‘thick, suffocating smoke; nausea; torment; daze, stupefaction’. A parallel formation had no suffix *-m* (*qual*). The root *dwell-* yielded a similar-sounding noun, namely *dwalm* (*twalm*). *Qualm* and *dwalm*, we can assume, often got into each other’s way (is this the reason why one of them disappeared?), but they were distinct and unrelated words. While in doubt about the etymology of *qualm*, we should make use of Occam’s razor and not multiply moves **unless necessary**: the fewer **superfluous** assumptions are made, the better.

English borrowed *qualm* from Low German. The same seems to be true of High German *Qualm* and Dutch *kwalm* and is definitely true of the Scandinavian nouns mentioned earlier. Note the words highlighted in the preceding paragraph. Using Occam’s razor does not allow us to choose the simplest proposed etymology, even though experience teaches that the more complicated an etymology, the higher the chance of its being wrong. People coin words using the requisite stock in trade, the material close at hand. The process of word creation is simple; it is reconstructing the mental and linguistic moves of the past that poses difficulties. However, there should be no misunderstanding: the simplest etymology offered by an amateur and even by a specialist can turn out to be sheer nonsense. Like every sharp instrument, Occam’s razor should be applied with care. The *twalm* ~ *kwalm* dilemma is a case in point. We are faced with two equally reasonable hypotheses, but the second one (*kwalm* from *twalm*, like *Quark* from **tward*) presupposes

¹ Hermann P. *Mittelhochdeutsche Grammatik*. 21st ed. by H. Moser and I. Schröder. Tübingen, 1976. Sec. 106.

² *The English Dialect Grammar* / J. Wright, ed. Oxford, 1905. Sec. 242.

an extra move, which is superfluous and can therefore be avoided. Vendryes spoke about *l'étymologie croisée*¹, but his etymological interlace is restricted to the cases in which the correct solution can be obtained by having recourse to additional evidence. Occam's razor does its work in more "desperate" situations.

To finish this story on a lighter note, I will add that at one time the Modern Engl. verb *quail* 'to lose heart, falter, cower' was traced to OE *cwelan* 'to die' and *cwellan* 'to kill' (unless it was derived from the homonymous name of the bird² – this is indeed a simple solution!). Hensleigh Wedgwood, who dominated the etymological scene in Great Britain before Skeat³, identified *quail* 'to falter' with *quail* 'to curdle' and traced it to Latin *coagulare* 'coagulate'. It is amusing to quote A. L. Mayhew, a good language historian and bellicose critic. With reference to those who treated *cwelan* and *cwellan* as the etymon of *quail*, he wrote: "It never seems to have occurred to these scholars that such an etymology is quite inadmissible, as the vowel sound of *quail* cannot be made to correspond with the original vowel of Old English *cwelan* or *cwellan*. Wedgwood did not care a brass button about phonetic laws, but he had a very keen sense for what is probable in the connection and the etymology of our word quail. He says: 'to quail, as when we speak of one's courage failing, is probably a special application of quail in the sense of curdle'.... It is the same word as Fr[ench] cailler, to curdle, coagulate, a sister form of which is Ital[ian] *cagliare*'"⁴. Skeat resented Wedgwood's conjecture but later accepted it⁵. Many razors cut our vocabulary in preparing it for an etymologist's enjoyment, Occam's razor being only one of them.

Notes

1. Andreae Helvigius. *Origines dictionvm germanicarvm...* Hanovix: Impensis Conradi Eifridi, 1611 (I had access only to the 1620 edition or reprint).
2. *Century Dictionary...* / W.D. Whitney, ed.; Rev. ed. by Benjamin E. Smith. NY, 1911.
3. Cf. the first (1882) and the last (1910) editions of Walter W. Skeat's. *An Etymological Dictionary of the English Language*. Oxford.
4. Cohen G.L. *Origin of the Term "Hot Dog."* Rolla, MO, 2004.

¹ Vendryes J. "Sur l'étymologie croisée" // *Bulletin de Société de Linguistique de Paris*. 1955. № 51. P. 1–8.

² Thomson S.J. *Etymons of English Words*. Edinburgh, 1826.

³ Wedgwood H. *A Dictionary of English Etymology...* London, 1859–1862. Subsequent eds.: 1872, 1878, and 1888.

⁴ Mayhew A. L. "'To Quail' (To Lose Heart)" // *The Academy*. 1906. № 71. P. 141.

⁵ Cf. the first (1882) and the last (1910) editions of Walter W. Skeat's. *An Etymological Dictionary of the English Language*. Oxford.

5. Cornelius Kilianus [a. k. a. Corneille Kiel]. *Etymologicum teutonicæ linguæ*.... Antwerpia: Ex Officina Plantiniana, apud Joannem Moretum, 1599.
6. *English Dialect Grammar* / J. Wright, ed. Oxford, 1898–1905. Sec. 242.
7. Feist S. *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache*. 3rd ed. Leiden, 1939.
8. Francisci Junii Francisci filii. *Etymologicum Anglicanum*... edidit Edwardus Lye. Oxonii: E Theatro Sheldoniano, 1743.
9. Gerald L. Cohen. Origin of the Term Shyster and Origin of the Word Shyster: Supplementary Information. *Forum Anglicum*, vols. 12 and 13. Frankfurt am Main, 1982 and 1983.
10. Gilles Ménage [a. k. a. Menagius]. *Dictionnaire étymologique ou les origines de la langue Française*.... Paris, 1694.
11. Hermann P. *Mittelhochdeutsche Grammatik*. 21st ed. by H. Moser and I. Schröder. Tübingen, 1976. Sec. 106.
12. Holthausen F. “Anglica.” // *Germanisch-Romanische Monatsschrift*. 1951. № 32. S. 235.
13. Holthausen F. *Altenglisches etymologisches Wörterbuch*. 3rd ed. Heidelberg, 1974 (at cwiella).
14. Johnson S. *A Dictionary of the English Language*. 2nd ed., by H. J. Todd. London, 1827.
15. Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Between 1883 and 2012 twenty-five editions appeared.
16. Kluge F. *Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte*. Halle (Saale), 1926. Sec. 152.
17. Liberman A., with the assistance of Ari Hoptman and Nathan E. Carlson. *A Bibliography of English Etymology*. Minneapolis, London, 2010.
18. Liberman A., with the assistance of J. Lawrence Mitchell. *An Analytic Dictionary of English Etymology: An Introduction*. Minneapolis, London, 2008.
19. Mayhew A. L. “To Quail’ (To Lose Heart)” // *The Academy*. 1906. № 71. P. 141.
20. Minsheu J. [a. k. a. Minshæus]. *Ductor in linguas. The Guide into the Tongues*.... London, 1917.
21. *Oxford Dictionary of English Etymology* / C.T. Onions, ed., with the assistance of G. W.S. Friedrichsen and R.W. Burchfield. Oxford, 1966.
22. Richardson C. *A New Dictionary of the English Language, Combining Explanation with Etymology*. London, 1837 (I had access to the 1858 edition).
23. Skinner S. *Etymologicon Linguæ Anglicanæ*. Londini: Typis T. Roycroft, 1671.
24. Thomson S.J. *Etymons of English Words*. Edinburgh, 1826.
25. Vendryes J. “Sur l’étymologie croisée” // *Bulletin de Société de Linguistique de Paris*. 1955. № 51. P. 1–8.
26. Vries J., de. *Nederlands etymologisch woordenboek* / Ed. by F. de Tollenaere. Leiden, 1987.
27. *Webster’s New International Dictionary of the English Language*. Three editions were published in Springfield, MA by G. & C. Merriam Company in 1909, 1934, and 1961.
28. Wedgwood H. *A Dictionary of English Etymology*.... London, 1859–1862. Subsequent eds.: 1872, 1878, and 1888.
29. Worcester J.E. *A Dictionary of the English Language*.... Philadelphia, 1860.

Е.А. Лютикова

Безвершинные относительные предложения в русском языке: эмпирические данные и теоретические проблемы¹

В статье рассматриваются синтаксические свойства безвершинных относительных предложений в русском языке: условия категориального и падежного совпадения, их нарушения в неаргументных позициях, морфологический характер условия падежного совпадения, а также возможность множественных безвершинных относительных предложений. Аргументируется точка зрения, что подобный набор свойств не может быть объяснен в рамках единого анализа и следует выделять два класса безвершинных относительных конструкций – удовлетворяющих условию падежного совпадения и нарушающих его.

Ключевые слова: безвершинные относительные предложения, падеж, русский язык.

Безвершинные относительные предложения (в англоязычной традиции – *headless relatives* или *free relatives, FR*²) – это клаузы с синтаксисом относительного предложения, имеющие дистрибуцию именной группы (ИГ) и не содержащие фонологически выраженных внешней либо внутренней именной вершины. Рассмотрим примеры 1а-б.

(1)

а. Я не умею есть [_{DP} то, [_{CP} что она готовит]]. (НКРЯ³)

б. Я не умею есть [_{FR} что она готовит].

В примере 1а мы имеем дело с относительной конструкцией, лишенной вершины-существительного, вследствие чего в качестве относительного маркера используется не относительное местоимение *который*, а вопросительное местоимение *что*. Тем не менее, относительное предложение вложено в именную составляющую: конструкция 1а содержит указатель-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира».

² Условные обозначения: CP – группа подчинительного союза / придаточное предложение, D – определитель, DP – группа определителя, FR – безвершинное относительное предложение, NP – группа существительного, PP – предложная группа, TP – предикативная группа / клауза, S – предложение, Spes – спецификатор (периферийная позиция в группе).

³ Источники примеров обозначены следующим образом: НКРЯ – Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>), Я – интернет-портал Яндекс (<http://www.yandex.ru>), G – интернет-портал Google (<http://www.google.ru>).

ное местоимение, возглавляющее группу определителя, DP. Эта DP проявляет все признаки именной конструкции: она демонстрирует падеж, приписываемый в главной клаузе, заполняет аргументную позицию глагола *есть* и имеет значение, свойственное именным группам (в данном примере интерпретация неоднозначна между конкретно-референтной и универсальной).

Обратимся теперь к предложению 1б. Это предложение, по-видимому, имеет то же значение, что и 1а; выделенная составляющая также выполняет функцию аргумента главного предложения. Отличие данного примера от предыдущего состоит в том, что мы не наблюдаем никаких формальных свидетельств именной природы данной составляющей. Поскольку возможный синтаксический анализ ее категориальной принадлежности представляет собой предмет дискуссии, в примере 1б и далее мы будем помечать ее как FR.

Рассмотрим сначала внутреннюю структуру безвершинного относительного предложения. Она явным образом напоминает, с одной стороны, относительные предложения без вершины-существительного (как в примерах 1а и 2а-б), с другой – частные косвенные вопросы (примеры 3а-б): в обоих случаях на левой периферии зависимого предложения находится вопросительное местоимение, а вся конструкция заполняет некоторую аргументную позицию в главной клаузе.

(2)

а. Среди сослуживцев, а тем более сверстниц, она не знала [_{DP} *никого*, [_{CP} *кто* обладал бы подобным сокровищем]]. (НКРЯ)

б. Катюшину и два ее огромных чемодана пришлось вызывать из-за решетки, запертой на ключ [_{DP} *кем-то*, [_{CP} *кого* было совершенно невозможным найти между рейсами]]. (НКРЯ)

(3)

а. Колюня не знал, [_{CP} *что* сказать]. (НКРЯ)

б. Когда я спросил, [_{CP} *кому* посвящено это четверостишие], он, по моему, смутился и ответил, что не помнит. (НКРЯ)

Тем не менее, безвершинные относительные предложения существенно отличаются от косвенных вопросов по дистрибуции: косвенные вопросы выступают актантами предикатов, имеющих семантическую валентность на вопросительную клаузу, в то время как безвершинные относительные предложения обладают дистрибуцией именных групп. Так, например, предложения 4а-б демонстрируют частный и общий косвенный вопрос при предикате *спрашивать*, имеющем семантическую валентность на содержание вопроса. При этом данная валентность не может быть выражена DP – прямым дополнением в предложении 4в. В

примере 5, напротив, предикат *есть* не имеет сентенциальной валентности, что подтверждается неграмматичностью примера 5б; его внутренний аргумент может быть выражен DP, как в примере 5в, или безвершинным относительным предложением.

(4)

- а. Я спросил, [_{CP} что она готовит].
- б. Я спросил, [_{CP} готовит ли она рассольник].
- в. *Я спросил [_{DP} рассольник].

(5)

- а. Я не могу есть [_{FR} что она готовит].
- б. *Я не могу есть, [_{CP} готовит ли она рассольник].
- в. Я не могу есть [_{DP} рассольник].

Исходя из сказанного, можно предположить, что безвершинные относительные предложения – не что иное, как DP с нулевой вершиной D, как это представлено в примере 6. Именно такой анализ предлагает Русская грамматика: «В разговорной, непринужденной речи связь между главным и придаточным предложениями очень часто осуществляется без участия местоименного повтора – в тех случаях, когда в строго нормированной письменной речи такой повтор может быть обязателен» [2, § 2927].

(6)

- а. Я не могу есть [_{DP} то, [_{CP} что она готовит]].
- б. Я не могу есть [_{DP} Ø [_{CP} что она готовит]].

Однако параллелизм структур ба-б оказывается не вполне последовательным. Дело в том, что, с одной стороны, на конструкции с безвершинными относительными предложениями накладываются дополнительные ограничения, связанные со структурным соотношением вопросительной составляющей и синтаксической позиции FR; с другой стороны, существуют такие типы FR, которым не может быть сопоставлена конструкция с выраженной именной вершиной. Рассмотрим эти свойства безвершинных относительных предложений подробнее.

Требование обязательного совпадения синтаксической категории и падежа вопросительной составляющей и той структурной позиции, которую занимает безвершинное относительное предложение, было установлено в работе Дж. Гримшо [9] и называется «условиями совпадения» (*matching conditions*). Рассмотрим действие этих условий в русском языке.

(7)

а. У избирательных же урн это деление еще более ступеневывается при вычкой голосовать [_{FR} *за кого* всегда голосовали].

б. *голосовать *за* [_{FR} *в кого* всегда верили]

в. *голосовать [_{FR} *в кого* всегда верили]

г. *голосовать [_{FR} *кому* всегда верили]

(8)

а. Я бы не приглашала [_{FR} *кого* совсем не знаю].

б. *не приглашала [_{FR} *в ком* не уверена]

в. *не приглашала [_{FR} *на кого* обижена]

г. *не приглашала [_{FR} *кому* другие не будут рады]

Условие совпадения синтаксической категории (categorical matching) можно наблюдать в примерах 7а-д и 8а-в. В примере 7а представлено грамматичное предложение, в котором требования синтаксической селекции главного предложения (управление глагола *голосовать* предложной группой с предлогом *за*) удовлетворяются предложной группой *за кого*, находящееся в позиции Spec, CP безвершинного относительного предложения. В предложении 7б предлог *за*, находящийся в составе главной клаузы, требует зависимой ИГ в винительном падеже; в безвершинном относительном предложении, однако, вопросительная составляющая представляет из себя предложную группу (*в кого*), которая не может удовлетворить селективные требования предлога *за*. Примеры 7в-г показывают, что отсутствие предлога *за* ведет к неграмматичности, независимо от того, находится ли на левой периферии безвершинного относительного предложения предложная группа, возглавляемая другим предлогом (*в кого*) или именная группа (*кому*). В целом можно заключить, что селективные ограничения предиката главного предложения на выражение актанта предложной группой могут быть удовлетворены только предложной группой с соответствующим предлогом.

Примеры 8 демонстрируют обратную ситуацию: предикат главного предложения требует выражения своего аргумента именной группой. Как видно из примеров 8а-в, только ИГ, но не, например, предложная группа в Spec, CP относительного предложения может удовлетворить данные требования.

Требование совпадения падежа (case matching) состоит в том, что безвершинное относительное предложение должно находиться в такой падежной позиции, чтобы вопросительное местоимение, находящееся в

Spes, CP, могло быть проинтерпретировано как имеющее этот падеж¹. Сравнение грамматичной конструкции 8а с неграмматичным предложением 8г показывает, что требования к падежу дополнения глагола *приглашать* должны быть удовлетворены вопросительным местоимением (OK*кого*, но **кому*) на левой периферии безвершинного относительного предложения.

Какова может быть природа требований такого типа? Опираясь на русские примеры, можно предположить, что безвершинные относительные предложения представляют из себя результат фонологического удаления (эллипсиса) указательного местоимения и предлога при условии их грамматической идентичности вопросительной составляющей в Spes, CP относительного предложения, как это представлено в примере 9. Подобное предположение подкрепляется регулярным совпадением интерпретаций безвершинных относительных предложений и относительных предложений с вершиной – указательным местоимением, а также известной зависимостью русского эллипсиса ИГ от их падежных характеристик (ср. *я таких людей не люблю и презираю их*, но **я таких людей не люблю и гнушаюсь ими*).

(9)

а. Я не могу есть [_{DP} **то**, [_{CP} *что* она готовит]].

б. *Я не могу есть [_{DP} **то**, [_{CP} *чем* она меня кормит]].

в. Он голосовал [_{PP} **за** [_{DP} **того**, [_{CP} *за кого* всегда голосовал]]].

г. *Он голосовал [_{PP} **за** [_{DP} **того**, [_{CP} *в кого* всегда верил]]].

Подобный анализ, однако, не учитывает того факта, что безвершинные относительные предложения, соблюдающие, по меньшей мере, категориальные ограничения, возможны и в таких языках, в которых относительное предложение не может, в отсутствие лексической именной вершины, быть вложено в DP, возглавляемую артиклем или указательным местоимением. В качестве примера можно привести английский язык:

(10)

а. You should return [_{FR} *what you have finished reading*] to the library.

б. *You should return [_{DP} *the/that* [_{CP} *what you have finished reading*]] to the library.

Если безвершинное относительное предложение в таких языках не вложено в именную оболочку и является CP/TP (как это предполагается, например, в работе Т.А. Афарли [3]), то совпадение синтаксической кате-

¹ В литературе часто встречается более простое определение, согласно которому падеж вопросительного местоимения и падеж, приписываемый в главном предложении, должны совпадать. Причины, побудившие нас выбрать более аккуратную формулировку, станут понятны ниже.

гории и падежа в конструкциях с безвершинными относительными предложениями можно представлять себе как наследование относительной конструкцией категориального и падежного признака той составляющей, которая находится на ее левой периферии.

Такой подход, однако, связан со сложностями теоретического характера. Несмотря на то, что распространение признаков со спецификатора некоторой группы на всю группу нередко встречается в языке за пределами безвершинных относительных конструкций (так, например, можно говорить о распространении признака вопросительности или определенности с посессора на всю DP в английском языке, о распространении признаков лица и числа подлежащего на клаузу, что проявляется в предикативном согласовании, и т.п.), применительно к безвершинным относительным предложениям такой анализ вызывает сомнения: дело в том, что такой признак, как синтаксическая категория, наследуется от вершины и не может быть изменен на основании признака какой бы то ни было составляющей, входящей в группу. Падежный признак распространяется на составляющую благодаря другому механизму (ср. «просачивание» падежа у Л. Бэбби [4]), однако источник падежа всегда находится снаружи, а не внутри получающей его составляющей.

Исходя из сказанного, следует признать, что категориальное и падежное совпадение не могут быть проанализированы как удовлетворение селективных признаков элемента главной клаузы относительным предложением, получающим категориальный и падежный признаки от составляющей в собственном спецификаторе. Соответственно, либо требования категориального и падежного совпадения удовлетворяются за счет «видимости» позиции Spec, CP относительного предложения в главной клаузе, либо безвершинное относительное предложение имеет более сложную структуру, чем относительная клауза (CP/TP) в аргументной позиции.

Различные представления о структуре безвершинных относительных предложений, предлагавшиеся в литературе начиная с 1970-х гг., так или иначе пытаются вывести требования категориального и падежного совпадения из структурной специфики данных конструкций, отличающей их от обычных относительных предложений, не демонстрирующих подобных ограничений. Впервые эта проблема ставится в статье Дж. Бреснан и Дж. Гримшо [5], которые указывают, что, наряду с предлагавшимся ранее [6; 12] анализом английских безвершинных относительных предложений как имеющих структуру обычных относительных предложений (пример 11а), следует рассмотреть альтернативную гипотезу, согласно которой

вопросительное местоимение находится вне относительного предложения, в позиции (именной) вершины (пример 11б).

(11)

a. I'll buy [_{NP} [_S *what* you are selling]].

б. I'll buy [_{NP} *what* [_S you are selling]].

Если вопросительное местоимение в действительности возглавляет группу соответствующей категории, в которую вложено относительное предложение, то категориальное и падежное соответствие вопросительной составляющей требованиям главной клаузы объясняется автоматически, как синтаксическая селекция и присваивание падежа именной группе в главной клаузе.

Статья А. Гроос и Х. ван Римсдика [10] обсуждает проблемы, с которыми сталкивается анализ Бреснан–Гримшо. Во-первых, анализ уязвим для английского языка. Действительно, если вопросительное местоимение находится в позиции вершины, то мы вынуждены признать, что придаточное предложение не содержит (и не может содержать) никаких показателей релятивизации, с которыми мы встречаемся в обычных относительных конструкциях:

(12)

a. I'll buy [_{NP} *the book* [Ø / *which* / *that* you are selling]].

б. I'll buy [_{NP} *what* [Ø / **which* / **that* you are selling]].

Позиция вопросительного местоимения вне придаточного предложения вызывает сомнения и для других языков. А. Гроос и Х. ван Римсдик приводят сильный аргумент на материале других германских языков – немецкого и нидерландского. В этих языках засвидетельствован такой процесс, как экстрапозиция придаточного определительного, расщепляющая именную группу: вершина остается *in situ*, а придаточное извлекается на правую периферию предложения, см. примеры 13а-в.

(13)

a. Der Hans hat [das Geld, das er gestohlen hat], zurückgegeben.

б. Der Hans hat [das Geld] zurückgegeben, [das er gestohlen hat].

в. *Der Hans hat zurückgegeben, [das Geld, das er gestohlen hat].

‘Ганс вернул деньги, которые он украл’.

Если анализ Бреснан–Гримшо верен, то при экстрапозиции в конструкции с безвершинным относительным предложением вопросительная составляющая останется *in situ*, а остальной материал подвергнется передвижению. Однако, как демонстрирует пример 14, экстрапонируется весь материал безвершинной относительной конструкции, и сохранение вопросительной составляющей в глагольной группе невозможно.

- (14) а. Der Hans hat [was er gestohlen hat], zurückgegeben.
 б. *Der Hans hat [was] zurückgegeben, [er gestohlen hat].
 в. Der Hans hat zurückgegeben, [was er gestohlen hat].
 ‘Ганс вернул, что украл’.

Эти и другие данные заставляют искать альтернативные подходы к объяснению феноменов категориального и падежного совпадения. Учитывая, что структура самой относительной клаузы более или менее ясна и соответствует структуре относительных клауз с указательными/кванторными вершинами, следует предположить, что в безвершинных относительных конструкциях мы имеем дело не с отсутствием вершины, но с нулевой вершиной [10; 17; 18]. Таким образом, мы возвращаемся к структуре бб, в которой условие совпадения может быть проанализировано как копирование пустой категорией – вершиной относительного предложения – признаков вопросительной составляющей, находящейся в Spes, CP [11; 13; 16]. В пользу такого анализа говорят как системные соображения (структура составляющих, синтаксическая селекция и грамматика падежа и согласования в конструкциях с безвершинными относительными предложениями оказываются частным случаем конструкций с именной вершиной), так и засвидетельствованные в ряде языков в обычных относительных конструкциях случаи согласования именной вершины и относительного местоимения по падежу (attractio casus, «притягивание падежа»).

Для русского языка, однако, подобное решение сталкивается с двумя проблемами. Во-первых, существует ряд синтаксических позиций, в которых условие совпадения может нарушаться. Это в первую очередь позиция подлежащего (примеры 15а-б), а также другие неаргументные позиции, в частности, позиции обращения с императивами и гортативами (пример 15в) и подлежащего в юссивах (примеры 15г-д)¹.

(15)

- а. Но [FR кому это нужно], может выбрать программу для записи дисков на свой компьютер в этом разделе. (Я)
 б. «[FR С чем пришел в искусство], – пишет он, – осталось для него истиной на все последующие годы». (G)

¹ Отсутствие совпадения по падежу для русского языка иногда встречается и в аргументных позициях, но подобные примеры не отличаются регулярностью и явно принадлежат разговорной речи или ее имитации:

- (i) а. Тут парень какой-то говорит: «Она не уйдет, пока не заберет за кем пришла». (Я)
 б. Глядь – пришли кого не звали. (Я)
 в. В панике пришлось бежать в туалет, вызывать бабушку, маму – всех, кого только можно, чтобы кто-нибудь принес во что переодеться... (Я)
 г. У нас приказ стрелять, кто не подчиняется (Шолохов [цит. по: 2])

в. Кому интересен женский футбол, кто в него играет или хочет им заняться, давайте общаться. (НКРЯ)

г. За кем пришли родители, пусть одеваются и выходят во двор. (Я)

д. Я своим господам и на этой хорошо готовлю, – огрызнулась Марта, – а кому не нравится, пусть везет свою! (НКРЯ)

Во-вторых, анализ условия совпадения через согласование плохо соотносится с морфологическим, а не синтаксическим характером падежного совпадения. В русском языке падежный синкретизм вопросительных местоимений объединяет номинатив и аккузатив местоимения *что* и генитив и аккузатив местоимения *кто*. Показательно, что при совпадении формы местоимений, имеющих разные значения признака синтаксического падежа, конструкции с безвершинными относительными предложениями оказываются грамматичными:

(16)

а. Дожидаюсь я сына и вижу: какой-то уголовник влез в окно в его комнату, съел, что было в тумбочке, и шарит по карманам. (Я)

б. Тогда у Падрес не было кого предложить Сокс за Миддлбрукса, а сейчас появился идеальный вариант... (Я)

Если требование падежного совпадения ориентировано не на синтаксический, а на морфологический падеж, то гипотеза о согласовании нулевой именной вершины с вопросительным местоимением по падежу требует пересмотра. Действительно, согласование всегда ориентировано на значение признака, а не на его морфологическую реализацию. Более того, согласование в конструкциях с безвершинными относительными предложениями должно происходить в рамках синтаксической деривации (поскольку именно тогда происходит лицензирование безвершинных относительных предложений в аргументной позиции), однако в этот момент обращение к морфологическому облику лексических единиц еще невозможно. Таким образом, мы вынуждены заключить, что принципы, регулирующие грамматичность безвершинных относительных предложений, являются постсинтаксическими.

Возможным решением, позволяющим имплементировать постсинтаксический характер условий совпадения, является гипотеза Х. ван Римсдика [13; 14]. Предлагается рассматривать безвершинные относительные предложения как частный случай структур с множественной доминанцией (*multidominance structures*) [7]. Множественная доминанция возникает тогда, когда некоторая составляющая находится одновременно в разных структурных позициях. Наиболее простой случай связан с передвижением: можно считать, например, что вопросительная составляющая одновременно находится и в своей базовой позиции, и в производной.

Х. ван Римсдик анализирует безвершинные относительные предложения как две структуры, общим элементом которых является вопросительная составляющая в Spec, CP относительного предложения. Такой тип объединения двух структур через общую составляющую он называет «прививкой» (grafting): главная клауза является «подвоем» (stock), зависимая – «привоем» (scion), а общий элемент – вопросительная составляющая – «мозолью» (callus). Формы «мозоли» определяются независимо в главном и придаточном предложении, и для грамматичности структуры требуется их полное совпадение. Схема графтинга для предложения 17а приводится в 17б.

- (17) а. John ate what Mary cooked.
 б. [TP John [VP ate [DP what_i]]]
 [CP what_i [TP Mary cooked t_i]]

Структуры с графтингом позволяют анализировать не только простые безвершинные относительные предложения, но и так называемые множественные (multiple FRs), содержащее два или более вопросительных местоимений [1; 8; 15]. Действительно, для примеров 18а из болгарского языка и 18б-в из русского языка невозможно определить синтаксическую категорию и падеж безвершинного относительного предложения на основании формы вопросительного местоимения, поскольку их более одного. При этом оказывается, что требования категориального и падежного совпадения действуют и для множественных безвершинных относительных предложений. Таким образом, вопросительные составляющие в придаточном заполняют отдельные аргументные или адъюнктные позиции в главном предложении, что совместимо с анализом через графтинг, но не с традиционным анализом.

- (18) а. Иван pozdravjava [FR **kâdeto** **kogoto** vidi].
 Иван приветствует где кого видит

‘Иван приветствует кого где встречается’ [8, пример 10а]

б. Живем себе, точно воробышки в стрехе. [FR **Где что** нашли], клонули, где прислонились – уснули. (Я)

в. Хорошо зная увлечения и потребности своих родственников, можно попасть точно в цель и подарить [FR **кому что** нужно], кому-то ноутбук, кому-то теплый зимний свитер. (Я)

Существенным недостатком графтинга, однако, является его неспособность объяснить случаи нарушения условий категориального и падежного совпадения, например, те, которые связаны с неаргументными позициями. Таким образом, безвершинные относительные предложения в

русском языке не могут быть проанализированы в рамках единого подхода. Возможно, что конструкции, подчиняющиеся условию совпадения, и конструкции, в которых оно нарушается, не образуют естественного класса и являются различными феноменами, требующими отдельных аналитических подходов.

Библиографический список

1. Лютикова Е.А. Загадки русских относительных предложений. Материалы лекции, прочитанной на конф. молодых исследователей «Синтаксические структуры – 2», Москва, 2008. URL: http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/syntax/Zagadki_Lyutikova_2008.pdf (дата обращения: 23.08.2014).
2. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
3. Áfarli T.A. A promotion analysis of restrictive relative clauses // *The Linguistic Review*. 1994. Vol. 11. P. 87–100.
4. Babby L.H. Case, Prequantifiers, and Discontinuous Agreement in Russian // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1987. Vol. 5. P. 91–138.
5. Bresnan J., Grimshaw J. The Syntax of Free Relatives in English // *Linguistic Inquiry*. 1978. Vol. 9 (3). P. 331–391.
6. Chomsky N. Conditions on transformations // *A festschrift for Morris Halle / S. Anderson and P. Kiparsky (eds.)*. NY, 1973. P. 232–286.
7. Citko B. Multidominance // *The Oxford handbook of linguistic minimalism / Boeckx C. (ed.)*. Oxford, 2011. Chapter 6.
8. Dimova E. A New Look at Multiple Free Relatives: Evidence from Bulgarian. SLS9, University of Washington, Seattle, 14–19 Sept 2014. URL: https://www.academia.edu/8671059/A_New_Look_at_Multiple_Free_Relatives_Evidence_from_Bulgarian (дата обращения: 01.06.2015).
9. Grimshaw J. English wh-constructions and the theory of grammar. Doctoral dissertation. University of Massachusetts at Amherst, Massachusetts, 1977.
10. Groos A., van Riemsdijk H. Matching Effects with Free Relatives: A Parameter of Core Grammar // *Theory of Markedness in Generative Grammar: Proceedings of the 1979 GLOW Conference / A. Belletti, L. Brandi and L. Rizzi (eds.)*. Pisa, 1981. P. 171–216.
11. Grosu A. Three Studies in Locality and Case. London, 1994.
12. Kuroda S-Y. English Relativization and Certain Related Problems // *Language*. 1968. Vol. 44. P. 244–266.
13. Riemsdijk, van H.C. Free Relatives Inside Out: Transparent Free Relatives as Grafts // *PASE Papers in Language Studies – Proceedings of the 8th Annual Conference of the Polish Association for the Study of English / B. Rozwadowska (ed.)*. Wrocław, 2000. P. 223–233.
14. Riemsdijk, van H.C. Free Relatives // *The Blackwell Companion to Syntax / M. Everaert and H. van Riemsdijk (eds.)*. Vol. II. Oxford, 2006. P. 338–382.
15. Rudin C. Multiple Wh Relatives in Slavic // *Proceedings of FASL. The Toronto meeting / R. Compton, M. Goledzinowska, and U. Savchenko (eds.)*. Michigan, 2007. P. 282–307.

16. Suñer M. Free relatives and the matching parameter // *The Linguistic Review*. 1984. Vol. 3. P. 363–387.
17. Vries, de M. *The Syntax of Relativization*. Doctoral dissertation, University of Amsterdam. Utrecht, 2002.
18. Wilder C. Transparent free relatives // *ZAS Papers in Linguistics*. 1998. Vol. 10. P. 191–199.

О.О. Петрова

Культурно-идеологическая семантика в религиозном дискурсе в толковых словарях русского языка XIX–XXI вв.

Данное исследование посвящено рассмотрению толкований лексики религиозного дискурса, содержащей культурно-идеологическую семантику, а также сравнительно-сопоставительному анализу их репрезентации в толковых словарях разных периодов (XIX–XXI вв.). Основными источниками послужили такие лексикографические издания, как «Словарь церковнославянского и русского языка», составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук 1847 г., «Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова 1935–1940 гг.», «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под редакцией Н.Ю. Шведовой 2011 г.

Ключевые слова: культурно-идеологическая семантика, религиозный дискурс, религиознимы, показатели дискурсивной ограниченности, оценочные характеристики, модальные частицы сомнения.

Структура лексикона словаря всегда отражает как официальную, так и обыденную, массовую, идеологию общества. Статусная иерархия была и остается в религиозном дискурсе, где выделяют три степени священства: *епископы, пресвитеры, диаконы*. Во всех словарях религиозная социально-статусная лексика изоморфна лексике светской (*высокопревосходительство – высокопреосвященство, черный люд – черное монашество, царь небесный – царь земной* и под.).

Словарь 1847 г. (далее СЦРЯ) – это словарь церковнославянского и русского языков. Как отмечают составители словаря, «... в древней Руси

две стороны народного быта, духовная и вещественная, изображались различно: первая – языком Церковно-Славянским с Славяно-Русским наречием, вторая – Русским; первые два вида были священными, последний – общественным, житейским...» [5, Предисловие, с. III]. В словаре 114 749 слов.

По наблюдениям А.М. Четыриной, в СЦРЯ «содержится более 3100 лексических единиц (лексем, отдельных ЛСВ, “особых выражений”), репрезентирующих православную картину мира» [8, с. 507].

Толкования православных религионимов в СЦРЯ даны в фактологическом ключе: «в отличие от толковых словарей русского языка советского времени, дефиниции православных религионимов в Словаре 1847 г. не сопровождаются семантическими ограничителями типа “по религиозным верованиям”, “у верующих” и т.п. То, что связано с Богом, являлось для русского человека первой половины XIX века безусловно истинным» [Там же, с. 508].

Здесь же автор пишет о «дидактической направленности» толкований православных религионимов [Там же, с. 510].

Соглашаясь во многом с А.М. Четыриной, заметим, что, действительно, обилие православных религионимов, нередкая их визуальная ориентированность на антропоморфность божественных объектов и явлений делало средневекового русского простолюдина носителем религиозной картины мира как второй реальности. Ср. СЦРЯ: *Ангел, ангеловидно, ангеловидный, ангелозрачный, ангелоименный, ангелолепный, ангеломудрый, ангелоначальный, ангелонравный, ангелобразный, ангелоподобный, ангелоподражаемый, ангелочек, ангелов, ангельский*.

Однако не все и не всегда в начале и середине XIX в. считали безусловно истинными религиозные понятия. В том же словаре уже отмечаются лексемы *атеист, безбожие* и подобные.

Толковые словари обнаруживают следующую динамику словарных статей религионимов: в СЦРЯ значения подаются в фактологическом ключе (при большом числе религиозных понятий), этические оценки в них абсолютные: *добро – зло, добронравие – злонравие, праведность – греховность, всенепорочный – всеlestный...* и т.п.

В СЦРЯ слов, включающих корень *бог*, около 400. Само слово *Бог* многозначно и нередко входит в состав устойчивых выражений.

«*Бог*. 1. ‘Предвечное и всемогущее, совершеннейшее существо, все создавшее и о всем промысляющее’. 2. ‘Ложное языческое существо’. *Слава Богу!* (благодарственное восклицание), *Бог весть*. *Бог знает* (означает изъяснение недоумения или сомнения), *ей Богу*. *Видит Бог* (род божбы), *Бог подаст* (отказ просящему милостыню), *Бог посетил* (гово-

рится в случае посетившего несчастья), *Бог в помощь. Бог на помощь* (приветствие трудящемуся), *Бог с тобой* (пожелание счастливого пути или прощение обидчику, или сомнение с правдивости сообщаемого. *Дай Бог, Дай Боже* (пожелание удачи), *Ради Бога* (просьба о помощи), *С богом* (пожелание удачи), *Чем Бог послал* (угощаю тем, что есть)» [5].

В СЦРЯ заявлены однополярные категоричные идеологические доминанты: *православие – атеизм*.

Названия других религий, носителей этих религий, Священных книг, имена верховных богов в СЦРЯ часто отсутствуют, хотя в русских словарях предшествующего периода отмечались некоторые рассматриваемые лексемы: *протестант* (1782 г.), *Коран* (1773 г.) и подобные. Однако данная тенденция прослеживается непоследовательно. Места отправления нехристианского религиозного культа в СЦРЯ частично обозначены: зафиксированы слова *мечеть, синагога, минарет*.

Мечеть. ‘Магометанский молитвенный храм’.

Синагога. ‘Дом, куда Евреи собираются для молитвы и для слушания ветхозаветных книг’.

Минарет. ‘У турок: башня при мечети, с которой протяжным голосом призывают на молитву’.

В СЦРЯ отмечено слово *чалма*, но нет лексемы *чадра*. Зафиксирована лексема *капеллан* ‘священник при домашней Римско-Католической церкви’. Слова же *капелла*, как отмечено ранее, нет.

Современная языковая картина в отношении к другим религиям выглядит иначе. В.Н. Шапошников отмечает в современном русском языке, «кроме широкого употребления православной лексики, использование в повседневном обиходе терминологии иных религий: мусульманства (*мечеть, рамазан*), индуизма (*Кришна, гуру*), иудаизма (*синагога, ханука*), некоторых других... Слышна терминология сект, причем порою довольно широко. Распространилось слово *конфессия*» [9, с. 106].

Сопоставление толкований слова *богословие* в разных словарях обнаруживает, что в СЦРЯ не отмечены другие религии, кроме православия, а в словаре под ред. Н.Ю. Шведовой (далее ТСШ) [7] нет привязанности к конкретной, определенной религии.

СЦРЯ: «*Богословие*. 1. ‘Учение о Боге’. 2. ‘Стар. Особенная форма, по которой в начале Царских грамот призывалась Святая Троица’» [5].

ТСШ: «*Богословие*. ‘Совокупность доктрин какой-н. религии, религиозное учение’. *Христианское (православное, католическое, протестантское) богословие*» [7].

Отсутствие названий других религий, носителей этих религий, Священных книг, имен верховных богов в СЦРЯ могло служить основой неприязни к иной вере.

СЦРЯ не избегает семантических ограничений, негативных оценочных характеристик в отношении к язычеству и народной мифологии. Эти оценки могут содержаться и в иллюстрациях.

СЦРЯ: «*Идол*. 1. 'Изваяние ложного божества; кумир. – Многие непросвещенные народы поклоняются *идолам*'.

Бог. 2. 'Ложное божество языческое'. – У язычников было много *богов*.

Язычник. 'Не знающий истинного Бога, идолопоклонник'. – *Язычники* досель обращаются в *Христианство*.

Чародеяние. 'То же, что чародейство'. – Дела плоти известны... прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, *чародеяние*... (Галатам. V. 19 и 20)» [5].

В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова (далее ТСУ) [6] сокращается число религионимов: словообразовательное гнездо с корнем *бог* составляет всего около 50 слов. Толкования включают не только семантические ограничители дискурсивной отнесенности (*по религиозным верованиям, у верующих, в религии*), но и оценочные характеристики, как правило, негативные.

В ТСУ в семантической структуре лексического значения Н.А. Купина отмечает так называемые «семы подделки», «семы враждебности» [3, с. 22, 28].

Ю.Н. Михайлова, рассматривая толкования религионимов в советском словаре под ред. С.И. Ожегова 1953 г., пишет: «...отрицательная оценка... передавалась при помощи группы идеологических маркеров (*дурман, культ, миф, суеверный, схоластический, пережиток, религиозные предрассудки*), которые использовались как идеологические ярлыки и способствовали маргинализации религиозной лексики в советский период развития русского языка. Эти добавки отражали наличие идеологического прагматического компонента в лексическом значении религионима» [4, с. 13]. Все перечисленные оценочные характеристики можно найти и в ТСУ.

«Значительная часть толкований религионимов сопровождается сигналами субъективной модальности. Соответствующие денотаты оцениваются с позиции достоверности/недостоверности его существования. В толкования регулярно включаются метаязыковые сигналы, объединенные модальным значением 'сомнение в достоверности существования объекта': частицы *якобы, как бы, будто бы*, несвободные сочетания *так называемый*... Таким образом, вся дефиниция (как целостное высказыва-

ние), включающая любой из этих показателей, приобретает модальность недостоверности. Цель приписывания такой модальности дефинициям православных религионимов состоит в том, чтобы навязать пользователю словаря атеистическое мировосприятие...» [Там же].

ТСУ: «*Бог* [бох]. 'По религиозным верованиям – верховное существо, стоящее будто бы над миром или управляющее им'. – Идеей *бога* пользуются господствующие классы как орудием угнетения трудящихся масс. *Бог* есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом, – идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу. (Ленин).

Со словом *бог* в разговорной речи сохранилось много ходячих выражений, в которых это слово уже потеряло свой смысл и которые употребляются в качестве вводных слов, наречий, присловий, частиц и т. п. *Бог* знает, *бог* весть (устар.), слова *богу*, как *бог* на душу положит» [6].

Помета дискурсивной отнесенности «по религиозным верованиям», сопровождающая дефиницию в советском словаре, указывает на дискурсивное ограничение употребления, а сигнал субъективной модальности недостоверности, выраженный частицей *будто бы*, указывает на относительность воззрения, свидетельствует об отсутствии абсолютной, безусловной истинности, подвергает сомнению существование Бога вообще.

ТСУ: «*Христос*. '[Х прописное]. Название мифического лица, Иисуса, культ которого лежит в основе христианской религии'. – *Христа ради*: 1) букв. «во имя Христа», возглас, которым нищие просили милостыню, 2) употр. при усиленной просьбе в знач. *Христа ради* – «пожалуйста» (устар.). *Христа славить* – устар. (ходить по домам на рождестве с пением церковных песен). *Христос с ним* (с ней, ними; разг. фам. устар.) в знач. «пусть». *Христос с тобой* (разг., устар.) (выражение удивления по поводу слов, или поступка собеседника...)» [Там же]. В толковании значения показателем оценочной характеристики являются следующие семы: *мифическое лицо, культ*.

ТСУ: «*Соборование*. '(Церк.). Одно из семи *т. наз.* таинств православной церкви – помазание тела больных или умирающих, то же, что елосвящение'» [6]. В качестве сигнала дискурсивного ограничения дана помета «*т. наз.*», ставящая под сомнение таинства православной церкви.

ТСУ: «*Пасха*. 2. 'Христианский праздник, посвященный *т. наз.* воскресению Христа'. *Церковник*. 2. 'Лицо, сохранившее церковные предрассудки и поддерживающее церковь'» [Там же]. Оценочной характеристикой является семантическая составляющая *предрассудки*.

ТСУ: «*Крещеный*. 1. 'Подвергшийся обряду крещения'» [7].

Подобные значения Ю.Н. Михайлова определяет как «каузативные». «Согласно официальной идеологии, проповедующей атеизм, добровольное принятие и участие в религиозных обрядах было невозможным... значение представлено как каузативное. Субъект обрядового действия испытывает внешнее воздействие, а не добровольно участвует в религиозном таинстве» [4, с. 15].

Ср: ТСШ: «*Крещеный*. 1. 'Принявший обряд крещения'». В более позднем словаре из толкования исключается сема «принуждения».

Также в ТСУ приводится второе значение слова *крещеный*: 2. 'В знач. сущ. крещеный. Христианин (прост. устар.)'.

Пометы «устар.», «дореволюц.» отражают историко-культурную составляющую прагматического компонента. С помощью подобных показателей, по мнению Ю.Н. Михайловой, «насаждалось восприятие соответствующих слов как принадлежащих к пассивному запасу языка» [4, с. 15]. «Религиозная константа как компонент идеологии вытесняется ТСУ с помощью помет типа “устар., дореволюц. ”, а также идеологических добавок “антинародная ”, “не проверенная данными науки ”» [3, с. 28].

Анализируя количественные и качественные изменения, произошедшие в классе православных религионимов на рубеже XIX–XX вв., Ю.Н. Михайлова на примере толкового словаря под редакцией С.И. Ожегова 1953 г. отмечает полное искоренение из словарей советского периода и соответственно из самого языка устойчивых формул, включающих лексемы *Бог, Христос, Господь (ради Бога, Христа ради, дай Бог, Бог с тобой, Господь с тобой, слава тебе Господи* и т. п.). Она отмечает: «Устойчивые формулы, выполняющие фатическую функцию в речевой коммуникации, позволяют выделить коннотативные признаки положительной оценки, присущие слову *господь*. Исключение подобных устойчивых единиц в СО (словаре под ред. С.И. Ожегова) есть способ “изгнания” религиозной лексики из языка повседневности» [4, с. 12].

В данном случае позиция исследователя слишком категорична. Нельзя утверждать, что подобные выражения полностью исчезли из языка советского времени, т.к. они зафиксированы в ТСУ, Словаре современного русского литературного языка 1950–65 гг., хотя многие из них даются как устаревшие.

Многие исследователи (В.Н. Шапошников, В.Г. Костомаров, Ю.Н. Михайлова и др.) пишут об актуализации нейтральной подачи профессиональной лексики и идиоматики в постсоветский период. «Нормой сейчас стала нейтральное употребление многих слов и выражений, которые в советскую эпоху имели насмешливо-иронический оттенок: *правед-*

ник, праведный, вечная память, почить в бозе, как на духу и подобные» [2, с. 159].

Исследователь фиксирует возвращение, восстановление лексики старославянского происхождения, которую зачисляли в религиозную: *благорасположенность, благотворитель, вопрошать, глашатай, гордыня, деяние, державный, духовный, жертвенный, инакомыслие, ратный, стезя, супостат*... [Там же, с. 160].

ТСШ: «Бог [в нормативном произношении в формах ед.ч. на месте «г» – напряженный придыхательный согласный, средний между «г» и «х»]. 1. 'В религии: верховное всемогущее существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ'. 2. '(Б прописное). В христианстве: триединое существо, творец и всеобщее мировое начало'. - *Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой*. 3. 'Перен. Предмет поклонений, обожания (устар. книжн.)'. 4. 'Гений, необыкновенный талант'. 5. 'Перен. То, что главенствует, определяет собою что-н., является содержательным центром (высок.)'» [7].

В ТСШ снимаются оценочные характеристики, но дается указание на дискурсивные ограничения использования лексемы (в толкование включаются дискурсивные показатели: *в религии, в христианстве, в православии* и т.п.). Ю.Н. Михайлова называет подобные пометы «информативно-комментирующим фрагментом, указывающего на конфессиональную принадлежность» [4, с. 12].

Расширяется информативная составляющая, которая в ТСУ сокращалась, вплоть до недостаточной информативности.

Ср.: СЦРЯ: «*Заутреня*. 'Церковная служба, совершаемая утром прежде обедни'. – Идти к *заутрене*.» [5].

ТСУ: «*Заутреня*. 'Церк. Одна из церковных служб у православных христиан'. – Звонят к *заутрене*.» [7]. Толкование недостаточно информативно.

ТСШ: «*Заутреня*. 'Ранняя (на рассвете, до обедни) церковная служба у православных'». Информативная составляющая расширилась, как в СЦРЯ, но добавился дискурсивный показатель «у православных».

В ТСШ возвращено написание с прописной буквы многих религионимов (*Творец, Спаситель, Богородица, Божий, Его святая воля*...).

В ТСУ, а также в других поздних словарях у религионимов появляются вторичные значения, разрушающие сакральный статус первичных, что для СЦРЯ было недопустимым (в пределах семантической структуры слова или в границах словообразовательного гнезда формируются значения, относящиеся к разным дискурсивным практикам: в сознании чело-

века отмечается интерференция этих различных, часто противоположных по идеологии, смыслов).

ТСУ: «*Грех*. ‘Перен. Предосудительный поступок, преступление’. – В наши горячие дни замедление темпов – тяжелый грех пред делом социализма. «Известия», 1931 г., № 97.

Иисусик. ‘Разг., фам. Человек, прикидывающийся невинным, кротким’» [6]. Данное вторичное оценочное значение зафиксировано и в ТСШ.

ТСУ: «*Безбожник*. 2. ‘|| Член антирелигиозного общества; лицо, ведущее антирелигиозную пропаганду (нов.)’. 3. ‘Употреблялось как укоризненное бранное слово в значении дурной, озорной человек (устар.)’.

Религия. ‘Взгляды и представления, основанные на мистике, на вере в чудодейственные силы и существа’.

Церковник. 1. ‘То же, что церковнослужитель’. 2. ‘Лицо, сохранившее религиозные предрассудки и поддерживающее церковь’. 3. ‘У старообрядцев-беспоповцев – православный (устар.)’.

Святоша. 2. ‘Лицемер, притворяющийся праведником, ханжа (презрит.)’.

Рай. 3. ‘Перен. Об очень хороших условиях жизни, о покойной, счастливой жизненной обстановке (разг.)’. – Кабы не было блох да станových, что бы это за *рай*, а не жизнь была. (Салтыков-Щедрин)» [6].

Иногда религиозные значения уходят на второй план, основными становятся вторичные. «Знаменательно распределение значений внутри семантической структуры слова *создатель*: основное значение его связывается не с Богом, а с именем Ленина. Именно Ленин в новой идеологической религии должен восприниматься как «создатель». Значение же «Бог, творец мира» толкуется как вторичное и устаревшее: *Создатель*. 1. ‘Тот, кто создал что-н’. – *Создатель* учения. *Создатель* теории. 21 января 1924 г. в Горках, под Москвой, умер наш вождь и учитель, *создатель* большевистской партии Ленин. Истор. ВКП (б). 2. ‘Бог как творец мира (книжн. устар. религ.)’» [3, с. 29].

Наличие вторичных значений, разрушающих сакральный статус первичных, наблюдается и в других словарях.

ТСШ: «*Ипостась*. 1. ‘Один из ликов триединого божества Троицы (книжн.)’. 2. ‘ В некоторых сочетаниях: проявление чьей-нибудь сущности, а также (обычно ирон.) чья-нибудь роль, качество’. – Странная, неожиданная *ипостась* кого-нибудь. – В своей обычной *ипостаси* кто-нибудь. – Фашизм в любой его *ипостаси*. – Журналист в *ипостаси* адвоката» [7].

Иногда вторичные значения вытесняют прямые, и те могут в целом утрачиваться. Например, в ТСУ полностью отсутствует религиозное значение слова *проклятие*.

ТСУ: «*Проклятие*. 1. ‘Выражение кому-н. безусловного и бесповоротного осуждения, знаменующего полный разрыв, отторжение (от себя, от общества; книжн.)’. – Да падет *проклятьем* это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая накликала это гонение... – *Проклятьем* вам, *проклятьем*, и, если возможно, месть. Герцен (о царском правительстве, осудившем Чернышевского на каторгу). – Предать кого-н. *проклятию*. 2. Негодующее бранное слово. – Осыпать *проклятиями*. При громе плесков иль *проклятий*. Пушкин. – Со скрежетом сына носила и с *проклятьем* его родила. Некрасов. 3. Употр. в знач. междометия, выражающего сильное негодование» [6].

ТСШ: «*Проклятие*. 1. ‘Официальное отлучение от церкви, анафема’» [6].

Таким образом, данные рассмотренных толковых словарей XIX–XXI вв. свидетельствуют о том, что под влиянием господствующих в обществе идеологий религиозный дискурс претерпевает значительные изменения. Это касается и качественных, и количественных характеристик проанализированных религионимов.

Библиографический список

1. Словарь современного русского литературного языка. 1-е изд. М.–Л., 1950–1965. Т. 1–17.
2. Костомаров В.Г. Русский язык в советском обществе и современном мире // Русский язык в школе. 1977. № 3. С. 25–28.
3. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург–Пермь, 1995.
4. Михайлова Ю.Н. Религиозная православная лексика и ее судьба: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
5. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. 1–4.
6. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1935–1940.
7. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2011.
8. Четырина А.М. Лексикографическое представление фрагмента языковой картины мира: православная лексика в «Словаре Церковнославянского и русского языка» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. С. 507–510.
9. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.

Е.И. Тузова

Способы представления будущего и прошедшего времени в предвыборных программах кандидатов на пост мэра Лондона и Москвы

Автор, сопоставляя тексты тематически совпадающих разделов предвыборных программ кандидатов на пост мэра Лондона и Москвы, приписывает концептуальное значение использованию будущего и прошедшего времени. Применяя метод сравнения, автор статьи выводит содержательно-значимые способы представления данных времен, позволяющих создать положительный образ кандидата в общественном сознании. В результате данного сопоставления нам удалось выявить, что успешность политика напрямую зависит от грамотной презентации предвыборной программы. Использование определенной грамматической структуры высказывания способно вызвать или позитивные, или негативные ассоциации, а их сочетание часто приводит аудиторию к нужному ракурсу восприятия информации.

Ключевые слова: содержательно-значимые способы представления содержания, предельная актуализация будущего времени, способы установления денотата, принцип субъектности/бессубъектности, композиционное решение разделов избирательных программ, соположение грамматики названий разделов избирательных программ.

Основная задача политика во время предвыборной компании – привлечь на свою сторону. Взяв для сопоставления предвыборные выступления будущего мэра Москвы (С. Собянина) и будущего мэра Лондона (Б. Джонсона), мы постараемся оценить те ценностные различия или совпадения, которые вне этого сравнения оказались бы невидимыми.

Результаты этого сравнения должны обладать высокой степенью достоверности, поскольку есть существенные точки пересечения: выборы проходили в близкое время (в Лондоне – в мае 2012 г., в Москве – в сентябре 2013 г.); столичные города Лондон и Москва сопоставимы по численности населения: в Лондоне проживает примерно 8,6 млн человек (по данным переписи 2011 г.), в Москве – примерно 12 млн человек (по данным Росстата 2013 г.); Москва позиционирует себя как город европейский, а Россия позиционирует себя как государство демократическое.

Нам интересно, совпадают ли модели воздействия, доказавшие свою результативность в России, с моделями воздействия, используемыми в Великобритании.

Предвыборная программа – это одна из основных составляющих предвыборной кампании, которая содержит положения, объективно необходимые для развития города. Скажем, не может быть такого кандидата в любом крупном городе, будь то Лондон или Москва, который не обратится к решению транспортной проблемы или проблемы безопасности. Но программы не могут и не различаться, поскольку политическая задача претендента состоит в том, чтобы избрали именно его, а не другого, точно также осознающего объективные недостатки развития города.

В этой сугубо политической, а значит, нацеленной на получение и сохранение власти, направленности программы в наибольшей степени проявляется необходимость манипуляции общественным сознанием, которая вызывает огромный интерес со стороны ученых.

В исследованиях Л. де Соссюра манипуляция трактуется как «использование приема или стратегии, без которых говорящий не смог бы изменить мнение и поведение адресата сообщения» [11, с. 117]. Выделяются два типа манипулятивной стратегии: локальная (способ подавления естественных способностей обработки высказывания) и глобальная (создание благоприятных социальных или психологических условий для слушателя, с целью получения необоснованного согласия с говорящим) [Там же, с. 126].

В дискурсивном анализе Т.А. ван Дейка под манипуляцией понимается злоупотребление властью, в результате которого слушателя заставляют быть «доверчивым», он воспринимается как «жертва», не имеющая возможности противостоять взглядам говорящего. Одновременно с этим слушатель способен совершать действия, которые в других ситуациях совершить бы не смог. Осуществление подобной манипуляции возможно через использование «контекстуального принуждения», а именно: акцент на авторитет, моральное превосходство говорящего, власть, высокое положение, отсутствие необходимых знаний у слушателя, актуализация фундаментальных норм, ценностей и идеологий, воззвание к сильным эмоциям [6, с. 376].

В свете такой постановки вопроса *надо отличать объективно-обязательную составляющую программы от ее манипулятивной части.* Именно поэтому смысловое наполнение программ становится особенно значимым.

Любая предвыборная программа содержит положения, связанные с планами на будущее, поэтому присутствие будущего времени в программах кандидатов на пост мэра Лондона и Москвы очевидно. Прошедшее время может присутствовать в предвыборной программе, если речь идет о кандидатах, которые уже переизбились или временно исполняли обязанности. Однако будущее и прошедшее время – это не просто объективно-обязательная составляющая предвыборной программы, использование определенных способов представления этих времен может носить манипулятивный характер. Именно поэтому сопоставление прошлого и будущего времени в программах кандидатов на пост мэра является особенно значимым.

Однако целое с целым сравнить невозможно, т.к. предвыборные программы отличаются не только по объему, но и по наполнению, поэтому сопоставление мы будем проводить на основе тематически совпадающих разделов предвыборных программ Б. Джонсона и С. Собянина, связанных с транспортной проблемой и проблемой безопасности.

Способы актуализации будущего времени

Для того чтобы сравнение реконструированных моделей было достоверным, необходимо соотносить не только совпадение/несовпадение содержания разделов, но и «способы представления содержания, которые не могут не оказаться содержательно-значимыми» [2, с. 190].

На противопоставление субстанции и действия глагола накладывается и сопоставление по разной степени выраженности субъекта. Без установления принципов соотношения формы и содержания выводы не будут полноценными.

Будущее время не может не присутствовать в обеих программах, поскольку речь идет не только о планах на будущее, его обещаниях, но и о программе дальнейших действий кандидата в случае его победы на выборах. В соответствии с этой логикой в программе Б. Джонсона грамматическое будущее предельно актуализируется в глагольных формах, выводится на первый план, выделяется композиционно. Более того, актуализируется не только будущее время, но и субъект действия, автор программы, в предельно личной форме *I will*, с которой начинается каждый раздел предвыборной программы. В разделе, посвященном транспортной проблеме, работает и прием композиционного выделения – *I will* выделяется шрифтом и «выносится» из текста в отдельную строку (рис. 1).

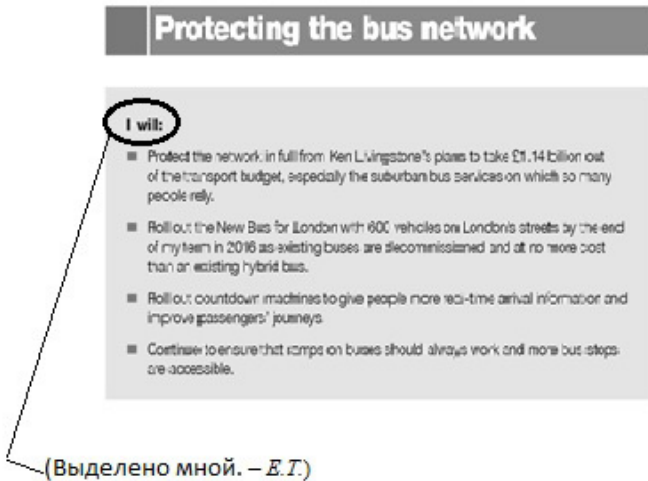

Рис. 1. Прием композиционного выделения структуры *I will* в оригинале программы Б. Джонсона

Такое композиционное решение приписывает значение субъекта форме, которая вне этой композиции понималась бы как бессубъектная *Protecting the bus network*, – речь идет об *ing*-й форме названия данного раздела. «Protecting the bus network» в заглавии соединяется с последующим названием «*I will protect*».

Именно соположение грамматики названия данного раздела и организации дальнейшего текста при совпадении лексического решения *protecting – I will protect* позволяет вывести субъект на первый план, даже если этот объект не назывался.

Будущее время с выраженным субъектом 1 лица единственного числа будет многократно возобновляться и внутри раздела:

I will expand the New Bus across London with 600 new buses operating on the streets by the end of my second term as Mayor;

I will do this in a cost effective way, by replacing existing buses as they are decommissioned with the New Bus;

I will also ensure that each New Bus does not cost more to put on the streets than an existing hybrid bus;

I will continue to invest in the bus network, and guarantee bus services are maintained at their existing level.

В программе С. Собянина планы на будущее выражаются бессубъектными конструкциями (согласуемый пассив, имперсонал, неопределенно-личные/конструкции с нулевым подлежащим, активные конструкции с ненулевым подлежащим), которые могут быть представлены грамматически личными и безличными формами, но установление действительного производителя действия вызывает существенное затруднение:

Движение по дорогам города станет свободнее (кто это сделает?) даже с учетом роста числа автомобилей, принадлежащих москвичам;

В 2013 году будет проложено (кто проложит?) еще 14 км линий метро, в том числе ветка в Жулебино;

Всего к 2020 году планируется построить (кто построит?) 160 км новых линий и открыть 79 новых станций метрополитена;

Будет построен (кто построит?) 3-й пересадочный контур;

Станции метро в шаговой доступности от дома получат (кто их построит?) 2 млн. москвичей, проживающих в настоящее время вне зоны обслуживания подземного транспорта;

В рамках программы запланировано построить (кто запланировал?) 240 км дополнительных путей на основных железнодорожных направлениях: Ярославском, Горьковском, Курском, Смоленском, Казанском, Савеловском, Ленинградском, Киевском и Павелецком.

Принцип бессубъектности в программе С. Собянина (в будущем времени) нарушается всего несколько раз. Такое нарушение не может не быть значимым.

Использование личных местоимений как способ установления денотата

Русский язык располагает более широкими возможностями для опущения личных местоимений, чем английский. Английский язык, в свою очередь, является классическим языком non-pro-drop, а русский язык, во всяком случае, не является языком non-pro-drop в чистом виде.

В русском письменном дискурсе употребление личных местоимений 1-го и 2-го лица значительно менее распространено, чем в английском, что для академических текстов было показано в известной работе J. Nichols [8]. Однако в данном виде текстов (предвыборных политически текстов) наличие или отсутствие личных местоимений, способы их употребления могут оказаться особенно значимыми.

Личное местоимение *я* в лондонской модели связывается с такими сказуемыми, как «буду сокращать задержки поездов» (*I will cut delays on the Tube*), «буду увеличивать количество автобусов» (*I will expand the New*

Bus), «буду производить устройства» (*I will roll out countdown machines*), «буду улучшать качество перевозки» (*I will improve passengers' journeys*), «буду укреплять правила» (*I will strengthen the existing behavior code*), «буду воздействовать на правительство» (*I will lobby the government*), «буду гарантировать действие» (*I will guarantee concessionary fares*), «буду лично контролировать планы по обеспечению безопасности» (*Personally oversee plans to deliver a safe and secure 2012 Olympic Games*), выражающие обязательство выполнения планов, заявленных кандидатом на пост мэра Лондона в предвыборной программе.

В московской модели личное местоимение *я* используется только в разделе «Безопасный город: эффективная миграционная политика». Местоимение 1-го лица единственного числа связывается в большинстве случаев с отглагольными существительными, значение которых сводится к запрету как ограничению свободы действия других людей, в данном случае – мигрантов (таблица 1).

При такой подаче с большой степенью вероятности мы можем допустить, что люди, писавшие эту программу, предполагали, что образ С. Собянина будет воспринят как положительный, если местоимение 1-го лица единственного числа будет связано с *запретом, выдворением, закрытием*.

В таблице 1 представлен ближайший контекст личного местоимения 1-го лица единственного числа в разделах предвыборных программ Б. Джонсона и С. Собянина, связанных с транспортной проблемой и проблемой безопасности.

Однако мы не можем не обратить внимания на то, что высказывания политиков о планах на будущее есть не что иное, как обещания. В русле данного вопроса необходимо учесть и общие принципы функционирования «перформативов», описанных в теории речевых актов Дж. Остином. В основе этой теории лежат высказывания двух типов: *перформативные*, обозначающие не просто произнесение слов, а произнесение с последующим совершением действия, и *конструктивные*, выполняющие функцию описания окружающей действительности [3, с. 332].

Перформативные же высказывания в свою очередь он делит на *эксплицитные* перформативные высказывания и *имплицитные*. Эксплицитные перформативные высказывания включают в себя высказывания, способные адекватно выразить интенциональное содержание. Имплицитные высказывания не выражают в полной мере свое целевое назначение, т.к. перформативный глагол в их структуре опущен.

Таблица 1

Б. Джонсон	С. Собянин
I will	Я буду
<p><i>I will seek a fresh mandate («я добьюсь разрешения») from Londoners at this election to argue our case for a minimum turnout rule which will prevent irresponsible union leaders calling strikes with a minority of supporters, disrupting hard-working Londoners and undermining the capital's economy;</i></p> <p><i>«I will ensure Crossrail stays on track («я гарантирую продолжение работы пригородного сообщения»), on time and on budget, bringing 1.5 million people within 45 minutes commute of the existing major employment centers of the West End, the City and Canary Wharf»;</i></p> <p><i>I will protect investment in transport infrastructure («Я буду отстаивать вложения в транспортную инфраструктуру») to complete the upgrade of the Northern line and maintain momentum in delivering the upgrade of the Circle, Metropolitan, District and Hammersmith and City lines to support London's economy and transform the network. I will not cut £1.14 billion from transport funding.</i></p>	<p><i>Я буду добиваться запрета на въезд в Москву и Россию мигрантов без иностранных паспортов и правильно оформленных въездных документов;</i></p> <p><i>Я буду добиваться выдворения с долгосрочным запретом на въезд в Россию мигрантов, нарушивших правила пребывания;</i></p> <p><i>Я буду добиваться сокращения использования неквалифицированной рабочей силы в городском хозяйстве, в том числе в системе ЖКХ;</i></p> <p><i>Я буду добиваться закрытия и недопущения возобновления работы стихийных рынков и других точек притяжения незаконных мигрантов»;</i></p> <p><i>Я буду добиваться соблюдения мигрантами традиций и обычаев бытового поведения, принятых в нашем обществе.</i></p>

Очевидно, что любое обещание политика, связанное с планами на будущее, воспринимается усредненным избирателем скорее как «перформативное», рассчитанное на его скорейшее осуществление, однако, в данном случае, проверить степень его «перформативности» возможно только по окончанию выборов и вступлению кандидата на претендуемый пост, поэтому в данном случае эти обещания носят эксплицитный характер.

Прошедшее время как способ выражения достигнутого

Прошлое присутствует в равной мере и в одной, и в другой программе, это объясняется прежде всего тем, что мы говорим о кандидатах, уже исполнявших обязанности мэра. Б. Джонсон ранее уже избирался, а значит, есть то, что сделано, а С. Собянин уже работал исполняющим обязанности мэра.

Прошлое в программе Б. Джонсона обозначает личные достижения кандидата. Личная ответственность выражается в формуле «я обещал – я сделал»:

I promised to remove the dangerous and ineffective bendy-bus introduced by my predecessor onto London's streets, and have done so, removing the last one in December 2011;

I also promised a New Bus for London, and delivered it; I have introduced an increase in CCTV to make journeys safer and more transport police, and the result has seen a 30 per cent drop in crime on the bus network.

In addition, I have made data freely available to smartphone app developers with iBus enabling people to access real-time arrival information for their stop.

Более того, прошлое сдвигается с настоящим и будущим, расширяя выведенную ранее формулу «я обещал – я сделал» до «я продолжаю работать – я сделаю еще»:

I have already reduced the number of buses operating on Oxford Street by up to 20 per cent⁷⁶, and will maintain this;

I have not only doubled the number of accessible bus stops since 2008⁷⁸, I am proposing to increase the number of accessible bus stops <...>.

Соотношение прошлого с будущим в программе С. Собянина укладывается в формулу «было хорошо, а будет еще лучше», но действительный производитель действия отсутствует:

Было улучшено транспортное обслуживание порядка 600 тысяч жителей города. В 2013 году будет проложено еще 14 км линий метро;

В 2011–2012 годах в Москве был полностью ликвидирован дорожный долгострой и построено 70 км новых дорог. В ближайшие 5 лет будет:

- *полностью завершена реконструкция ряда важнейших «выезтных» магистралей внутри МКАД и федеральных трасс за Московской кольцевой дорогой в Московской области;*

- *проведена частичная реконструкция МКАД;*

- *сформированы новые хордовые трассы для более удобного сообщения между районами в средней части города в объезд Третьего транспортного кольца и центра;*

- *построены новые пешеходные переходы у высших учебных заведений и в других местах с интенсивным движением транспорта и большим людским потоком;*

- *сформирована современная дорожная сеть в Новой Москве».*

Выделяются качественные характеристики достигнутого:

В 2011–2013 годах мы качественно обновили подвижной состав основного городского перевозчика – «Мосгортранса»;

В 2014–2015 годах в городе появится новая модель автобусных перевозок;

Введенные в 2013 году новые виды билетов «Единый», «90 минут» и транспортная карта «Тройка» существенно упростили пользование наземным транспортом. Очереди в кассы метро стали значительно меньше или вовсе исчезли.

Заключение

Выводы могут быть представлены в сопоставительной таблице способов презентации предвыборных программ кандидатов на пост мэра Лондона и Москвы (таблица 2).

Таблица 2

	Предвыборная программа Б. Джонсона	Предвыборная программа С. Собянина
Субъект действия	«Я» (Б. Джонсон)	<ul style="list-style-type: none"> • «←» (кто-то, установить денотат невозможно) • «Я» (С. Собянин) (только в сочетании глаголами, имеющими запретительными интенции)
Будущее время	Глаголы, выражающие личную ответственность, обязательство выполнения обещаний	Глаголы с запретительными интенциями Бессубъектные конструкции
Прошедшее время	Прошлое обозначает личные достижения кандидата, а личная ответственность выражается в формуле «я обещал – я сделал», которая в дальнейшем сдвигается с формулой «я продолжаю работать – я сделаю еще»	Акцент на качественные характеристики достигнутого, соотношение прошлого и будущего выражается в формуле «было хорошо, а будет еще лучше»

Сопоставляя использование будущего и прошедшего времени в тематически совпадающих разделах предвыборных программ кандидатов на пост мэра Лондона и Москвы, нам удалось доказать особую значимость способов представления содержания, которые позволяют обнаружить созданный авторами программы положительный образ кандидата на пост мэра Москвы и подчеркнуть открытость, личную ответственность за совершенные и запланированные действия кандидата на пост мэра Лондона.

В лондонской модели актуализируется не только будущее время, но и выводится на первый план субъект действия, автор программы, в предельно личной форме *I will*. Местоимение 1-го лица единственного числа связывается с такими сказуемыми, которые выражают не только желание мэра улучшить жизнь лондонцев, но и его обязательство выполнения планов, заявленных в предвыборной программе.

В московской модели планы на будущее выражаются бессубъектными конструкциями, но конкретная референция агенса из контекстов не восстанавливается, а местоимение 1-го лица единственного числа связываются с отглагольными существительными, которые выражают запрет и ограничение свободы действия мигрантов.

Прошлое присутствует в равной мере и в одной и в другой программе. В лондонской модели прошлое обозначает личные достижения кандидата, а личная ответственность выражается в формуле «я обещал – я сделал», которая в дальнейшем сдвигается с формулой «я продолжаю работать – я сделаю еще». Соотношение же прошлого с будущим в программе С. Собянина укладывается в формулу «было хорошо, а будет еще лучше», акцентируя внимание на качественных характеристиках достигнутого, а действительный производитель действия опускается.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / Под ред. Арутюновой Н.Д., Янко Т.Е. М., 1997. С. 51–61.
2. Валентинова О.И. Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: Форма как смыслоформирующая сила. М., 2014.
3. Остин Дж. Избр. Как производить действия при помощи слов / Пер. В.П. Руднева. Смысл и сенсibiliи / Пер. Л.В. Макеевой. М., 1999.
4. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 22–29.
5. Циммерлинг А.В. Логика прогноза // Логический анализ языка. Язык и время / Под ред. Арутюновой Н.Д., Янко Т.Е. М., 1997. С. 337–347.
6. Saussure, de L. Manipulation and Cognitive Pragmatics: Preliminary Hypotheses // Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century: Discourse, Language, Mind / de Saussure L. & Schulz P. (eds). Amsterdam-Philadelphia, 2005. P. 113–146.
7. Harkness J. Time adverbials in English and Reference Time // Essays on Tensing in English / Schopf A. (ed.). Niemeyer, Tübingen, 1987. Vol. 1. P. 27–69.
8. Nichols J. Nominalization and assertion in scientific Russian prose // Clause Combining in Grammar and Discourse / Ed. by J. Haiman and S. A. Thompson. Philadelphia, 1988.
9. Prior A. Past, Present and Future. Oxford, 1967.
10. Reichenbach H. Elements of Symbolic Logic. NY, 1947.
11. Dijk, van T.A. Discourse and Manipulation // Discourse and Society. 2006. №17 (2). P. 359–383.

А.Ф. Раджабова

Применение метапредметного подхода на уроках русского языка как условие осознанного самоопределения личности ребенка в основной школе

Осознать роль родного языка в жизни общества возможно с помощью системы специально подобранных учителем упражнений, направленных на управление умственной деятельностью ученика и коррекцию «зоны ближайшего развития». В статье представлены некоторые из таких упражнений, основанные на принципах исследования текста и комплексе всех видов речевой деятельности.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка, исследование текста на уроке русского языка, межличностное общение на уроке русского языка, умственная деятельность, зона ближайшего развития.

В настоящее время в национальном образовании провозглашен приоритет общечеловеческих ценностей, что, бесспорно, помогает формировать и развивать языковую личность. Формирование личности, способной к реализации своих возможностей, социально устойчивой и одновременно мобильной, адаптирующейся, способной вырабатывать и изменять собственную стратегию в меняющихся обстоятельствах жизни, – главная цель современного образования, отвечающая социальным запросам. Представление об ученике как субъекте учебно-познавательной

деятельности делает обоснованной необходимость переосмысления целей, задач и содержания обучения.

Русский язык, как известно, выполняет важную образовательную функцию, являясь не только предметом изучения, но и средством обучения другим школьным предметам. «Как средство познания действительности русский язык обеспечивает развитие интеллектуальных и творческих способностей учащихся, развивает их абстрактное мышление, память и воображение, формирует навыки самостоятельной учебной деятельности, самообразования и самореализации личности. Будучи формой хранения и усвоения различных знаний, русский язык неразрывно связан со всеми школьными предметами, влияет на качество их усвоения, а в дальнейшем на качество овладения профессиональными навыками» [1, с. 5].

Нормативной основой нового подхода в обучении стали Федеральные государственные образовательные стандарты, принятые в 2010 г., согласно которым образование ориентируется на единство процессов обучения и воспитания на основе формирования общих учебных умений, обобщенных способов действия, что обеспечивает личностное и познавательное развитие обучающихся, решение жизненных задач и возможность саморазвития личности [3].

Основным подходом в обучении русскому языку провозглашен системно-деятельностный подход, обеспечивающий достижение планируемых результатов освоения основной образовательной программы и создающий основу для самостоятельного успешного усвоения школьниками новых знаний, умений, компетенций, видов и способов деятельности.

Содержание курса русского языка обусловлено общей направленностью образовательного процесса на достижение общих целей обучения, что возможно на основе компетентностного подхода, который обеспечивает формирование и развитие коммуникативной, языковой и лингвистической (языковедческой) и культуроведческой компетенций [4].

В стандартах определены не только цели и содержание образования, но и предполагаемые предметные, метапредметные и личностные результаты как итог освоения учебных дисциплин.

Метапредметные результаты обучения – это освоенные при изучении нескольких или всех предметов универсальные учебные действия, межпредметные понятия. Результатом применения метапредметного подхода на уроках русского языка является формирование универсальных учебных действий, т.е. уровня развития базовых способностей обучающихся, для эффективного использования полученных на уроке знаний во всех сферах общественной деятельности ребенка.

Универсальные учебные действия нами рассматриваются как *обобщенные действия*, позволяющие учащимся ориентироваться в различных предметных областях познания, с одной стороны, и порождающие мотивацию к учебной деятельности – с другой. Различаются регулятивные, познавательные и коммуникативные универсальные учебные действия.

Развитие *регулятивных* универсальных учебных действий связано со способностью ученика управлять своей деятельностью (ставить и формулировать цели предстоящей учебной деятельности, планировать этапы деятельности, прогнозировать ее результаты), а также контролировать и оценивать достигнутые результаты своей и чужой деятельности и адекватно формулировать их в устной и письменной форме; вносить необходимую коррекцию в процессе деятельности.

Познавательные универсальные учебные действия сводятся к формированию умений школьников выполнять такие логические операции, как сравнение, анализ, синтез, обобщение, классификация, установление аналогий, подведение под понятие; извлекать и перерабатывать информацию и др.; строить логическую цепь рассуждения (выдвижение тезиса, гипотезы, их обоснование, подбор аргументации и др.).

Особенно актуально на уроках русского языка формирование *коммуникативных* универсальных учебных действий, т.к. это связано с освоением различных видов речевой деятельности (говорения, слушания, чтения и письма), с формированием умений систематизировать информацию и предъявлять ее разными способами; способностью строить продуктивное речевое взаимодействие со сверстниками и взрослыми в процессе коллективной деятельности; осуществлять речевой контроль; оценивать речь с точки зрения ее содержания [2, с. 5–6].

В условиях развития у детей всех видов универсальных учебных действий учебная деятельность сама становится предметом усвоения. Факт осознанности своей деятельности позволяет ребенку не ждать готовых истин извне, но стараться все полученные знания подвергать личной проверке, т.е. заглянуть внутрь себя, поставить цель, выбрать средства ее осуществления, все спланировать и действовать, проанализировав уже имеющиеся знания, а в итоге суметь дать объективную оценку своим действиям и стимулировать собственную дальнейшую деятельность. Задачей педагога при этом является управление умственной деятельностью ученика, коррекция «зоны ближайшего развития».

Программа формирования универсальных учебных действий направлена на обеспечение системно-деятельностного подхода, положенного в основу стандарта, и призвана способствовать формированию функционально грамотной личности. Особый смысл при этом получает личностно

ориентированное обучение с его направленностью на саморазвитие, самообразование, самореализацию личности.

Уже первые уроки, посвященные общим сведениям о языке (они проводятся в каждом классе), являются, на наш взгляд, очень важными, поскольку именно на них ученики получают сведения о происхождении, становлении и роли русского языка как языка государственного, языка межнационального общения на территории Российской Федерации, языка художественной литературы.

Национальный язык всегда рассматривается как важнейшая культуроносная сила нации. В нем отражается душа народа, его нравственные принципы и идеалы. Национальный язык отражает этнические особенности, в нем воплощена многовековая история и культура русского народа и государства. «Слово не просто значит “речь”, “язык”, оно выступает как воплощение народного духа, национального самосознания русского народа», – утверждает профессор А.И. Горшков.

Овладение русским языком обостряет чувство родного слова. Родной язык является источником ментальности, национального самосознания, национального единства, духовности русского народа. Народ – творец и хранитель национального русского языка как средства межличностного общения и взаимопонимания.

Осознать роль родного языка в жизни общества помогают специально подобранные упражнения. В рамках статьи мы остановимся на одном из видов коммуникативных упражнений, связанных с анализом текста, который рассматривается и как процессуальное явление, порождаемое в речевой деятельности, и как ее результат, и как средство хранения и передачи культурной и эстетической информации. Таким образом, именно комплексная работа с текстом способствует формированию метапредметных умений.

На этом этапе предлагаем тексты, анализируя которые учащиеся проводят мини-исследование, выполняя комплекс заданий и отвечая на поставленные вопросы. Например:

Прочитайте высказывания о русском языке русских писателей, оставивших заметный след в истории российской культуры.

1. «Рассматривая народ как существо духовного порядка, мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа, с которыми, однако, история его тесно связана. История русского языка, быть может, раскроет перед вами характер народа, говорящего на нем. Свободный, сильный, богатый, он возник раньше, чем

установилось крепостное рабство и деспотизм». (В.К. Кюхельбекер, 1821 г.)

2. «Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы». (А.С.Пушкин, 1828 г.)

3. «Создать язык невозможно, ибо его творит народ; филологи только открывают его законы и приводят их в систему, а писатели только творят на нем сообразно с сими законами» (В.Г. Белинский, 1834 г.).

Что общего можно обнаружить во всех этих отрывках? Что вы знаете об авторах этих текстов? Почему их мнению можно доверять?

В ходе анализа текстов, исследования их построения и языковых особенностей учащиеся приходят к следующим выводам.

Автор первого высказывания (В.К. Кюхельбекер) характеризует язык как *свободный, сильный, богатый. Язык – это душа народа*. Чтобы лучше понять это высказывание, обратимся к словарю и определим лексическое значение слова душа. Это слово многозначное. В данном случае оно употреблено в 1-м значении: *внутренний, психический мир человека, его сознание*. Следовательно, язык отражает сознание народа.

Основная мысль высказывания А.С. Пушкина – *писатель должен знать законы своего языка и традиции его употребления*.

Идея высказывания В.Г. Белинского заключается в том, *что творцом языка является народ*. Эта мысль является центральной для всех трех отрывков.

Заключительным этапом работы по формированию метапредметных умений является подготовка собственного высказывания на определенную тему. Так, результатом проведенного школьниками исследования предложенных текстов становится сочинение-рассуждение на одну из тем: «Что для меня значит родной язык?», «Я русский бы выучил только за то...», «Зачем надо знать родной язык?»

Принципы исследования текста, методы и приемы работы с ним в значительной мере позволяют расширить и углубить содержание уроков русского языка за счет включения комплекса понятий всех видов речевой деятельности – говорения, аудирования, чтения и письма, т.к. от степени сформированности связанных с ними умений зависит качество и результаты обучения по другим дисциплинам, а также развитие личности в целом.

Библиографический список

1. Воителева Т.М. Программа по русскому языку (10–11 кл.). М., 2010.
2. Русский язык. Примерная программа. М., 2011. С. 5–6.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897.
4. Фундаментальное ядро содержания общего образования / Под ред. В.В. Козлова, А.М. Кондакова. 4 изд., дораб. М., 2011.

Адамян Наталья Александровна – аспирант кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург. E-mail: lina77@bk.ru.

Гращенков Павел Валерьевич – кандидат филологических наук; преподаватель отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова; научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки, Институт востоковедения РАН. E-mail: pavel.gra@gmail.com.

Димитриева Ольга Альбертовна – аспирант кафедры русского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары; учитель английского языка, средняя общеобразовательная школа с углубленным преподаванием отдельных предметов № 57, г. Чебоксары, Чувашская республика. E-mail: olgaal_79@mail.ru.

Кишш Илона – PhD (филология); главный редактор, журнал «Русский квартал» Будапештского университета им. Лоранда Этвёша. E-mail: kissilona55@gmail.com.

Кузьмин Артем Александрович – аспирант кафедры английского языка Воронежского государственного педагогического университета; учитель английского языка, средняя общеобразовательная школа с. Дмитрова Гора Конаковского района Тверской обл. E-mail: izlom@yandex.ru.

Либерман Анатолий Симонович – доктор филологических наук; профессор кафедры германских языков, Миннесотский университет, г. Миннеаполис, США. E-mail: aliber@umn.edu.

Лютикова Екатерина Анатольевна – кандидат филологических наук; заведующий лабораторией общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований, МГГУ им. М.А. Шолохова; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: lyutikova2008@gmail.com.

Петрова Оксана Олеговна – аспирант кафедры русского языка Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; преподаватель кафедры русского языка, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского. E-mail: poks1990@yandex.ru.

Раджабова Аида Фетуллаховна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Института языка и коммуникации МГГУ им. М.А. Шолохова; руководитель структурного подразделения дошкольного образования № 5, общеобразовательное учреждение «Школа № 97», г. Москва. E-mail: captiousss@ya.ru.

Тузова Екатерина Игоревна – аспирант кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; учитель английского языка, средняя общеобразовательная школа № 17, г. Коломна Московской обл. E-mail: Kateknyaz@mail.ru.

Adamyán N.

Semantic differences of the international vocabularies of the austriangerman language

The article is devoted to defining specific characteristics of the international vocabulary of the Austrian German language in comparison with the German national standard. The author describes the main questions connected with spreading of the international vocabulary in the modern world. International words of the Austrian and German usage are compared and analyzed in pairs showing the main semantic (process of polysemy and monosemy) and stylistic differences between them.

Key words: international vocabulary, national variants, semantic features, polysemy, monosemy, stylistic features, Austrian German language.

Dimitrieva O.

Saturative verbal action way: verbs meaning drinking with the derivational formant на-...-ся

The article is devoted to the analysis of the interaction between grammatical and lexical semantics of the saturative verbal action way and their contextual surrounding. The verbs meaning drinking alcohol such as *напиться, нализаться, набратся* etc. are described in details.

Key words: verbal action ways, context, the language picture of the world, cultural linguistics, linguoculturology.

Grashchenkov P.

Syntactic qualities of suffixes of the Russian adjectives

The paper describes the derivation of the Russian adjectives. The most productive suffixes creating adjectives from other items, *-n* and *-sk*, are compared with respect to their properties. Based on the selective properties of derivational suffixes, it is proposed to treat such elements as syntactic items.

Key words: Russian, adjectives, syntax, word-formation, suffixation.

Kiss I.

The image of cult – the meaning of culture.
Notes on the articles on the Trinity Lavra
of St. Sergius by P.A. Florensky

The article focuses on the concept of culture, developed by Florensky outside of the opposition of church and secular culture. A means of overcoming this opposition is the synthesis of image and meaning in the process of transformation of images and rituals of the cult in the semantic structure of culture. This complex process is analyzed on the basis of the article by P.A. Florensky of the Trinity Lavra of St. Sergius as a spiritual center of Russia.

Key words: P. Florensky, secular and church culture, visualization of culture, “gender” unity, continuity and transferability of cultural tradition, Commission for Protection of Art Monuments of Treasures of the Trinity Lavra of St. Sergius.

Kuzmin A.

To the issue of Semantic Peculiarities of medieval professions
in English

In the article semantic peculiarities of lexical-semantic field «professions» in Middle English are investigated. The author made an attempt to choose and analyze the words related to occupations. The results of the research show dividing of all the lexis concerning names of professions to several thematic groups. The paper provides additional information about different occupations and history in the Medieval Britain.

Key words: lexis with the meaning “professions”, Middle English, thematic group, medieval lexis with the meaning of profession, lexis-semantic field of professions, professions in Britain in XI–XV cc.

Liberman L.Occam's Razor in Etymology: A Case Study
(English *qualm*, German *Qualm*)

Etymologists often have to choose among several equally probable solutions. As a rule, in such cases dictionaries avoid taking sides and leave it to the user to decide which path to follow. But occasionally one seemingly good solution presupposes an avoidable (superfluous) move and should for this reason be rejected (Occam's razor). A case in point is the etymology of *qualm*, initially 'thick smoke; nausea', a word borrowed into early Modern English from Low German. Into High German it was also borrowed from the north. There it surfaced equally late and meant roughly the same. The noun appears to be allied to *quellan* '*gush forth'; *-m* is an ancient suffix. But *qualm* had a nearly full synonym, namely *twalm* < *dwalm* 'chaos; error, etc.', akin to *dwellan*, and in German /kw/ (/kv/) occasionally goes back to /tw/ (/tv/). The question arises whether *qualm* is a cognate of *quellan* or of *dwellan*, with *kw-* traceable to *dw-*. Since the second solution presupposes a needless complication, it should probably be rejected (Occam's razor).

Key words: English, German, etymology, origin, reconstruction, lexicography.

Lyutikova E.

Free relatives in Russian: empirical data and theoretical issues

The paper considers syntactic properties of free relatives in Russian that include categorial and case matching conditions, that can be violated in non-argumental positions, morphological rather than syntactic nature of the case matching, and multiple free relatives. The paper argues that these properties cannot be subsumed under a uniform analysis and call for distinguishing two types of free relative constructions – those that obey or violate matching conditions.

Key words: free relatives, morphological and abstract case, Russian.

Petrova O.Cultural-ideological semantics in religious discourse
in explanatory dictionaries of the Russian language
of the XIX–XXI centuries

This research is devoted to consideration of interpretation of the lexicon of a religious discourse containing cultural and ideological semantics, and

also comparative analysis of their representation in explanatory dictionaries of different periods (XIX–XXI centuries). The main sources were such lexicographic publications as the Dictionary of Church Slavonic and Russian language, composed by the Second branch of the Imperial Academy of Sciences 1847, Explanatory dictionary of the Russian language Ed. by D.N. Ushakov 1935–1940, Explanatory dictionary of the Russian language including information about the origin of words Ed. by N.Y. Shvedova 2011.

Key words: cultural-ideological semantics, religious discourse, religionism, indicators discursive limitations, valuation, modal particles doubt.

Radzhabova A.

The use of meta-subject approach at the lessons of the Russian language as a condition of perceived self-identification of a school learners' personality

To realize the role of the native language in everyday social life a teacher can employ the system of specially selected exercises directed to the management of the children's mental activity and the correction of «the zone of the nearest development». In the present article the author reviews some of the exercises based on the principles of text interpretation and the complex of all kinds of speech activities.

Key words: methods of teaching Russian, text interpretation during the lesson of the Russian language, interpersonal communication at the lesson, mental activity, «the zone of the nearest development».

Tuzova E.

Meaningful ways of presentation of the future and past tenses in the electoral programmes of the candidates for the post of London and Moscow mayors

The author compares the texts of the corresponding parts of the candidates for the post of London and Moscow mayors' electoral programs and points out the importance of the usage of the future and past tenses. Using the method of comparison the author of the article introduces the meaningful ways of presentation of these tenses, which help to create a positive image of the candidate in the social consciousness. As a result of this comparing we've managed to elicit a fact that the success of a politician depends directly on the competent presentation of their candidate's program. The usage of a certain grammatical structure of the expression can provoke positive or negative

associations and their combination brings the audience to the necessary angle of perception of the information.

Key words: meaningful ways of presentation of the content, ultimate actualization of the future tense, the ways of denotation establishment, the principle of subjectivity/non-subjectivity, compositional decision of the programs parts, comparing the grammar decision of the program parts.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет –
М. В. Кантакузен
Компьютерная
верстка –
Ю. В. Балашова

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «Филологические науки»
2015.3

Электронная версия журнала: www.mggu-sh.ru

Сдано в набор 09.09.2015 г.
Подписано в печать 12.09.2015 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 6,5 п. л.
Тираж 100 экз.